

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.В. Кирчанов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии

Учебное пособие для вузов
(курс лекций)

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2008

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)
К 436

Утверждено научно-методическим советом факультета международных отношений «19» декабря 2007 г., протокол № «5».

Р е ц е н з е н т ы

Тимофей А. Агарин (Timofei A. Agarin)
доктор философии (PhD in Politics),
лектор-исследователь (Lecturer / Researcher)
Абердинский университет (Aberdeen University)
Шотландия, Великобритания (Scotland, UK)

Д. В. Офицеров-Бельский
доц., к.и.н.
Пермский государственный университет
Кафедра новой и новейшей истории

Учебное пособие подготовлено на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета. Рекомендовано для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета всех форм обучения.

Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии. Учебное пособие для вузов (курс лекций) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 212 с.

Для направления: 080200 (521300) – регионоведение

Для специальности: 030701 (350200) – международные отношения

© М.В. Кирчанов, 2008
© Воронежский государственный университет, 2008
© Факультет международных отношений, 2008

Содержание

1. Введение	4
2. Теории модернизации в политических и социальных зарубежных науках	11
3. Проблемы модернизации в советском отечественном дискурсе	52
4. Проблемы модернизации в отечественном научном дискурсе	64
5. Традиционное общество: проблемы функционирования и Воспроизводства	78
6. Традиционное общество в отечественном и зарубежном научном дискурсе	92
7. Первая волна модернизационных процессов в Европе	113
8. Проблемы модернизации внутренней (тюркской) периферии в России	137
9. Проблемы и направления модернизационных процессов во внутренней (финно-угорской) периферии в России	166
10. Заключение	200
11. Модернизация: нравственные дискурсы и политические доминанты	202
12. Рекомендованная литература	207

Введение

Модернизация, модернизационные процессы, модернизм, модернизи – понятия, которые часто используются в современной политологической традиции, в первую очередь – в американской. Несколько столетий в истории европейской и американской цивилизации могут быть интерпретированы как модернизационные процессы. Практически никто не отрицает, что прогресс в Европе и Америке за последние три столетия – неоспоримый факт.

С другой стороны, модернизация вызывает многочисленные споры и дискуссии. В исследовательском сообществе нет единства мнений относительно того, что такое модернизация, какую роль играют модернизационные процессы и как пресловутая модернизи соотносится с традиционностью, традиционной структурой. Несмотря на то, что, по меньшей мере, три столетия в европейской истории – это история модернизации, дискуссии в этой сфере начались только в середине XX столетия.

Появлению на Западе теорий модернизации предшествовало появление марксизма. Карл Маркс заложил одну из центральных идей, которая позднее доминировала в различных модернизационных теориях. Как известно, Маркс полагал, что все страны проходят в процессе своей истории одинаковые стадии экономического, социального и политического развития. В такой ситуации менее развитые страны исторически обречены на развитие, то есть не модернизацию.

В 1966 году американский социолог С. Блэк опубликовал одно из первых теоретических исследований, посвященных модернизации. В своей книге «Динамика модернизации» С. Блэк констатировал сложности, с которыми сталкивается исследователь модернизации: «...современная литература, посвященная вопросам модернизации продолжает пребывать в процессе определения своего предмета у поиска основополагающих фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и структур...»¹. Блэк полагал, что изучение модернизации невозможно в рамках одной гуманитарной науки – истории, политологии, социологии, культурологи. По мнению С. Блэка, изучение модернизации – междисциплинарная задача. В этой ситуации изучение модернизации – «...междисциплинарное изучение человечества путем описания и объяснения во всей сложности процессов изменения, которым приписывается мировое значение...»².

Вероятно, именно появление исследования С. Блэка мы можем принять за отправную точку в начале модернизационных исследований. По-

---

¹ Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975. – P. 186.

² Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

степенно в политологической и социологической традициях возникают различные теоретические подходы к проблеме модернизации, известные как теории модернизации или *theories of modernization*.

Что такое модернизация? В политологической, социологической и культурологической литературе относительно определения этого понятия нет единства мнений. Вероятно, модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного аграрного общества, основанного на патриархальной культуре и жестко закреплённой социальной структуре и иерархии, к индустриальному обществу, которое, в свою очередь, имеет фундамент в крупном машинном производстве и рациональном управлении общественными процессами в рамках, как правило, демократических политических режимов.

Отталкиваясь от этого определения, мы можем предположить, что под модернизацией нам следует понимать совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации, становления системы всеобщего образования, представительной политической демократии, усиление пространственной, региональной и социальной мобильности. Эти факторы в комплексе способствуют формированию того типа общества, которое известно как «открытое общество».

Какие процессы в этой ситуации характеризуют модернизацию? Суммируя изменения, протекающие в рамках модернизационных процессов, мы можем определить их следующим образом: совершенствование системы общественных отношений и изменение уклада жизни; рост сознательности и самостоятельности отдельных членов общества; максимальное распространение товарно-денежных отношений; появление новых технологий; достижение высокого уровня профессиональной специализации менеджеров, служащих и рабочих; изменение социальных отношений через повышение социальной мобильности.

Модернизация, таким образом, является гибелью традиционного общества. Под традиционным обществом следует понимать общество, важнейшими атрибутивными характеристиками которого являются: существование т.н. невыделенной индивидуальности, что проявляется в существовании личной зависимости индивида от семьи, касты, сословия; доминирование групповой коллективной идентичности; социальный статус имеет предписанный характер и является наследственным; социальная мобильность крайне ограничена; доминирование традиционных институтов, среди которых различные формы патернализма и алиана.

Таким образом, модернизация представляет собой общественный и исторический процесс, по мере протекания которого традиционные общества становятся современными и индустриально развитыми. В связи с этим, а западной политической науке относительно процесса модернизации утвердились два подхода. Автором первого мы можем считать Эмиля Дюркгейма, второго – Макса Вебера. Согласно первому концепту, модер-

низация является преимущественно социальным процессом, связанным с развитием трудовых отношений. Согласно второй концепции, модернизация – это процесс постепенной рационализации, как общественно-политических, так и экономических отношений.

Существует немало определений процесса «модернизации»³. Приведем некоторые из них. Упомянутый выше С. Блэк определял модернизацию как процесс, при помощи которого различные общества стремятся адаптироваться и адаптируются к окружающим изменениям⁴. Израильский ученый Ш. Эйзенштадт оценивает модернизацию как процесс изменения различных обществ в направлении политических моделей Запада⁵. Роберт Уорд полагал, что модернизация является целенаправленным изменением социальных отношений и окружающей среды⁶. Р. Бендикс указывает на то, что под модернизацией следует понимать комплекс политических и социальных перемен, связанных с процессами индустриализации⁷. С. Ваго полагает, что модернизация является трансформацией аграрных обществ в индустриальные⁸. По мнению В. Цапфа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную революцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы⁹.

Модернизация, как сложный и комплексный процесс, обладает целым рядом характеристик. Важнейшие из характеристик модернизации следующие: комплексность (модернизация является универсальным процессом, который охватывает все сферы жизни общества); системность (в рамках модернизации изменение любого элемента системы влечет изменения других элементов); глобальность (и хотя процесс модернизации исторически начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток); темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения); разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными особенностями).

С понятием «модернизация», как правило, ассоциируется целый комплекс различных теоретических и методологических концептов, теорий

---

³ Обзор и критику основных теорий модернизации см.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.

⁴ Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

⁵ Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.

⁶ Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.

⁷ Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.

⁸ Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.

⁹ Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.

модернизации¹⁰. Под теориями модернизации следует понимать теории, рассматривающие модернизацию как сложный глобальный процесс, который, с одной стороны, характерен для всех ключевых сфер функционирования общества; а, с другой, отличающийся структурной и функциональной дифференциацией и образованием новых форм интеграции. Среди теорий модернизации выделяется девелопментализм или теория зависимого развития, теория структурно-функциональной дифференциации, теории индустриального общества, теория равного партнерства.

Девелопментализм представляет собой теорию модернизации, согласно которой развитие является непрерывным и, поэтому, прогрессивным процессом. Девелопментализм использовался в зависимости от ситуации и политической конъюнктуры как обоснование превращения традиционных и слабо развитых стран в развитые социалистические или капиталистические страны. Комментируя особенности этой теории, А.П. Цыганков пишет, что «...методологически девелопментализм сформировался как направление, претендующее на выборочное использование различных, уже получивших признание достижений структурализма, институционализма и других подходов. Девелопментализм, ключевым термином которого стало "развитие", попытался показать, что изучение развития не может ограничиваться только анализом институтов или же только образцов политического поведения ...»¹¹.

Структурно-функциональная дифференциация – теоретический концепт, в рамках которого модернизация осознается и позиционируется как процесс разделения социальных систем и / или подсистем на структурные элементы в зависимости от предписываемых им функций. В рамках теории индустриального общества доминирует комплекс нарративов, согласно которым технический прогресс и рост крупного машинного производства являются основой создания, формирования и развития индустриального общества. Индустриальное общество, в свою очередь, позиционируется как универсальная модель для развития всех стран.

Теория равного партнерства – теория модернизации, в рамках которой основное внимание уделяется таким проблемам, как ускоренное развитие и модернизация экономики развивающихся стран. Сторонники этой концепции полагают, что развивающиеся страны в результате модернизации должны отказаться от роли поставщиков сырья и продовольствия и перейти к непосредственному участию в производстве, активно взаимодействуя и сотрудничая с развитыми и развивающимися странами.

Успех любой модернизации зависит от степени и глубины политической модернизации. Именно политические изменения является залогом

---

¹⁰ В задачу автора не входит анализ этих теорий. См. подробнее: Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006. – С. 101 – 114.

¹¹ http://gosprav.ru/tsygankov_political/19/a/

дальнейшего успешного развития – политического, социального, экономического... Американские политологи С. Верба и Л. Пай предложили концепцию политической предопределенности и обусловленности модернизации¹². Согласно их концепции, следует выделять ряд характеристик политической модернизации, а именно: структурная дифференциация институтов политической системы (постоянное появление новых политических институтов, которые выполняют свои строго очерченные и определенные функции – с другой стороны, эти институты являются тесно между собой связанными); повышение мобилизационного потенциала политической системы (такое общество в состоянии мобилизовать и эффективно использовать разнообразные ресурсы); повышение способностей политической системы реагировать на кризисные ситуации; тенденция к политическому равноправию (постепенное снятие всех ограничений на участие граждан в политической жизни).

Процессы модернизации в различных регионах протекали неравномерно. Поэтому, выделяются эшелоны модернизации. К странам первого эшелона относятся государства Западной Европы, США и Канада. В этих странах модернизация протекала как результат рационального использования внутренних ресурсов в условиях триумфа демократических ценностей. К странам второго эшелона относятся страны Центральной, Восточной, Юго-Восточной (балканские государства) и Южной (Испания и Португалия) Европы, а так же государства Латинской Америки и некоторые восточные страны, среди которых Турция, Япония и Россия. Модернизация в этих регионах началась позднее, протекала в условиях бурных политических процессов и не всегда в рамках демократических режимов. К третьему эшелону относятся постколониальные государства Азии и Африки, где внутренние предпосылки для модернизации почти отсутствовали, а сами модернизационные процессы стали результатом попытки правящих элит использовать различные варианты модернизации, опробованные в Европе, в рамках демократической или авторитарной модели и стратегии.

Остановимся кратко на структуре настоящей книги. По субъективному мнению автора, настоящее Введение является сугубо ритуальной частью и структурным элементом научного текста и, поэтому, самым слабым разделом в настоящей книге¹³. В разделе «Теории модернизации в полити-

---

¹² См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.

¹³ Автор предпочел бы предпослать книге краткое введение в западном стиле, некий Preface, но отечественные нормы написания учебных пособий и лекционных курсов заставили его отказаться от этой идеи. Фрагменты из этого так и не написанного до конца Введения можно найти в настоящей тексте. Автор поместил переработанное и недописанное Введение в виде своеобразного послесловия. Читатель, знакомый с проблематикой настоящего пособия, вряд ли сможет найти во Введении что-то новое. Автор адресует его студентам как введение в саму проблему модернизации, полагая, что основную смысловую нагрузку несут последующие разделы.

ческих и социальных зарубежных науках» речь идет о различных теориях и концепциях модернизационных процессов, предложенных зарубежными исследователями. Раздел «Проблемы модернизации в советском исследовательском дискурсе» посвящен судьбам изучения модернизации в советском обществознании. В разделе «Проблемы модернизации в отечественном научном дискурсе» мы кратко остановимся на некоторых результатах изучения модернизации в современной России. Два раздела книги «Традиционное общество: проблемы функционирования и воспроизводства» и «Традиционное общество в отечественном и зарубежном научном дискурсе» касаются проблем исторического предшественника современности – традиционного общества. В разделе «Первая волна модернизационных процессов в Европе» речь идет о наиболее ранних модернизационных процессах. Два раздела «Проблемы модернизации внутренней (тюркской) периферии в России» и «Проблемы и направления модернизационных процессов во внутренней (финно-угорской) периферии в России» касаются судеб модернизации внутренних периферий в России на примере некоторых финно-угорских и тюркских регионов.

Автор понимает, что пособие затрагивает лишь некоторые проблемы, связанные с модернизационными процессами. Модернизации посвящены некоторые мои более ранние публикации. Проблематику, связанную с традиционностью и модернизацией, я неоднократно затрагивал в период работы над кандидатской диссертацией. Автор исходит из того, что национальные и националистические движения, формирование нации являются неотъемлемыми элементами модернизации¹⁴. Подобные проблемы затронуты и в некоторых других моих публикациях, посвященных тюркским народам¹⁵ и Бразилии¹⁶. Автор планирует написать продолжение настоя-

---

¹⁴ Кирчанов М.В. Проблемы ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Новик. – Воронеж, 2004. – Вып. 9. – С. 127 – 134; Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26 – 27 марта 2005 г.) – С. 153 – 167; Кирчанов М.В. Латышское национальное движение и проблемы его институционализации в начале XX века / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. Трансформация социальных и политических институтов: Сборник научных трудов. – Калининград, 2005. – Вып. 3. – С. 14 – 43.

¹⁵ Кирчанов М.В. Создавая национальную историю чуваш: исторические нарративы и национальная идентичность в Советской Чувашии / М.В. Кирчанов // Современные подходы и трактовки важнейших проблем отечественной и всемирной истории: материалы Международных Бекмахановских чтений. Алматы, 25 – 26 мая 2006 г. – Алматы, 2006. – С. 352 – 357.

¹⁶ Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.

щего модернизационного курса, сфокусировав внимание на локальных дискурсах и казусах модернизационных процессов.

Автор осознает, что все разделы настоящего лекционного курса получились в значительной мере отличными друг от друга. Автор не отрицает того, что в некоторых местах текст лекций может оказаться сложным для чтения и понимания, что приближает его, скорее к научной монографии, чем учебнику. С другой стороны, не могу согласиться с возможными замечаниями о том, что учебники должны быть простыми и не содержать научно-справочного аппарата. Мои предшественники, которые посвятили свои учебные пособия модернизации, так же не смогли избежать этой проблемы. Вероятно, учебная литература, посвященная традиционному обществу и модернизационным процессам, как междисциплинарной проблеме, органически обречена на эту двойственность.

Издание имеет чисто образовательные цели и предназначено для использования в учебном процессе. Вся информация, использованная при написании пособия и нашедшая в нем отражение, взята из открытых опубликованных и интернет-источников. В период работы над пособием автор не получал никакой помощи (материальной, финансовой и пр.) от российских и зарубежных общественных и научно-исследовательских организаций. Работа написана исключительно на базе факультета международных отношений ВГУ. Издание предназначено для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета, для всех интересующихся проблемами политической модернизации и интеграции.

ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ НАУКАХ

*Проблемы модернизации в социологической теории Н.
Смелзера – Классический социокультурный модернизм
Э. Гэллнера – Проблемы модернизации в работах Ш.
Эйзенштадта – Социальная модернизация П. Штомпки*

Проблемы модернизации в социологической теории Нейла Смелзера

Модернизационные процессы занимали одно из важнейших мест в том исследовательском инструментарии, который использовался западными социологами и политологами в XX веке. Модернизация в западной политологической и социологической мысли стала комплексной категорией, которая использовалась для анализа процессов общественного развития и имеющих место социальных и политических изменений. Попытка комплексного описания модернизационных процессов присутствует в работах одного из крупнейших западных социологов Нейла Смелзера (Neil J. Smelser)¹⁷.

Понятие «модернизация» в концепции Смелзера не занимает центрального места в его понятийном аппарате. С другой стороны, описывая процессы, которые протекали в рамках различных социальных институтах, Н. Смелзер пишет о различных изменениях, которые могут быть определены как модернизация, модернизационные процессы¹⁸. В частности, Н. Смелзер значительное внимание уделяет социальным изменениям. Под социальными изменениями Нейл Смелзер понимает «...изменение способа организации общества ...»¹⁹.

Конкретизируя это определение, Н. Смелзер писал, что «...даже одно изобретение вызывает перемены в экономике, распределении социальных вознаграждений и моделях социального взаимодействия среди народов Арктики. В настоящее время социальные институты обретают новые формы, и их связь друг с другом меняется быстрее, чем когда-либо прежде. Шестьдесят лет назад антропологам, занятым поиском обществ, имевших лишь незначительные контакты с современным промышленным миром,

---

¹⁷ Smelser N.J., Parsons T. Economy and Society / N. Smelser, T. Parsons. – L., 1956; Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Industry / N.J. Smelser. – L., 1959; Smelser N.J. Theory of Collective Behavior / N.J. Smelser. – L., 1962; Smelser N.J. The Sociology of Economic Life / N.J. Smelser. – NJ., 1963; Smelser N.J. Sociological Theory: A Contemporary View / N.J. Smelser. – NY., 1971/

¹⁸ Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1998.

¹⁹ Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер // http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

легко удавалось их обнаружить, путешествуя по Африке, Латинской Америке и южному побережью Тихого океана. В наши дни лишь очень немногие общества не ощутили хотя бы некоторого воздействия индустриализации. Усовершенствование орудий труда, современные методы управления сельским хозяйством и вестернизация политического устройства в целом способствовали изменению традиционных структур в бывших примитивных обществах...»²⁰.

Процесс модернизации, процесс социальных изменений, включает в себя целый ряд процессов, среди которых – изменение состава населения, изменение способов поведения, изменение социальной структуры и изменение культурных моделей. Сочетание всех этих факторов Нейл Смелзер считает возможным определить как модернизацию – «...постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той или иной мере подвержены изменениям...»²¹.

Развивая эту дефиницию, Н. Смелзер писал, что под модернизацией в зависимости от ситуации можно понимать и «...сложную совокупность перемен, происходящих почти в каждом аспекте общества в ходе его индустриализации... в каждой стране этот процесс имеет свои особенности в зависимости от исторического прошлого... модернизация предполагает переход от простых, традиционных методов производства к использованию научных знаний и современной технологии, от мелких ферм к коммерческому сельскому хозяйству, от эксплуатации ручного труда людей и тягловой силы животных к применению машин, а также массовую миграцию населения из сельских поселков и деревень в крупные города...»²².

По мнению Н. Смелзера, модернизация характеризуется четырьмя процессами. Во-первых, для модернизации характерен переход от простых традиционных методов производства к применению научных знаний и технологий. Во-вторых, модернизация протекает не только в городских промышленных центрах, но и в сельской периферии: «...в сельском хозяйстве выращивание на небольших участках земли всего необходимого для собственного потребления сменяется созданием коммерческих сельскохозяйственных предприятий в широком масштабе. Это предполагает оплату за урожай наличными деньгами, покупку несельскохозяйственной продукции на рынке и часто использование труда наемных сельскохозяйственных рабочих...»²³.

В-третьих, в промышленности «...происходит замена использования силы животных и людей машинами, приводимыми в движение мотором... вместо плугов, запряженных быками,- тракторы, управляемые наемными

---

²⁰ http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

²¹ http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

²² http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

²³ http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

работниками...»²⁴. И последняя составляющая модернизации, по мнению Н. Смелзера, состоит в постепенной урбанизации, в результате которой лидерство в экономической и хозяйственной жизни от аграрной округи переходит к городу. Процесс модернизации невозможен без наличия у того или иного сообщества культуры.

По словам Н. Смелзера, именно культура «...организует человеческую жизнь. В жизни людей культура в значительной мере осуществляет ту же функцию, которую в жизни животных выполняет генетически запрограммированное поведение...»²⁵. В такой ситуации именно культура способствует формированию не только различных ценностей, которые подвергаются изменениям, но и институтов, которые в большей степени, чем ценности и идентичности подвержены модернизации. Культура в контексте модернизации имеет и другое измерение. Культура может быть фактором как способствующим модернизации, так и тормозящим ее.

Согласно Н. Смелзеру – культура является продуктом развития идентичности: «...культура – цемент здания общественной жизни. И не только потому, что она передается от одного человека другому в процессе социализации и контактов с другими культурами, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе. По всей видимости, члены одной культурной группы в большей мере испытывают взаимопонимание, доверяют и сочувствуют друг другу, чем посторонним. Их общие чувства отражены в сленге и жаргоне, в любимых блюдах, моде и других аспектах культуры ...»²⁶.

С другой стороны, идентичность и культура в концепции Н. Смелзера являются групповыми понятиями: «...групповая идентичность значительно более устойчива, чем можно предположить. Если мы встречаем человека и узнаем, что он является членом религиозной группы (например, евреев-христиан) или этнической группы (например, американцев греческого происхождения), мы обычно предполагаем, что группа оказывает на него влияние и считаем, что его поступки совершаются под давлением других членов группы. Например, если американец греческого происхождения голосует за грека в качестве кандидата на пост мэра, нам кажется, что группа оказала на него определенное давление...»²⁷.

Идентичность является очень сложным и многоуровневым понятием. Религия является одним из элементов, которые образуют и формируют идентичность. Среди исследовательского сообщества споры относительно религии, ее роли, ее современности (модерновости) и/или архаичности, не утихали практически никогда. Согласно Н. Смелзеру религия не так проста, как кажется на первый взгляд. Роль религии практически невозможно

---

²⁴ http://www.scepsis.ru/library/id_641.html

²⁵ http://scepsis.ru/library/id_584.html

²⁶ http://scepsis.ru/library/id_584.html

²⁷ http://scepsis.ru/library/id_587.html

оценить и определить однозначно: «...религия - это сила, способствующая социальным переменам. Религиозное рвение может радикально изменить общество. Об этом свидетельствуют события в Иране - мусульмане-шииты под руководством аятоллы Хомейни свергли правительство шаха Ирана и сделали попытку организовать повседневную жизнь иранцев согласно правилам мусульманского вероучения...»²⁸.

В такой ситуации религиозный фактор, представленный такими явлениями, которые в сознании большинства населения, являются достоянием истории или проявлениями отсталой архаичной культуры (в частности, речь идет о религиозном фундаментализме), может быть важным стимулом для модернизации. Идентичность развивается и формируется в рамках сообщества. Именно конкретное сообщество, а не воображенная идентичность и / или политическая культура (лояльность / оппозиционность) подвергается воздействию модернизационных процессов. В исследованиях Н. Смелзера процесс приобщения к культуре и идентичности протекает в рамках социализации.

Комментируя процесс социализации, как фактор без которого модернизация невозможна, Н. Смелзер писал, что «...социализация является исключительно мощной силой. Стремление к конформизму скорее правило, чем исключение. Это объясняется двумя причинами: ограниченными биологическими возможностями человека и ограничениями, обусловленными культурой. Нетрудно понять, что мы имеем в виду, говоря об ограниченных биологических возможностях: человек не способен летать, не имея крыльев, и его нельзя этому научить. Поскольку же любая культура избирает лишь определенные образцы поведения из множества возможных, она тоже ограничивает социализацию, только частично используя биологические возможности человека...»²⁹.

Социализация играет роль, которая в значительной степени сходна с теми функциями, которые исследовательское сообщество склонно приписывать самой модернизации. Иными словами, и социализация, и модернизация могут в зависимости от ситуации являться ответом на кризис или процессом постоянного роста, неуклонного поступательного развития. Поэтому, модернизация может превратиться в защитный механизм сообщества, направленный против внешних вызовов и раздражителей³⁰. По мнению Н. Смелзера, не следует преувеличивать и переоценивать этот промодернизационный или антимодернизационный импульс, характерный для любой культуры: «...учитывая важность влияния культуры на поведение людей, мы не должны вместе с тем преувеличивать ее возможности. Способность культуры управлять человеческим поведением ограничена по многим причинам. Прежде всего, небеспределельны биологические возможности

---

²⁸ http://www.scepsis.ru/library/id_613.html

²⁹ http://scepsis.ru/library/id_586.html

³⁰ http://scepsis.ru/library/id_586.html

человеческого организма. Простых смертных нельзя научить перепрыгивать через высокие здания, даже если общество высоко ценит такие подвиги. Точно так же существует предел знаний, которые может усвоить человеческий мозг. Некоторые исследователи, называемые социобиологами, считают, что такие сложные модели поведения, как воинственность и великодушные, наследуются генетически...»³¹.

Таким образом, перефразируя Н. Смелзера модернизационный потенциал изменений небеспределен, а ограничен, пространственно, темпорально и, вероятно, территориально. Анализируя культурный фактор в процессе модернизационных изменений, Н. Смелзер указывает и на то, что культуры различных человеческих групп и сообществ обладают противоположными признаками. В связи с этим Н. Смелзер писал: «...даже беглое соприкосновение с двумя или несколькими культурами убеждает, что различиям между ними нет числа. Мы и Они ездим по разным сторонам дороги, Они говорят на ином языке. У нас разные мнения о том, какое поведение безумное, а какое нормальное, у нас разные понятия о добродетельной жизни. Значительно труднее определить общие черты, свойственные всем культурам, - культурные универсалии...»³².

С другой стороны, для каждой культуры характерен комплекс универсальных идей, которые не только формируют облик идентичности того или иного сообщества, но и являются инструментарием, который используется как реакция на внешние и внутренние вызовы. Иногда эта реакция может проявляться в модернизации. В качестве примера подобного модернизационного изменения Н. Смелзер приводит судьбу американской культуры в XX столетии. Смелзер исходил из утверждения, что американская культура с характерным для нее динамизмом исторически обречена на то, чтобы быть успешным модернизационным проектом: «...американское общество всегда отличалось динамизмом. С этим связан постоянный страх американцев, что социальные перемены разрушат общепринятые ценности. Многие люди предупреждают, что прогресс, изобилие и социальная напряженность оказывают разрушающее влияние на американскую культуру...»³³.

По мнению Н. Смелзера, некоторые традиционные для американской политической культуры ценности подвержены циклическим изменениям, что является гарантией особой восприимчивости американской культуры и идентичности к модернизации: «...процесс изменения некоторых ценностей носит циклический характер. Вслед за периодами, когда традиционные ценности являются общепринятыми, могут наступить времена, когда они подвергаются сомнению. Например, 20-е годы, когда главной ценностью считалось достижение делового успеха, 50-е годы, когда преобладало

---

³¹ http://scepsis.ru/library/id_584.html

³² http://scepsis.ru/library/id_584.html

³³ http://scepsis.ru/library/id_584.html

стремление к экономическому процветанию, и 70-е годы с их консервативными тенденциями можно считать периодами общепринятых традиционных ценностей. 30-е годы с их критикой капиталистических ценностей и 60-е годы с их осуждением обычных путей достижения успеха можно считать периодами сомнений в традиционных ценностях...»³⁴.

Как бы ни были важны для Н. Смелзера категории типа культуры, общества, социальных ролей – он полагал, что основные модернизационные процессы протекли в первую очередь на уровне всего общества в целом. Поэтому, процесс развития общества – это история постоянных общественных изменений. В концепции Н. Смелзера история человеческих сообществ трансформируется из истории событий в историю постоянно развивающихся и изменяющихся communities. Для Н. Смелзера история цивилизации – это история модернизаций. Вот почему им выделялось четыре типа обществ, а именно – общества, живущие охотой и собирательством; садоводческие общества; аграрные и промышленные общества. Остановимся на каждом из этих типов более детально.

Относительно первого из вышеуказанных типов Н. Смелзер полагал, что «...большинство таких обществ, например бушмены юго-западной Африки и аборигены центральной Австралии, обычно ведут кочевой образ жизни, занимаются охотой, сбором ягод, корней и другой съедобной растительной пищи. Охотники и собиратели имеют самые примитивные орудия труда: каменные топоры, копья, ножи; их имущество ограничено самыми необходимыми предметами, которые они носят с собой, кочуя с места на место. Их социальная жизнь организуется на основе родственных связей; известно, что в обществе охотников и собирателей растений каждый знает, кто кому приходится близким или дальним родственником. Политической структуры в этом обществе почти не существует, во главе его обычно стоят старейшина или вождь, другие властные структуры в нем не сложились...»³⁵.

Следующий тип общества – садоводческий. Согласно Н. Смелзеру, «...садоводческие общества впервые возникли на Ближнем Востоке примерно за четыре тысячи лет до нашей эры; в дальнейшем они получили распространение от Китая до Европы; в настоящее время они сохранились главным образом в Африке, на юге Сахары. В самых примитивных садоводческих обществах при возделывании садов не применяются металлические орудия или плуги...»³⁶. Смелзер полагал, что на этом этапе общество начинает подвергаться модернизации, что проявляется, с одной стороны, в усложнении хозяйственной жизни и возникновении политической и социальной стратификации, с другой.

---

³⁴ http://scepsis.ru/library/id_584.html

³⁵ http://scepsis.ru/library/id_585.html

³⁶ http://scepsis.ru/library/id_585.html

В связи с этим, Н. Смелзер указывал, что «...политические структуры простых садоводческих обществ имеют до двух социальных слоев, но в более развитых обществах этого типа их насчитывается четыре и более...»³⁷. Первый модернизационный прорыв в истории территориально и отдаленно разбросанных человеческих сообществ связан с этапом, который Н. Смелзер определяет как «аграрное общество». Этот модернизационный взрыв состоял в возникновении государства и в значительном усложнении существовавших на том этапе идентичностей: «...аграрные общества впервые возникли в Древнем Египте, чему способствовало, прежде всего, усовершенствование плуга и использование животных в качестве рабочей силы... на основе аграрных обществ возникло государство (которое сформировало ограниченный бюрократический аппарат и армию), была изобретена письменность, появились первые денежные системы и расширилась торговля. Стали складываться более сложные формы политической организации, поэтому система родственных связей перестала быть основой социальной структуры общества...»³⁸.

Таким образом, возникновение государственности стало новым этапом истории сообществ, которые перестали быть традиционными: государственность, ставшая, вероятно, первым удачным и состоявшимся модернизационным проектом, разрушила отношения, имевшие традиционный и архаический характер, приступив к их формальному регулированию. Последний этап модернизации, согласно Н. Смелзеру, связан с появлением промышленного общества. Этот тип общества замыкает цепь модернизационных взрывов и процессов. Для промышленного общества характерна «...значительная индустриализация... совершенствование технологии и использование новых источников энергии... промышленное производство, связанное с применением научных знаний, необходимых для управления производственным процессом... использование тепловой энергии (получаемой путем сжигания каменного угля), а также электрической и в дальнейшем атомной энергии...»³⁹.

Таким образом, на этапе промышленного общества политическая и экономическая модернизация становятся не конкурирующими, а параллельно развивающимися процессами. Индустриализация – один из элементов большого всемирного модернизационного проекта: «...глубокое влияние на урбанизацию оказало развитие промышленности. В передовых промышленных странах возросло население городов, поскольку на фабриках было занято большое число рабочих. С ростом численности горожан усиливается потребность в расширении сферы торговли и услуг... три британских города - Манчестер, Лидс и Бирмингем - представляют собой классические примеры поселений, развитие которых обусловлено ростом

---

³⁷ http://scepsis.ru/library/id_585.html

³⁸ http://scepsis.ru/library/id_585.html

³⁹ http://scepsis.ru/library/id_585.html

промышленности. Население Манчестера, главного центра по производству хлопчатобумажных тканей, возросло на 22 процента с 1801 по 1811 г., на 40 процентов с 1811 по 1821 г. и на 47 процентов с 1821 по 1831 г. К тому времени оно составляло почти 228 тыс. человек ...»⁴⁰.

Индустриализация в модернизационном контексте стала механизмом эффективного использования ресурсов, которые были недоступны для небольших локальных сообществ, которые жили в условиях доминирования традиционной культуры. Индустриализация стала тем процессом, который постепенно вывел крестьян за пределы сначала своей деревни, потом округа, местности и страны в большой мир, где уже не было место для таких изолировано разбросанных локальных сообществ. Кроме этого, процесс модернизации на данном этапе сочетается с процессом урбанизации.

Смелзер полагал, что в свое время появление городов, как и появление государства, стало своеобразным модернизационным прорывом: «...одним из самых важных этапов истории развития общностей связан с возникновением городов. Первые города возникли примерно пять или шесть тысяч лет назад в долинах рек Тигра и Евфрата в Месопотамии (современном Ираке). Это были независимые города-государства, во главе которых стоял царь, считавшийся главным священником. Другие древнейшие города сформировались в Египте вдоль берегов Нила, в долине реки Инд (где находится современный Пакистан) и в долине реки Хуанхэ в Китае...»⁴¹.

Возникновение городов следует интерпретировать как проявление модернизационных процессов в том контексте, что город стал одним из элементов дихотомии «город / аграрная периферия». Отношения между этими двумя полюсами социальной организации никогда не были идеальными, но сам факт их одновременного сосуществования привел к тому, что между ними началась историческая конкуренция, в результате которой городская культура постепенно подчинила сельскую, разрушив и/или вытеснив ее архаические институты и традиции. Возникновение и рост городов – неперенные спутники модернизации.

С другой стороны, мы привыкли говорить о модернизации не просто как о прогрессивном, но и почти необратимом процессе. Смелзер доказывает, что модернизация не столь актуальна, как принято думать: «...наибольший расцвет древних городов был достигнут в эпоху Римской империи. От 5 до 10 процентов населения империи проживало в городах. Они строились или расширялись по всей территории, простиравшейся от Британии до Ирака. Во многих частях Северной Африки, которые сейчас превратились в пустыни, римляне создали города с населением в десятки тысяч человек. Римские города были центрами культуры и торговли, в них сооружались величественные общественные здания и усовершенствован-

---

⁴⁰ http://scepsis.ru/library/id_590.html

⁴¹ http://scepsis.ru/library/id_590.html

ные системы водоснабжения и канализации... после уничтожения Римской империи число европейских городов уменьшилось и сократилась численность их населения. Это произошло в результате войн, эпидемий чумы и пожаров. Лишь в X в. эти города начали возрождаться, но их развитие было неравномерно, часто его сдерживали голод и эпидемии...»⁴².

Урбанизация, будучи важным модернизационным процессом и стимулом для модернизации, порождает процесс секуляризации. Наряду с урбанизацией, секуляризация идет рука об руку с политической и культурной модернизацией. Сама секуляризация в ряде случаев может являться модернизацией, о чем свидетельствуют ее важнейшие характеристики, под которыми Смелзер понимал развитие науки, развитие государства, развитие капитализма, компромиссы по спорным вопросам религии, утрата общности. Важнейшая среди этих характеристик – развитие капитализма⁴³. Именно в рамках развития современной экономики произошло изменение отношения большинства жителей Запада к религии – в первую очередь, к религиозным праздникам. Ничто не подчеркивает столь очевидно глубину модернизации, как отношение к Рождеству и Пасхе не как к праздникам, а как к нерабочим дням.

Социокультурный модернизм Эрнэста Гэллнера: национализм в контексте модернизационных процессов

Крупнейшим представителем и теоретиком социокультурного модернизма был британский социолог Эрнэст Гэллнер (Ernest Gellner, 1925 – 1995). Ряд исследований он посвятил проблемам национализма, важнейшее из них – «Нации и национализм». Первое английское издание вышло в 1983 году. В современной российской и зарубежной социальной и политической науке фигура Э. Гэллнера традиционно ассоциируется с исследованием национализма. Благодаря своей книге 1983 года, британский социолог стал классиком исследований национализма, но круг проблем и вопросов, которые пребывали в центре Э. Гэллнера был гораздо шире, чем проблемы национализма и национальных движений. Для Э. Гэллнера национализм был современным феноменом, а само развитие национализма – неотъемлемой частью сложных модернизационных процессов.

Под национализмом Э. Гэллнер понимал «...политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать...»⁴⁴. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Гэллнер писал, что «...национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобщен-

⁴² http://scepsis.ru/library/id_590.html

⁴³ http://www.scepsis.ru/library/id_613.html

⁴⁴ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23.

ствленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством...»⁴⁵. Кроме этого, Гэллнэр указывал на то, что национализм представляет собой «...соединение государства с национальной культурой...»⁴⁶. Эрнэст Гэллнэр, полемизируя с примордиалистами, полагал, что «...вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании, которое оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий существования человечества и не стало не лучше не хуже за сравнительно короткий, совсем недавно наступивший, век национализма...»⁴⁷.

Принимая национализм как продукт современной истории, Гэллнэр отрицал и изначальность наций, полагая, что «...мы не должны руководствоваться мифом... нации не даны нам от природы... они не являются политической версией теории биологических видов...»⁴⁸. В такой ситуации понимание самого феномена национализма у Гэллнэра в корне отлично от примордиалистских концепций: «...национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ...использующих...историческое и прочее наследие донационалистического мира...»⁴⁹.

В теоретических исследованиях Э. Гэллнэра присутствует дихотомия «национализм / нации» и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация или национализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Гэллнэр полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию, Э. Гэллнэр писал, что «...именно национализм порождает нации, а не наоборот... национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя...»⁵⁰.

В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Комментируя это креативную функцию национализма, Э. Гэллнэр писал, что «...мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена...»⁵¹.

---

⁴⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

⁴⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 146.

⁴⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

⁴⁸ Там же. – С. 114.

⁴⁹ Там же. – С. 115.

⁵⁰ Там же. – С. 127.

⁵¹ Там же. – С. 127.

Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачен, согласно Э. Гэллнэру, вовсе не означает того, что «...национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ...»⁵². Гэллнэр признавал, что определение национализма, предложенное им в первой половине 1980-х годов, базировалось на двух принципах – на неизбежном наличии, как нации, так и государства⁵³.

Анализируя сложный феномен национализма, Э. Гэллнэр указывал на то, что следует разделять националистические чувства, с одной стороны, и националистические движения, как их политические проявления, с другой. По мысли Э. Гэллнэра, националистические чувства могут быть двоякого характера: во-первых, это могут быть чувства раздражения в связи с игнорированием самого принципа национализма – совпадения национальной и политической единицы. Во-вторых, это могут быть, наоборот, позитивные чувства, вызванные реализацией этого важнейшего националистического принципа на практике. Под националистическими движениями, в свою очередь Э. Гэллнэр понимал движения, которые в своей деятельности и практике руководствуются националистическими чувствами. Анализируя национализм, как политическое явление, Э. Гэллнэр указывал и на то, что определение, которое он предложил, нигде не было реализовано полностью, в чистом виде.

Гэллнэр указывал и на объективные сложности, которые не дают националистам одной нации объединить всех своих соотечественников в рамках одного государства. Этому могут способствовать и то, что представители одной нации проживают в различных государствах. С другой стороны, среди представителей определенной группы могут проживать представители другой, что объективно исключает построение «чистого» и гомогенного национального государства⁵⁴. Гэллнэр полагал, что националисты могли смириться с этими проблемами. По его мнению, национализм сталкивался с более опасным и серьезным вызовом, чем отсутствие территории компактного проживания и / или соседство с представителями другой, совершенно чуждой, нации.

Такую ситуацию Гэллнэр определял как чрезвычайно неприятную и болезненную для националистов. Гэллнэр полагал, что таким нарушением национального принципа могла стать ситуация при которой в рамках одной территории этническое большинство управлялась представителями другой этнической группы, чужой нации. Такая ситуация могла стать ре-

---

⁵² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 127.

⁵³ Там же. – С. 27.

⁵⁴ Там же. – С. 23.

результатом «...присоединения национальной территории к большому государству или результатом доминирования чужеродной группы...»⁵⁵. В такой ситуации Гэллнэр указывает на возможность сформулировать более четкое определение национализма. Иными словами, национализм – «это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими»⁵⁶.

Для Э. Гэллнэра нации и национализм / национализмы были постоянно развивающимися и изменяющимися феноменами. Поэтому, он полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение («...на земле существует огромное количество потенциальных наций...»⁵⁷) при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что в данном случае обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом.

В концепции, предложенной Э. Гэллнэром, современное государство было той единственной и монопольной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Гэллнэр полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «...когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает...»⁵⁸. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Гэллнэр попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство становилось «...слишком ощутимым...»⁵⁹.

В такой ситуации националистический принцип возникал постепенно: доаграрные сообщества не знали ни национализма, ни государства; аграрные общества знали государство, но не знали национализм; индустриальные – знали и то, и другое. Такая трехэтапная хронология, по мнению Э. Гэллнэра, имела универсальный характер, но, с другой стороны, он полагал, что не все общества, прошедшие через два первых этапа в своей истории, в третьем неизбежно обречены на то, чтобы испытать на себе силу воздействия национализма, если не своего, то хотя бы чужого. Государство сможет узнать, что такое национализм только в том случае, если возникнет нация. Хотя Гэллнэр допускал и отклонения от этого общего правила: «...

---

⁵⁵ Там же. – С. 24.

⁵⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 24.

⁵⁷ Там же. – С. 26.

⁵⁸ Там же. – С. 30.

⁵⁹ Там же. – С. 30.

государство возникло без помощи нации, некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего государства...»⁶⁰.

В такой ситуации анализ феномена национализма будет неполным, точнее – просто невозможным, без анализа нации как системообразующей категории. Под нацией Э. Гэллнэр понимал сообщество, представители которого не только имели общую культуру, но и признавали сам факт своей принадлежности к той или иной нации. Для Э. Гэллнэра нации возникали в результате развития отдельных человеческих сообществ: «...нации делает человек, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей...»⁶¹. Примечательно, что Гэллнэр не сводил процесс формирования наций исключительно к внешней, социально-экономической, стороне, что было характерно, например, для советского обществоведения. По его мнению, в формировании современных наций очень значительную роль сыграл фактор культуры.

Культура стала той категорией, которая сыграла ведущую роль в постепенной трансформации традиционных аграрных сообществ. Важнейшим достижением культуры на уровне аграрного общества, по мнению Э. Гэллнэра, было изобретение письменности, что позволило создать, с одной стороны, класс грамотных людей, а, с другой, дало возможность записывать, сохранять, транслировать и видоизменять информацию. Именно появление письменности дало возможность начать постепенную модернизацию общества, что на раннем этапе выразилось именно в распространении грамотности: «...поначалу никто не умел читать, затем читать научились немногие и, в конце концов, читать стали все...»⁶².

Но само появление письменности не означало мощного культурного рывка вперед. Для аграрных обществ (под которым Э. Гэллнэр понимал «...общество, основанное на сельском хозяйстве... для которого характерно довольно стабильная технология...»⁶³) была характерна строго иерархическая культура, которая сдерживала прогрессивные изменения, способствуя тому, что элементы статики преобладали над элементами динамики. Гэллнэр полагал, что аграрные общества, терзаемые, в первую очередь, социальными противоречиями не смогли сформировать свою идентичность по причине внутренней расколотости. Поэтому, различные социальные группы, которые уже сформировались и существовали на этапе аграрного общества, были заняты, в первую очередь, выяснением отношений между собой, а не выработкой общей культуры и тем более ее более сложной формы – идентичности.

Комментируя подобную ситуацию, Э. Гэллнэр писал, что «...как для правящего класса, так и различных слоев аграрного общества гораздо су-

---

⁶⁰ Там же. – С. 34.

⁶¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 35.

⁶² Там же. – С. 37.

⁶³ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

шественнее подчеркивание культурной дифференциации, нежели общности...»⁶⁴. Гэллнэр показывал, что и сама специфика существования и функционирования традиционных аграрных обществ влияла на то, что на данном этапе не могла возникнуть ни единая культура, ни идентичность. Это было вызвано тем, что в аграрном обществе отдельные производящие сообщества жили, как правило, в сельской местности в условиях изолированности друг от друга. Замкнутость одних сообществ и их отдаленность от других создавали условия для постепенной фрагментации такого традиционного аграрного общества.

В связи с этим Э. Гэллнэр писал: «...маленькие крестьянские общины живут очень изолированно... даже если население данной области имеет общий языковой корень, а это не всегда так, нечто вроде культурного сдвига очень быстро приводит к диалектным и другим различиям... никто или почти никто не заинтересован в сохранении культурного единства на этом социальном уровне...»⁶⁵. Такие общины обладали своей особой идентичностью, комментируя особенности которой, Гэллнэр писал, что «...мировоззрение, на котором зиждется это общество не предполагает интенсивного познания и освоения природы... оно предполагает устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно санкционирует, оправдывает общественное устройство, служит его отражением...»⁶⁶.

Кроме этого, изучая подобные традиционные сообщества, которые уже стали достоянием истории, исследователь национализма сталкивается с рядом серьезных проблем. Рано или поздно он придет все-таки к выводу, что, с одной стороны, «...локальная культура почти неощутима...»⁶⁷. В то же время эта локальность значительно усложняет изучение тех условий, в которых мог формироваться или не формироваться национализм: «...замкнутая община обычно пользуется языком, имеющим смысл лишь в определенном контексте...но деревенский говор не претендует ни на нормативность, ни на политическую значимость...»⁶⁸.

Именно благодаря этому появление национализма в аграрном традиционном обществе неизбежно будет откладываться на неопределенно долгий срок. С другой стороны, национализм не возникает на этом этапе в силу объективной специфики развития культуры, которая не является единой для высшего общества и для непосредственных производителей. Резкое расхождение различных уровней культуры проявляется, в частности, в развитии языка. Это, по словам Э. Гэллнэра, проявляется в том, что

---

⁶⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41.

⁶⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41 – 42.

⁶⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

⁶⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 44.

⁶⁸ Там же. – С. 44.

«...очень сильна тенденция церковных языков к расхождению с разговорными, как будто уже сама грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту пропасть следует еще углубить, не только переведя язык в мудреные письма, но и сделав его непонятным для слуха...»⁶⁹.

Основное препятствие для возникновения национализма на этапе аграрного общества состоит не в специфике развития культуры, а в том, что в аграрном государстве нет возможности для «...проведения политических границ в соответствии с культурными...»⁷⁰. И если бы на данном этапе, по словам Э. Гэллнэра, «...национализм был бы изобретен... вероятность его бы распространения была бы минимальной...»⁷¹. Национализм был обречен на то, чтобы оказаться на периферии – стать уделом небольшого числа грамотных людей. На данном этапе «высокая культура» пребывала в зачаточном состоянии или была очень слабо развитой и выраженной. Иными словами, до того момента, когда, по выражению Э. Гэллнэра, «...каждая высокая культура хочет иметь государство и предпочтительнее свое собственное...»⁷², оставалось еще очень долго.

С другой стороны, не все носители письменного и относительно литературного языка могли бы с пониманием отнестись к изобретенному национализму и стать националистами. Носители письменной культуры, средневековые европейские католические священники и монахи или мусульманские улемы Востока – никто из них в своем регионе не мог стать националистами в силу своей внутренней замкнутости и немногочисленности⁷³. Но частично и от политической воли представителей этого привилегированного слоя зависел будущий триумф и почти повсеместный успех национализма. В Европе он просматривается не так четко как на мусульманском Востоке.

В отличие от Европы, по мнению Э. Гэллнэра, исламские общества средневекового Востока не знали такой жесткой социальной иерархии и стратификации и именно «...этот скрытый эгалитаризм играет очень существенную роль в успешном приспособлении ислама к современному миру...»⁷⁴. Вероятно, на том этапе общество не обладало готовностью к национализму и не имело в нем потребности. Национализм не мог возникнуть и в силу того, что в таком обществе, как правило, сосуществовало несколько культур. Комментируя эту особенность традиционного аграрного общества, Э. Гэллнэр писал: «...условия мира, порождающего множество

---

⁶⁹ Там же. – С. 43.

⁷⁰ Там же. – С. 42 – 43.

⁷¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 43.

⁷² Там же. – С. 118.

⁷³ Там же. – С. 49.

⁷⁴ Там же. – С. 53.

культур, обычно не благоприятствуют тому, что можно назвать культурным империализмом...»⁷⁵.

В этом контексте интересна попытка Э. Гэллнэра описывать и анализировать национализм без интеллектуальной привязки к исключительно Европе. Гэллнэр полагал, что исторические условия и политические предпосылки для успешного и динамичного развития национализма существовали и в настоящее время существуют и за пределами Европы, более того – условия для развития национализма существуют и в европейских внутренних перифериях, которые некоторым представителям европейского интеллектуального сообщества кажутся чуждыми и совершенно неевропейскими. В данном случае речь идет о двух исламских анклавах на территории Европы – Боснии и Албании.

Если Эрнэст Гэллнэр не ограничивал сферу влияния и распространения национализма в Европе исключительно Западной, Восточной и Центральной, то небезынтересно ответить на вопрос: «Как формируется национализм не только во внутренних европейских исламских перифериях, но и в других мусульманских государствах вообще?». Анализируя условия возникновения национализма в Европе, Гэллнэр писал про сосуществование двух культур – «высокой» и «низкой». Именно триумф первой в контексте модернизации и стал важнейшим стимулом для развития национализма. По мнению Гэллнэра, для исламского мира была характерна такая же ситуация: «...ислам был внутренне разделен на высокую и низкую культуры, взаимопроникающие и находящиеся в тесной взаимосвязи...»⁷⁶.

В 1994 году Э. Гэллнэр развил свои предположения в отношении ислама в контексте модернизации и развития национализма в своей последней книге «Условия свободы». Гэллнэр попытался показать, что для ислама, как и для христианства, характерен значительный модернизационный импульс и, поэтому, в возникновении и развитии национализмов в исламских обществах и государствах нет ничего удивительного. Конкретизируя эту идею Гэллнэр писал, что «...функционирование ислама в традиционном обществе можно описать как длящуюся и постоянно возобновляемую Реформацию, в каждом цикле которой пуританский импульс религиозного возрождения оборачивается усилением прямо противоположных социальных требований и движений...»⁷⁷.

Вернемся к культурному фактору, о котором мы писали выше. Под «культурным империализмом» Э. Гэллнэр предлагал понимать «...попытку той или иной культуры занять главенствующее положение и заполнить собой всю политическую единицу...»⁷⁸. Само аграрное общество, как полагал Э. Гэллнэр, исключало возможности для того, чтобы

---

⁷⁵ Там же. – С. 45.

⁷⁶ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 167.

⁷⁷ Гэллнэр Э. Условия свободы. – С. 30.

⁷⁸ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 45.

«...культуры стремились к монохромной односторонности и политической экспансии и господству...»⁷⁹. Культуры неизбежно начнут делать это, но уже на этапе индустриального общества и только после появления национализма. В период же, когда доминирует аграрный тип общества, по мнению Э. Гэллнэра, не могли возникнуть условия для возникновения национализма, что было вызвано целым рядом факторов.

Во-первых, на этом этапе государства в значительной степени отличались друг от друга как территориально, так и политически. Во-вторых, степень политического участия представителей различных социальных групп в разных регионах могла быть различной. В-третьих, традиционное аграрное общество могло не знать и политической гомогенности: иными словами, сильная центральная власть вполне могла сосуществовать с «местными полуавтономными общинами»⁸⁰. Именно эти три фактора, по мысли Э. Гэллнэра, и делали невозможным появление национализма.

Кроме этого на этапе существования аграрного общества само понятие «нация» и складываемое в него значение не способствовали формированию и развитию национализма. Сам термин «нация» на том этапе еще не получил того широкого и массового распространения, которое он обрел в век национализма. В аграрном обществе термин «нация» ассоциировался скорее с носителями «высокой» культуры, а не с массами, которые его присвоили в период новой и новейшей истории. Эрнэст Гэллнэр полагал, что в аграрном обществе категория «нация» обозначала «...размытое целое, включающее, главным образом, представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни, нежели всю совокупность носителей культуры...»⁸¹.

Но и сами носители народной и традиционной культуры не могли образовать нацию в силу того, что различия между отдельными локальными сообществами были очевидны и границы между ними не размылись. Кроме этого, сами носители высокой культуры, «нация», например, Речи Посполитой не была гомогенной. Она (польская политическая нация, если таковая тогда и реально существовала) не знала ни этнического, ни языкового, ни религиозного единообразия. В состав польской элиты могли входить и католики и православные, которые необязательно говорили по-польски. Они могли быть носителями украинского или белорусского языка. Не исключено, что в состав шляхты, этого польского аналога нации, могли входить и носители литовского языка.

Как видим, Э. Гэллнэр полагал, что на этапе аграрного общества культура является значительным и иногда политически значимым и определяющим факторов в жизни и функционирования того или иного локально-

---

⁷⁹ Там же. – С. 47.

⁸⁰ Там же. – С. 47.

⁸¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 153.

го или более крупного территориального сообщества. Отличительной чертой подобной «высокой» культуры было то, что она имела крайне ограниченную сферу влияния и распространения. На этапе перехода от аграрного общества к индустриальному роль и значение культуры могут существенно измениться, стать совершенно другими: «...при переходе от аграрного общества к индустриальному культура перестает быть средством, которое задает позиции в обществе и привязывает к ним индивидов... вместо этого она очерчивает новую социальную целостность...»⁸². Таким образом, культура обретает новую важную функцию консолидации сообщества или общества. Такая консолидация в итоге ведет к вытеснению ряда старых стереотипов, на смену которым приходят новые, формирующие идентичность.

Анализируя феномен традиционных обществ, следует принимать во внимание и тот вариант социализации, который был для них характерен. В связи с этим Э. Гэллнэр писал, что «...огромное большинство населения принадлежало к самовоспроизводящимся сообществам, которые фактически обучали свою молодежь на практике, между делом, без отрыва от своего повседневного труда, почти или совсем не полагаясь на каких-либо учителей...»⁸³. Начало индустриальной эпохи ознаменовало и значительные изменения в таком канале социализации, как образование: «...раньше образование было домашним делом, и человека воспитывали деревня или клан, это время ушло и ушло навсегда...и воспроизводство людей вне тесных локальных социальных групп является теперь нормой...»⁸⁴.

Такая ограниченная и в значительной степени обычная, традиционная и повседневная модель социализации гарантировало одно – постоянное воспроизводство общества, защищая его от новых веяний, которые могли казаться вредными и опасными. Такой консерватизм традиционного общества надежно застраховал его от появления национализма. Кроме этого, по мнению Э. Гэллнэра, в аграрном обществе с его иерархической структурой национализм неизбежно стал бы принципиально новым явлением. С другой стороны, в подобных обществах крайне слабо развит механизм принятия нового.

Появление нового в политической или / и религиозной сферах могло стать результатом сознательной политики насаждения этого нового сверху. Но и в такой ситуации попытка сделать одну культуру доминирующей (без чего само появление национализма было бы невозможно или маловероятно) могло и не привести к позитивным результатам: «...при аграрном строе попытка насадить на всех уровнях однородную культуру с заданными нормами, закрепленными на письме, было бы пустой затеей...»⁸⁵. Развивая

---

⁸² Там же. – С. 151 – 152.

⁸³ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 79.

⁸⁴ Гэллнэр Э. Нации и национализм. – С. 94.

⁸⁵ Там же. – С. 55.

эту мысль Э. Гэллнэр, писал, что «...социальная организация аграрного общества не способствовала утверждению националистического принципа, слиянию политических границ с культурными...»⁸⁶.

Эта «затея» может обрести не только конкретные формы, но и результаты, на этапе индустриального общества, когда традиционные связи разорваны, а «...высокая культура пронизывает все общество...именно в этом кроется секрет национализма...»⁸⁷. Развивая эту идею Э. Гэллнэр писал, что «...национализм своими корнями очень глубоко уходит в своеобразные структурные требования индустриального общества...»⁸⁸. Но, с другой стороны, возникновение национализма стало результатом той же исторической и сложно объяснимой случайности, которая привела к разрушению несколько столетий существовавшего и казавшегося незыблемым порядка и появлению нового, капиталистического, общества.

Исторический триумф национализма на Земле, по крайней мере – в Европе, совпал с победным шествием «высокой культуры». В связи с этим, Э. Гэллнэр писал, что «...распространение высоких культур (стандартизированных, опирающихся на письменность и экзообразование коммуникативных систем) стало процессом, быстро набирающим обороты во всем мире...»⁸⁹. Именно поэтому, в новом обществе постепенно наступает триумф новой культуры, которая в итоге и конструирует такой тип идентичности, которая делает возможным появление и дальнейшее существование национализма.

Нечто подобное исследователи могут наблюдать и в мусульманских обществах, которые так же испытали на себе противоречия «высокой» и «низкой» культур. На момент восстановления политической независимости исламские страны могли в разрешении этой проблемы пойти двумя путями. По мнению Э. Гэллнэра, с одной стороны, они могли начать модернизацию в форме вестернизации, или, с другой стороны, впасть в воспевание и идеализацию собственного прошлого. Комментируя дилемму восточного исламского националистического выбора, Э. Гэллнэр писал, что «...обычно в таких обществах всеми силами стремятся избавиться от уничительного ярлыка “отсталости”...после дискредитации старого режима и связанной с ним высокой культуры перед ними открываются два пути: либо копировать иноземные образцы... либо идеализировать местные народные традиции, усматривая в них глубокие внутренние ценности...»⁹⁰.

Но особенность мусульманского выбора в данной непростой ситуации состояла в другом. Мусульманские интеллектуалы отказались и от первого и от второго вариантов. Местные восточные интеллектуальные сообщества

---

⁸⁶ Там же. – С. 96.

⁸⁷ Там же. – С. 56.

⁸⁸ Там же. – С. 88.

⁸⁹ Там же. – С. 125.

⁹⁰ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 33.

«...идеализацию своей народной культуры оставили иностранцам, которые окружили жизнь кочевых племен романтическим ореолом в духе Лоурэнса Аравийского...». В этой ситуации перед восточными интеллектуалами открылась возможность конструирования и утверждения новой идентичности, взяв за основу подлинно местные (а не придуманные европейскими путешественниками, писателями и интеллектуалами) традиции⁹¹.

Если в раннем, доиндустриальном обществе, у истоков социальной системы стояло абстрактное насилие, воплощенное в далеко неабстрактном палаче, то «...у основания современного общества стоит не палач, а профессор... не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти...монополия на законное образование сейчас важнее, чем монополия на законное насилие...»⁹². В новом обществе существенные изменения претерпел язык. Если в традиционном аграрном обществе существовали «...не совсем целые, но иерархически связанные субмиры...»⁹³, а языки различных социальных групп образовывали отдельные системы, то индустриальное общество разрушает эту замкнутость, что ведет к унификации языкового дискурса.

Наряду с унификацией языкового дискурса (по словам Э. Гэллнэра, «...язык становится обязательным и господствующим...»⁹⁴) в рамках индустриального общества возникает феномен социальной мобильности, которая не была известна в традиционном обществе. Культурная унификация в сочетании со значительной социальной мобильностью самым радикальным образом перекроили политический и культурный облик Европы. И именно в этом новом мире с его новой системой координат и ценностей нашлось место для национализма. Такая ситуация стала возможной уже в силу того, что «...век перехода к индустриальному обществу неизбежно становится веком национализма...»⁹⁵.

На этом этапе, по мнению Э. Гэллнэра, для национализма присущ некий универсализм и он легко вписывается в различные политические культуры, иногда сам их конструирует. Национализм, действительно, «...обычно без труда одерживает победу над другими современными идеологиями...»⁹⁶. В концепции Э. Гэллнэра национализм тесно соседствовал с «высокой культуры». Эти два явления предстают как глубоко взаимосвязанные и переплетенные. «Высокая культура», точнее – ее носители сыграли немалую, если не решающую роль, в становлении современных национализмов.

---

⁹¹ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

⁹² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

⁹³ Там же. – С. 61.

⁹⁴ Там же. – С. 85.

⁹⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 97.

⁹⁶ Там же. – С. 103.

В первой половине 1980-х годов Э. Гэллнэр в своем ныне хрестоматийном и классическом исследовании, посвященном национализму, попытался смоделировать процесс развития национализма на примере двух несуществующих в реальности сообществ – руританцев и мегаломанцев. Исходные условия этой социологической и политологической задачи таковы⁹⁷:

1) руританцы были сельским населением, которое использовали в повседневной жизни родственные диалекты; мегаломанцы – жителями центральных районов империи; на языке руританцев говорили только они сами, а язык мегаломанцев вообще принадлежал к другой языковой группе; значительная часть руританских крестьян принадлежала к церкви, где служба велась на языке другой группы – соответственно, многие священники говорили на языке, который не был понятен для руританских крестьян; мелкие торговцы, которые обслуживали сельскую местность, принадлежали так же к другой этнической и языковой группе; руританское население в вере этих торговцев «испытывало глубокое отвращение»;

2) в XIX веке руританские территории оставались отсталой аграрной окраиной и периферией; руританское население имело трагическую историю, о чем пело в «народных плачах»; часть руиританских юношей получала образование, становясь журналистами, священниками и профессорами; руританские интеллигенты получали поддержку от академических институций в других странах, которые были заинтересованы в изучении языка и традиций сельского руританского населения; постепенно деревенские школьные учителя начали целенаправленно эти народные песни записывать и изучать;

3) часть руританских юношей призывалась в армию и оседала в городах, что создавала поле деятельности для руританской интеллигенции; не следует забывать и о том, что иноязычные угнетатели так жестоко угнетали бедных руританских крестьян, что те в XVIII веке подняли восстание, которое возглавил «знаменитый руританский бунтовщик К.»; сначала его подвиги сберегались только в памяти народа, но потом он стал героем нескольких исторических романов, а еще позднее – и двух фильмов;

4) в итоге на территории, где жило руританское население, после напряженных политических событий была провозглашена Народная Социалистическая Республика Руритания.

История любого национализма может пойти двумя путями, о которых писал Э. Гэллнэр. Национализм может вообще не получить развития, и в такой ситуации большинство крестьян, носителей народной и традиционной культуры, которая могла бы стать основой для создания современной идентичности, будет ассимилировано. С другой стороны, национализм может развиваться в мощное и сильное политическое течение, которое стре-

---

⁹⁷ Там же. – С. 132 – 133.

милось к последовательной институционализации – организационной и политической. В связи с этим, Э. Гэллнэр писал, что «...мы установили, что у руританцев была исконная территория, то есть такая область, “Руританская отчизна”, где большинство населения составляли крестьяне, говорившие на одном из руританских диалектов... у руританцев было два выхода: или ассимиляция с языком и культурой Мегаломании, или образование процветающей независимой Руритании, где бы местный диалект приобрел бы статус официального и литературного языка...»⁹⁸.

Сценарий, созданный воображением Э. Гэллнэра для несуществующей Руритании, не является игрой исключительно его воображения. Гэллнэр писал, что «...в случае с нашей Руританией национализм объясняется тем, что экономически и политически отсталое население было способно выделиться в культурном отношении и оказаться перед националистическим выбором...»⁹⁹. Аналогичные процессы в действительности имели место на территории Центральной и Восточной Европы. Нам не трудно провести параллели с реальными историческими событиями и политическими процессами в Румынии, Венгрии, Словакии, Германии, Австрии и Чехии. Это подчеркивает то, что в большинстве регионов развитие национализма шло одними и теми же путями – от аграрного традиционного крестьянского сообщества к современной нации.

Если в своей книге «Нации и национализм» Э. Гэллнэр предложил именно этот сценарий развития национализма, то в статье «Пришествие национализма» (1993)¹⁰⁰ автор несколько модифицирует свой концепт, указывая на то, что любой национализм на протяжении своего существования может пройти через пять этапов. Первый этап – это своеобразная отправная точка, когда «...существует мир, в котором этническое начало еще не выражено со всей очевидностью и почти полностью отсутствуют политические идеи, так или иначе связывающие его с легитимностью политической власти...»¹⁰¹. С другой стороны, Гэллнэр предостерегает от излишнего упрощения такого общества. Оно уже было не таким простым, как может показаться современному читателю, который пережил свою социализацию в совершенно другом, пост(индустриальном)информационном, обществе. Общество Европы накануне возникновения национализма представляло собой динамично развивающееся общество, в рамках которого «...наблюдался неуклонный экономический рост, шли необратимые политические и идеологические изменения, большого размаха достигла урбанизация...»¹⁰².

---

⁹⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 153.

⁹⁹ Там же. – С. 229.

¹⁰⁰ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹⁰¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 161.

¹⁰² Там же. – С. 163.

На втором этапе мы наблюдаем сохранение старых политических границ и институтов, но уже начинается националистическая агитация¹⁰³. На данном этапе в рамках отдельных сообществ происходят значительные изменения, связанные с отказом от целого комплекса старых стереотипов. Старый мир начинает восприниматься как архаика, от которой не только можно, но и нужно отказаться. Именно тогда возникает идея о том, что каждой культуре будет соответствовать ее политическая организация, то есть государство. Политические элиты того времени располагали уже значительным арсеналом для реализации своих целей: они понимали, что представителей других сообществ можно убивать, выселять, можно попытаться их ассимилировать, навязав им другие язык и культуру¹⁰⁴. В крайнем случае, элиты могли попытаться изменить политические границы, если три вышеупомянутых метода, в силу тех или иных обстоятельств, нельзя было применить на практике.

На третьем этапе происходит «...распад многонациональных империй, а вместе с ними и всех привычных форм династического и религиозного оправдания власти...»¹⁰⁵. На смену принципу империй приходит националистический принцип. Это была эпоха интересного политического эксперимента, когда «...государство должно было странным образом выражать и представлять интересы всей нации, а не всей совокупности своих граждан...». Поэтому, интересы одних наций признавались в то время, как интересы и националистические aspirations других или не были замечены или были признаны вредными и даже опасными. Комментируя эту ситуацию, Э. Гэллнэр вынужден был констатировать, что «...в ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна...»¹⁰⁶.

Четвертый этап, пожалуй, самый неприятный из пяти периодов, предложенных Гэллнэром – на данном этапе возможна милитаризация национализма и он обретает свои наиболее уродливые проявления – массовые убийства, ассимиляционистские компании, геноцид¹⁰⁷. На этом этапе националистические элиты отказываются от того, что Гэллнэр называл «мягким методом достижения гомогенности», от ассимиляции, делая выбор в пользу более радикального инструментария «в устрашающих масштабах»¹⁰⁸. В этой ситуации, по мнению Э. Гэллнэра, страшно не то, что подобная политика привела к холокосту евреев и массовыми убийствам польского, русского, украинского и белорусского населения. Гэллнэр видел опасность в том, что мир, который сложился после военной катастро-

---

¹⁰³ Там же. – С. 162.

¹⁰⁴ Там же. – С. 166 – 167.

¹⁰⁵ Там же. – С. 162.

¹⁰⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 168 – 169.

¹⁰⁷ Там же. – С. 162.

¹⁰⁸ Там же. – С. 170.

фы 1939 – 1945 годов, современному обывателю нравится куда больше, чем тот, который существовал до второй мировой войны.

Как не цинично это звучит, но Э. Гэллнэр полагал, что без ужасов второй мировой войны, не был бы построен современный мир. Вторая мировая война убедительно показала и доказала, что европейский мир нуждается в очередной волне модернизации: «...массовые убийства и принудительные переселения позволили привести в порядок этническую карту Восточной Европы, хотя и не полностью... уничтожению подверглись прежде всего народности, которые никак не вписывались в картину будущей Европы, воплощавшую националистический идеал: соцветие гомогенных сообществ, радостно исповедующих каждое свою культуру и озабоченных в первую очередь процветанием именно своей культуры...»¹⁰⁹. Трудно судить как евреи, почти уничтоженные в Европе в период холокоста, не могли вписаться в будущую Европу. Наблюдая проникновение в Европу (как культурную общность) носителей неевропейских традиций (в первую очередь, турки в Германии), можно предположить, что в современной единой Европе нашлось место и для европейских евреев – довоенные евреи были в большей степени европейцами, чем сегодняшние турки.

На последнем, пятом, этапе общество уже насытилось крайностями своего собственного националистического опыта и стремится изжить крайности национализма¹¹⁰. Националистический идеал тех, кто начал войны, сыграл с ними недобрую шутку: «...те, кто поддерживал романтический культ агрессии и национальной общины, потерпели поражение – по иронии судьбы, в той самой инстанции, которую они считали высшим и окончательным судом, – на поле брани...»¹¹¹. На смену геноциду националисты взяли на вооружение универсальный метод – выбор. Эрнэст Гэллнэр, в связи с этим, приводил абстрактный и отвлеченный пример, за которым легко просматривается несколько реальных исторических процессов в Восточной и Центральной Европе между завершением второй мировой войны и крушением коммунизма. Носитель языка и культуры А мог со своими родственниками и друзьями говорить на языке А, но на работе и в государственных учреждениях он повсеместно контактировал с носителями языка В. В такой ситуации у него оставался лишь выбор: ассимилироваться или стать националистом¹¹².

Такой выбор стоял перед украинской, белорусской, молдавской, латышской, литовской и другими национальными интеллигенциями в Советском Союзе, перед словаками в Чехословакии, перед хорватами, боснийскими мусульманами и албанцами в Югославии, перед венграми в Румынии... Примечательно то, что выбор в пользу ассимиляции делали марги-

---

¹⁰⁹ Там же. – С. 170.

¹¹⁰ Там же. – С. 162.

¹¹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 174.

¹¹² Там же. – С. 176.

налы, которые не могли реализовать свои возможности в рамках того общества, к которому они принадлежали по факту рождения. Нередко такая добровольная ассимиляция преследовала цели карьерного роста и служебного продвижения. С другой стороны, сложно объяснить, почему их ассимилированные потомки в обществе, в пользу которого сделали выбор их родители, по-прежнему (например, ассимилированные латыши в современной Российской Федерации) остаются политическими маргиналами.

То, что в одних регионах национализм развивается как мирное, преимущественно – культурное или языковое движение, а в других приводит к началу вооруженных конфликтов, доказывает, что национализм является далеко не единым и не целостным феноменом. В такой ситуации, появляется проблема типологии национализмов, или, по словам Э. Гэллнэра, «разнообразия националистического опыта»¹¹³. В этом контексте Эрнэст Гэллнэр подчеркивает, что уже его предшественники попытались свести типологию национализмов к дихотомии, разделив национализм на два больших типа – западный и восточный. В то время как западные национализмы оперировали категориями «высокой культуры»¹¹⁴, нередко действуя именно в ее интересах, то восточные национализмы вообще действовали во имя и ради культур, которым еще предстояло возникнуть, институционализироваться в определенные формы. Гэллнэр, в целом, принимал эту классификацию, добавляя третий, промежуточный, тип национализма – национализм диаспоры.

Несмотря на то, что Э. Гэллнэр в ограниченном виде принимал деление национализма на западный и восточный, он не был склонен преувеличивать существовавшие между ними различия и расхождения. В то время, как на Западе «...за Западе национализм возникает в результате того, что высокая культура – культура грамотного меньшинства распространяется до границ всего сообщества и становится отличительным признаком принадлежности к нему каждого члена...», для Востока была характерна в значительной степени аналогичная ситуация: «...то же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение в фундаментализме, чем национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия...»¹¹⁵. В такой ситуации исламский фундаментализм может взять на себя функции, которые в Европе в свое время выполнил политический национализм: «...исламский фундаментализм – это пуританское движение – способен сыграть в точности ту же роль, которую в Европе сыграл национализм – представить новую идентичность...»¹¹⁶.

Иными словами, Гэллнэр предостерегал от того, чтобы видеть в фундаментализме исключительно отрицательное и антизападное течение. По

---

¹¹³ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 206.

¹¹⁴ Там же. – С. 209 – 211.

¹¹⁵ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 32.

¹¹⁶ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

его мнению, фундаментализм таит в себе немалый модернизационный потенциал. В свое время пуритане были первыми английскими националистами, а европейские национализмы достаточно долго сохраняли свою активность, периодически перекраивая карту Европы. К середине 1990-х годов, как полагал Э. Гэллнэр, лучшие годы для национализма остались в прошлом. Гэллнэр высказывал мнение, что европейская политическая культура, которая в свое время и породила национализм, отказывается от этого плода странной любви политического рационализма и религиозного фанатизма. В одной из последних работ Э. Гэллнэр был вынужден признать, что европейцы уже не хотят быть ни националистами, ни даже социалистами. В 1993 году, в статье «Пришествие национализма»¹¹⁷, Гэллнэр констатировал, что Европе не нужен ни социалистический, ни националистический миф. Европа устала от своих национализмов и модернизаций. Европейские интеллектуалы устали от дискуссий, что важнее – национализм или развитие. Европа конца XX века стала (пост)национальным и (пост)современным регионом.

Проблемы модернизации в работах Ш. Эйзенштадта

Американская политология в XX веке предложила исследовательскому сообществу ряд моделей политического анализа и выстраивания теорий в сфере политических наук, которые оказались почти универсальными и применимыми к изучению различных регионов. Среди таких теорий была и теория модернизации, которая достаточно быстро нашла своих сторонников и в национальных политологических школах, например – в израильской политологии. В Израиле одним из популяризаторов американского политологического опыта был известный исследователь, политолог и социолог, один из создателей современной израильской гуманистики Ш. Эйзенштадт.

Израильский ученый признан классиком не только израильской, но и мировой политологической науки. К сожалению, из более чем десяти крупных книг Ш. Эйзенштадта на русском языке вышла одна книга «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций»¹¹⁸ и несколько статей в гуманитарной периодике. Несколько идеализируя потенции человеческой цивилизации, Ш. Эйзенштадт полагал, что она изначально предрасположена к изменениям. Израильский ученый указывал на то, что «...в человеческих обществах шел постоянный процесс их совершенствования, и целые цивилизации подверглись трансформации, (что свидетельствует об универсальности социетальной предрасположен-

---

¹¹⁷ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹¹⁸ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999.

ности к изменениям. Хотя антропологическая литература 1930-1950-х гг. изображает первобытные общества мало расположенными к изменениям вообще и преобразованиям в особенности (т.е. к изменениям, затрагивающим институциональные и символические предпосылки обществ), все же признавалось, что даже эти общества испытывают конфликты и противоречия - конфликты между социальными сегментами и противоречия между принципами социальной организации, особенно системами родства, территориальной принадлежности и власти...»¹¹⁹.

Подобно другим западным политологам Ш. Эйзенштадт исходит из того, что любое сообщество, даже – традиционное¹²⁰, характеризуется определенной динамикой внутреннего развития, которое стимулируется различными факторами, в том числе – и внешними. Таким образом, история человеческой цивилизации не дает для исследователя примеров полностью статичных и законсервированных сообществ. Ш. Эйзенштадт ставил под сомнение точку зрения своих предшественников, которые, по его мнению, преувеличивали статический потенциал традиционных сообществ: «...в классической антропологической литературе утверждалось, что при относительно низком уровне техники в подобных обществах, отсутствии письменной трансляции культуры, низком уровне структурной дифференциации и, самое важное – при укорененности символической и организационной деятельности, имеющей центральное для общества значение в его первичных (главным образом родственных и территориальных) ячейках, конфликты, восстания и протест не могут быть организационно и символически выражены сколько-нибудь отчетливым образом. Обычно считалось, что такие феномены укоренены в существующих структурных и межличностных ячейках и они не выходят за пределы господствующих символических и институциональных предпосылок...»¹²¹.

Согласно его концепции, предпосылки для ускоренного роста и форсированного развития (то есть для модернизации) могут быть найдены не только в социальных структурах, но и социальных отношениях традиционных сообществ: «...эта укорененность проявляется прежде всего в характерных ритуалах восстания, в которых социальные отношения оборачиваются вверх дном, высокие становятся низкими и наоборот, не порождая, однако, новой концепции порядка или авторитета. Соответственно, как казалось, процессы изменений в первобытных обществах лишь изредка

---

¹¹⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 94.

¹²⁰ О традиционных обществах см.: African Political Systems / eds. M. Fortes, E. Evans-Pritchard. – NY., 1940; Gluckman M. The Kingdom of the Zulu in South Africa / M. Gluckman // African Political Systems / eds. M. Fortes, E. Evans-Pritchard. – NY., 1940. – P. 25 – 55; Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa / M. Gluckman. – NY., 1963; Comparative Political Systems: Studies in the Politics of the Pre-Industrial Societies / eds. R. Cohen, J. Middleton. – NY., 1957.

¹²¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 94.

приводят к возникновению новых культурных символов, концепций социального порядка и новых институциональных комплексов...»¹²².

Эйзенштадт полагал, что развитие цивилизации стало своего рода последовательной сменой нескольких типов обществ, каждое из которых было сложнее предыдущего, обладая принципиально новыми качествами и характеристиками¹²³. Согласно его концепции волны модернизации привели сначала к появлению, а позднее и исчезновению следующих типов общества: 1) простые охотничье-собираТЕЛЬские общества; 2) развитые охотничье-собираТЕЛЬские общества; 3) простые огороднические общества (простые общества рыболовов / простые общества скотоводов); 4) развитые огороднические общества; 5) морские общества (простые аграрные общества / развитые общества скотоводов); 6) развитые аграрные общества; и 7) индустриальные общества¹²⁴.

Эйзенштадт настаивает, что социальные перемены в обществах являются универсальной категорией, а их действия в зависимости от ситуации может иметь различные проявления и последствия: «...относительно централизованный тип общества может существовать в различных формах. Например, в результате слияния различных ячеек возможно возникновение кланового или племенного объединения. Или, общество может усложниться, если в ассоциативных структурах возобладает добровольное объединение или объединение возрастных классов. Наконец, существующее комплексное образование может исчезнуть (как было с королевством зулу, уступив место новому более централизованному и обширному социальному образованию...»¹²⁵.

По мнению Ш. Эйзенштадта общества генетически склонны к изменениям. В связи с этим, он подчеркивает, что «...изменения подобного типа антропологи в большинстве случаев объясняют действием внешних причин: давление роста населения, война и завоевание. Однако такие причины сами по себе не могут объяснить переход от первобытных обществ к архаической и исторической цивилизации. По крайней мере, в тех первобытных обществах, из которых образовались более сложные первобытные общества и особенно ранние цивилизации, должен был существовать потенциал далеко идущих изменений, направленных на достижение более высо-

---

¹²² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

¹²³ О подобной динамике см. работы 1950 – 1970-х годов, которые не утратили своей актуальности и в настоящее время. См.: Redfield R. Peasant Society and Culture / R. Redfield. – Chicago, 1956; Redfield R., Singer M. The Cultural Role of Cities / R. Redfield, M. Singer // Human Nature and Study of Society / ed. R. Redfield. – Chicago, 1962. – Vol. 1. – P. 143 – 414; Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macro-Sociology / G. Lenski, J. Lenski. – NY., 1974.

¹²⁴ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 105.

¹²⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

кого технического уровня, обретение письменности и новых более уточненных концепций, характерных для письменных обществ...»¹²⁶.

Таким образом, немалым потенциалом для социальных и исторически значимых изменений обладают любые сообщества. С другой стороны, не все из них смогли воспользоваться этим потенциалом, а относительно высокий уровень социального, политического, культурного и экономического развития не везде способствует возникновению условия для модернизации. Тем не менее, Ш. Эйзенштадт уделял значительное внимание этому модернизационному потенциалу: «...археологические и антропологические исследования дают более динамическую картину, показывающую, как могла произойти эта трансформация. Источники указывают, что в большинстве первобытных обществ существовал потенциал преобразующих изменений. Этот потенциал складывался в первобытных обществах постольку, поскольку в них возникали трения между различными культурными моделями или кодами, а также трения между подобными кодами и различными структурными принципами (например, достижения против аскриптивных). К тому же эти принципы сплетались с такими структурными категориями, как возраст, отношения родства или территориальная принадлежность, и с отдельными группами и интересами. Эти трения часто вели к расхождению и конфликтам между политическим и социальным статусом, а также к социальной дифференциации и соперничеству между теми группами, которые специализировались на разработке моделей культурного порядка, и теми, у кого сосредоточивались богатство или политическая власть...»¹²⁷.

Ш. Эйзенштадт полагал, что социальные изменения, где бы они ни протекали, представляют собой универсальный многоуровневый процесс, который ведет к значительным изменениям: «...сколько ни ограничены наши сведения о конкретных исторических процессах, приведших к возникновению архаических и исторических цивилизаций, можно отметить некоторые общие черты. Характер формирования этих цивилизаций предопределили: 1) технические нововведения, сделавшие возможным производство и накопление прибавочного продукта; 2) пространственные и демографические изменения, приводившие к возникновению плотно населенных районов и центров – будь то экономические (города), ритуальные (храмы) или политические; 3) изобретение письменности и 4) возрастание международных контактов...»¹²⁸.

Успех этой наиболее ранней модернизации лежал именно в сфере ее многоуровневости, того, что она одновременно протекала в сфере социальных, культурных, политических и экономических измерений того или иного сообщества. Комплексный характер перемен стал гарантией не

---

¹²⁶ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

¹²⁷ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 96.

¹²⁸ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 97.

только адаптации общества / сообщества к изменившимся условиям среды, но и создал условия для формирования адекватного механизма реагирования на внешние и внутренние вызовы.

В этом контексте мы можем провести параллель между социологическим анализом Ш. Эйзенштадта и советской гуманитарной традицией. В то время как советские исследователи, используя формулировки типа «разделение труда», «первобытнообщинный строй» и т.п. писали о неизбежности прогрессивных изменений и постепенной замене догосударственных отношений государственными, Ш. Эйзенштадт, который в советский период оценивался как «буржуазный фальсификатор» пытается донести почти ту же идею, высказанную, правда, на другом языке. В методологическом инструментарии Ш. Эйзенштадта вместо социально и экономически детерминированных формулировок речь идет об анализе в культурологической перспективе, в контексте «моделей культурного порядка».

Если мы обратимся к проблеме истоков социальных перемен (в более широком смысле – модернизации), то обнаружим удивительное сходство между той наукой, которая в советском обществознании оценивалась как «буржуазная» и иногда даже «реакционная» и самим советским научным нарративом. Подобное сходство проявляется, прежде всего, в анализе экономического фактора в контексте модернизации: «...исследования подчеркивают также, что важным двигателем изменений в первобытных обществах являются экономические взаимосвязи между ними. Таким образом, хотя мы нуждаемся в более систематических знаниях об изменениях в первобытных обществах, можно считать признанным, что в возникновении изменений большое значение имело определенное сочетание внутренних и внешних обстоятельств. В дополнение к этому существует согласие относительно того, что развертывающиеся в различных человеческих обществах процессы изменений обнаруживают одновременно и сходство, и большое разнообразие...»¹²⁹.

Анализируя социальные перемены, израильский ученый выделял три типа изменений, среди которых: 1) изменения в относительном положении различных ячеек того или иного общества в независимости от его типа и уровня развития (такие изменения могут протекать в различных типах общества, среди которых «...сегментарная система, составленная из таких лишенных властных структур социальных сегментов, как линиджы и кланы, племенное объединение или ранняя монархия...»¹³⁰); 2) сегментирование, или «установление структурно сходных ячеек за пределами территории материнской ячейки»¹³¹; 3) изменения, означающие переход «...от сегментарного и относительно эгалитарного общества к более централизо-

---

¹²⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 96.

¹³⁰ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

¹³¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

ванному, хотя еще первобытному обществу с некоторыми элементами иерархического устройства...»¹³².

Важнейшим результатом первой исторической волны модернизации стало не то, что отдельные существовавшие ранее сообщества вышли на новый уровень развития: «...тенденция к четкому определению границ коллективов (этнических, региональных, племенных, религиозных, культурных) вместе с объемом и границами институциональных комплексов (в политической, экономической, культурной сферах). Несомненно, эта тенденция была обусловлена ростом дифференциации между обществами и взаимоотношений между ними. Дифференциация в отношениях между обществами проявлялась прежде всего в росте относительно долговременных и устойчивых международных систем, состоявших из структурно обособленных типов общества – например, из больших патримониальных или полуимперских образований вместе с племенными объединениями, городами-храмами и / или городами-государствами, как было на Ближнем и Среднем Востоке или в Юго-Восточной Азии...»¹³³.

Модернизация привела к определенной географической институционализации сложившихся сообществ, что в итоге стало стимулом для дальнейших модернизационных волн и колебаний, в рамках которых были созданы условия для трансформации государства не просто в контексте его усложнения, но модернизации как национального государства. Появление социальной и политической иерархии стало не просто успехом и результатом первого модернизационного проекта. Социальные изменения поставили перед новыми обществами и новые задачи, создав для них и новые вызовы, среди которых наиболее важными стали «...увеличивающаяся внутренняя структурная дифференциация; растущая дифференциация и рационализация в символической сфере; интенсификация взаимоотношений между обществами и усиление дифференциации между ними; выделенность центров по отношению к периферии...»¹³⁴.

Модернизация затронула не только жизнь и функционирование отдельных сообществ, но привела к переосмыслению роли пространства, которое стало восприниматься как сфера взаимодействия между различными государствами: «...международные отношения играли важную роль в возникновении архаических и исторических обществ, а также в их развитии. В течение всей своей истории эти цивилизации оставались уязвимыми для воздействия международной среды, влияние которой могло сказываться различным способом на разных социетальных компонентах. Особое значение в этом отношении имела относительная автономия культурных кодов

---

¹³² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

¹³³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 98.

¹³⁴ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 97.

и их носителей и экономических систем, ибо отсюда мог последовать решающий толчок к изменениям...»¹³⁵.

Первая историческая модернизация привела к институционализации пространства, формированию воображаемой географии и началу международных отношений. В такой ситуации первая волна изменений автоматически закладывала основы для последующих модернизационных циклов. Структурная дифференциация способствовала росту внутренних противоречий, ослабляя те социальные и политические институты, которые становились архаичными: «...тенденция к структурной дифференциации была широко признана в научной литературе. Она проявляется прежде всего в возрастающей вычлененности специфических институциональных функций из исходных аскриптивных – родственных и территориальных – общностей и в утверждении этих функций в качестве отдельных видов деятельности и особых ролей. Это приводит к вычленению политической роли субъекта из его принадлежности к локальной общности и к увеличению числа автономных образований (политических, экономических, религиозных, образовательных), которые осуществляют более специализированные функциональные задачи...»¹³⁶.

Ш. Эйзенштадт полагал, что в именно в рамках этой дифференциации закладываются основы для институционализации движений, которые рано или поздно могут стать носителями идей социальных и политических перемен, то есть модернизации: «...вторая важнейшая характеристика структурной дифференциации - это рост специализации главных типов институциональных организаторов: политических и экономических элит, идеологов моделей культурного и социального порядка и солидарности различных коллективов. Некоторые из них выдвигаются из аскриптивных групп, таких, как общины, племена или даже социальные слои...»¹³⁷.

По мнению Ш. Эйзенштадта первая «историческая» модернизация, которая привела к появлению государственности, самым значительным образом повлияла и на процесс рекрутирования политической элиты. Наделение представителей элиты некими символическими признаками и атрибутами способствовало тому, что в любом обществе начинались, с одной стороны, процессы оспаривания властных полномочий элит со стороны других религиозных, политических, социальных и / или культурных группировок: «...третий важный аспект возрастающей дифференциации связан с развитием социальной иерархии как особой черты социальной организации; значит, с развитием того, что часто называли классовым обществом. Эта тенденция очевидна прежде всего в закреплении различных социальных позиций и ролей за относительно закрытыми слоями и в регулировании через обычаи и / или правовые запреты доступа по крайней мере к не-

---

¹³⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 98.

¹³⁶ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 97.

¹³⁷ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 97.

которым из этих позиций, а также в регулировании символического и реального использования ресурсов различными группами...»¹³⁸.

С другой стороны, «символический» контент самого статуса элиты способствовал росту внесистемных настроений, носители которых стремились оспорить именно этот символический статус, что в итоге вело к размыванию традиционности и созданию предпосылок для новой волны модернизации. Маргиналы как особая социальная категория существуют в большинстве обществ: «...возросшие расположенность к изменениям и потенциал способности к преобразованию рассматриваемых нами обществ наиболее явно проявляются в возникновении четко определенных движений, таких, как восстание, инакомыслие, протест, а также в достижении более высокого уровня выражения политической борьбы... складывались определенно выраженные движения изменений и ориентации протеста...»¹³⁹.

В силу различных обстоятельств и особенностей статуса значительные группы людей оказываются за пределами политического дискурса, что создает условия для формирования на их базе внесистемных и антисистемных движений: «...организаторами таких движений могли выступить носители моделей культурного порядка или выразители солидарности различных коллективов. Первые поддерживали особую культурную ориентацию, вторые — социальный код (иерархию в противовес равенству, принуждение в противовес солидарности или поощрительным мерам и т.п.). В то же время возникали и движения инакомыслия, которые нередко были направлены на переосмысление оснований господствующих культурных моделей и традиций. А в процессе формирования институтов, прежде всего в экономической и образовательной сферах, выдвигались и организаторы нового типа...»¹⁴⁰.

Кроме разрушительного эффекта подобные движения нередко оказываются важными и действенными агентами модернизации. В связи с этим Ш. Эйзенштадт писал, что «...попытка переформулирования символических характеристик и институциональных предпосылок могла как вести к расширению объема критических ориентации и к рационалистическому объективизму, так и быть направлена к сдерживанию и антирационализму. Такие антирационалистские тенденции в социальном и культурном порядке могли найти различное выражение. Они могли вылиться в относительно простой популистский антирационализм и антиинтеллектуализм. В более дифференцированных обществах они могли породить более разработанные сектантско-еретические учения и идеологии протеста, основанные на ин-

---

¹³⁸ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. — С. 97.

¹³⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. — С. 100.

¹⁴⁰ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. — С. 101.

теллектуалистском отрицании рациональных или критических предпосылок своих собственных традиций...»¹⁴¹.

Ш. Эйзенштадт полагал, что модернизация может стать результатом активизации внесистемных движений в форме революции¹⁴². Анализируя революционный фактор, исследователь исходил из уверенности, что «...социальные изменения, особенно далеко идущие изменения (революции, например), представляют собой результат комбинированного воздействия многочисленных социальных сил и что изменения, происходящие в одной части системы, затрагивают все остальные части...»¹⁴³.

Таким образом, концепция модернизации Ш. Эйзенштадта отличается комплексным характером. Анализируя исторические и социальные изменения, им был вскрыт механизм постепенного отмирания традиционного общества и его заменой другими общественными типами. Кроме этого, Ш. Эйзенштадт показал, что и любое другое общество подвержено переменам и изменениям в такой же мере, как и традиционное. Социальные изменения – это комплексные и сложные процессы, которые протекают на различных уровнях, затрагивая механизмы рекрутирования и воспроизводства политических элит, а так же само функционирование и воспроизводство того или иного общества.

В процессе постепенного усложнения любые общества подвержены внутренней дефрагментации, что создает условия для политизации жизни. Политизация означает и ввод в пределы политического дискурса ранее маргинальных, революционных и оппозиционных, движений. В этом контексте становится очевидным прикладной характер теории модернизации, предложенной Ш. Эйзенштадтом. XX век демонстрирует немало примеров успешной политизации внесистемных движений и их прихода к власти. Политические маргиналы, укоренившись в политическом дискурсе, начинают направлять и корректировать его развитие, что нередко выливается в новые модернизационные волны.

---

¹⁴¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 102.

¹⁴² Об этом см. подробнее: Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa / M. Gluckman. – NY., 1963; Comparative Political Systems: Studies in the Politics of the Pre-Industrial Societies / eds. R. Cohen, J. Middleton. – NY., 1957.

¹⁴³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 114.

Социальная модернизация Пётра Штомпки

Среди западных исследователей проблем политической модернизации и социальных изменений принадлежит польскому американскому ученому Пётру Штомпке – автора ряда работ по социологии, среди которых и фундаментальный учебник для университетов, изданный на польском¹⁴⁴ и на русском языке¹⁴⁵ и исследования о модернизационных процессах в социологической перспективе, вышедшее на английском¹⁴⁶ и русском¹⁴⁷.

Пётр Штомпка, подобно другим западным политологам и социологам, полагал, что человеческое общество и отдельные человеческие сообщества исторически склонны к изменениям: «...изучение социальных изменений – основное в социологии. Возможно, вся социология концентрирует внимание на изменениях. Изменение – настолько очевидная черта социальной реальности, что любая научная социальная теория, какой бы ни была ее исходная концептуальная позиция, рано или поздно должна подойти к этому вопросу...»¹⁴⁸. При этом, значительная часть из изменений имеет принципиальное значение и носит модернизационный характер.

Иными словами, модернизация для П. Штомпки – это, в первую очередь, социальный процесс. По мнению польско-американского ученого сама социология как наука обречена заниматься изучением именно модернизации, так как своим появлением обязана тем модернизационным процессам, которые охватили Запад в XIX веке: «...это справедливо со времен возникновения социологии. Сама наука зародилась в XIX веке как попытка осознания фундаментального перехода от традиционного к современному обществу, возникновения урбанистического, индустриального, капиталистического уклада жизни. Теперь, на исходе XX века мы находимся в процессе столь же радикальной трансформации от торжествующей современности, постепенно охватывающей весь земной шар, к возникающим формам социальной жизни, которые столь туманны, что заслуживают пока лишь расплывчатого ярлыка постмодернизма. Необходимость понять происходящие социальные изменения вновь остро осознается и обычными людьми, и социологами...»¹⁴⁹.

П. Штомпка исходил из того, что бурная политическая динамика XX столетия вынуждает исследователя анализировать модернизационные процессы, ставя перед ним круг непростых вопросов от существования и изменения авторитарных обществ и режимов до особенностей процесса политического транзита и демократической трансформации: «...теории мо-

---

¹⁴⁴ Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa / P. Sztompka. – Krakow, 2002.

¹⁴⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М., 2005.

¹⁴⁶ Sztompka P. The Sociology of Social Change / P. Sztompka. – NY., 1993.

¹⁴⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996.

¹⁴⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 11.

¹⁴⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 11.

дернизации и конвергенции являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три “мира”: “первый мир” развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и “индустриализировавшиеся страны” Дальнего Востока; “второй мир” авторитарных “социалистических” обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшимся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и “третий мир” постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии...»¹⁵⁰.

Штомпка полагал, что средства для изучения социальных изменений можно обнаружить в нескольких сферах, а именно: «...в сфере здравого смысла, на уровне которого люди усваивают общие идеи, понятия, представления о социальных изменениях в той мере, в какой они стремятся осмыслить собственную жизнь; в социальной и политической философии, которая поднимает суждения здравого смысла до уровня самостоятельных, специализированных, рациональных конструкций, производящих сложные категории, образы и доктрины; в социальных науках, а именно в истории, политэкономии, социальной антропологии, социологии, которые начинают применять методический, критический анализ к изменяющейся социальной реальности и создают более строгие и эмпирически обоснованные теории...»¹⁵¹.

В такой ситуации изучение модернизации ставит перед исследователями задачу проведения не просто комплексного или частного исследования. Анализ модернизационным процессов должен иметь междисциплинарный синтез. Поэтому, модернизационные исследования – благодатная почва для развития междисциплинарного подхода и компаративистики. Штомпка полагал, что изучение модернизации требует от исследователя большой ответственности, способности оригинально и неоднозначно мыслить, рефлексировать над анализируемыми событиями и процессами: «...мы должны обратиться еще к одной важной социологической идее – принципу рефлексии, согласно которому в человеческом обществе знания имеют прямые и непосредственные практические следствия. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы подвинуть их к действиям. Следовательно, эти взгляды, концепции самым непосредственным образом влияют на направление и перспективы социальных изменений. Вот почему обогащение теоретических знаний о социальных изменениях одновременно имеет и большое практическое значение – для осуществления самих изменений...»¹⁵².

---

¹⁵⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 170.

¹⁵¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 12.

¹⁵² Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 14.

В своей концепции модернизации П. Штомпка разграничивал понятия «прогресс» и собственно «модернизация». Под прогрессом П. Штомпка понимал «...под прогрессом мы понимаем направленный процесс, который неуклонно подводит систему все ближе либо к более предпочтительному, лучшему состоянию (или, другими словами, к реализации определенных ценностей этического порядка, таких, например, как счастье, свобода, процветание, справедливость, достоинство, знания и т.д.), либо к идеальному состоянию общества, описанного в многочисленных социальных утопиях. Чаще всего идея прогресса устанавливает, как такое общество должно выглядеть согласно взглядам того или иного автора, его мировоззрению. Очевидно, что такая теория находится вне сферы науки, ограничивающей свои интересы тем, что есть, а не тем, что должно быть...»¹⁵³.

Что касается модернизации, то, по мнению П. Штомпки, модернизация представляет собой крайне сложный процесс. Комментируя различные измерения модернизационных перемен, П. Штомпка писал о том, что значительные изменения в человеческой истории могли быть результатами модернизационных процессов: «...выход из пещер и строительство первых укрытий - столь же явный пример модернизации, как и приход автомобилей на смену лошадиным повозкам или компьютеров на смену пишущим машинкам, если вспомнить сравнительно недавние перемены...»¹⁵⁴.

Анализируя модернизационные процессы, процесс социальных изменений, П. Штомпка нередко в центр своего исследования ставил то или иное сообщество. Понимая под ним систему и сложный комплекс внутрисистемных отношений и взаимодействий ученый указывал на то, что любое изменение на низовом или верхнем уровне автоматически влечет за собой реакцию ответных изменений на других уровнях системы: «...изменения внутри системы постепенно накапливаются и, в конце концов, перерастают в изменения самой системы. Как правило, социальные системы имеют специфические ограничения, пороги, переходя которые (т.е. превосходя по экстенсивности, интенсивности и своевременности), фрагментарные, частичные сдвиги трансформируют идентичность целостной системы и ведут не только к количественным, но и качественным преобразованиям...»¹⁵⁵.

Именно поэтому даже самые консервативные и застойные на первый взгляд недемократические, авторитарные и тоталитарные режимы, подвержены изменениям: «...все тираны и диктаторы рано или поздно обнаруживают, что подавление общественного недовольства приносит плоды лишь до определенного момента и медленная эрозия их власти неизбежно открывает дорогу демократии...»¹⁵⁶. Начавшись как социальные любые

---

¹⁵³ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 25.

¹⁵⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 169.

¹⁵⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 22.

¹⁵⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 22.

изменения неизбежно перейдут в новую форму, став политическими и, соответственно, более глубокими.

В такой ситуации, по мнению П. Штомпки, под социальными изменениями следует понимать несколько совокупных процессов, а именно: «...социальное изменение - это происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения. Социальное изменение означает наблюдаемые с течением времени различия в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами. Социальные изменения являются чередованием во времени поведенческих образцов, социальных взаимосвязей, институтов и социальных структур...»¹⁵⁷.

Поэтому, модернизация, по П. Штомпке, «...комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI столетия и достигших своего апогея в XIX-XX веках. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки...»¹⁵⁸.

Социальные изменения модернизационного плана, как полагает П. Штомпка, самым темным образом связаны и с социальными процессами: «...под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции... любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик... они либо случайно связаны друг с другом (в том смысле, что по крайней мере хотя бы одно частично является каузальным условием другого, а не просто сопровождающим его или предшествующим ему фактором), либо следуют одно за другим на протяжении определенного времени. Процессы, идущие от макроуровня к микроуровню, включают в себя индустриализацию, урбанизацию, глобализацию, секуляризацию, демократизацию, эскалацию войны, мобилизацию социальных движений, ликвидацию фирм, исчезновение добровольных ассоциаций, кристаллизацию дружеских компаний, кризис в семье...»¹⁵⁹.

В такой ситуации под модернизацией мы можем понимать «...процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры...»¹⁶⁰. Пётр Штомпка выделяет два типа социальных процессов, для каждого из которых характерен немалый

---

¹⁵⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 22.

¹⁵⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 169.

¹⁵⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 23.

¹⁶⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 169.

модернизационный и антитрадиционный потенциал. Первый тип – это социальное развитие. Второй тип – социальный цикл.

По мнению П. Штомпки, социальное развитие представляет собой «...форму, раскрывающую потенциал, который изначально заложен в системе. Речь в данном случае идет о направленном процессе, т.е. таком, в котором ни одно из состояний системы не повторяется ни на какой предыдущей стадии, а на более поздней выходит на более высокий уровень в какой-либо сфере...»¹⁶¹. Что касается социального цикла, то П. Штомпка исходит из того, что «...он не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным. Любое состояние, в котором пребывает система на той или иной стадии, может возникнуть в будущем, причем данное состояние, в свою очередь, уже когда-то случалось в прошлом. Это повторение заложено в самой системе и раскрывает свою природу именно в таком специфическом ритме колебаний. В коротком временном интервале изменения происходят, но на длительном отрезке времени – нет, поскольку система возвращается к первоначальному состоянию...»¹⁶².

Примечательно то, что почти все из процессов, перечисленных исследователям, в той или иной степени имеют именно модернизационный характер, проявляясь в максимальной степени в период перехода от традиционного общества к современному. И социальное развитие, и социальный цикл – это и социальные процессы. Отличительной чертой любого социального процесса является не только его пролонгированность во времени, но результативность. По мнению П. Штомпки, некоторые социальные процессы отличаются значительным модернизационным эффектом: «...некоторые, поистине созидательные процессы приводят к фундаментальным новшествам – возникновению совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур и т.д. ... к ним относятся, например, мобилизация социальных движений; образование новых групп, ассоциаций, организаций, партий; основание новых городов; принятие конституции нового государства; распространение нового стиля жизни или технологического изобретения со всеми далеко идущими последствиями... такие процессы сыграли решающую роль в происхождении всех цивилизаций, в технологических, культурных и социальных достижениях человечества начиная с ранних примитивных обществ и кончая современной индустриальной эпохой...»¹⁶³.

Штомпка полагал, что за каждым сообществом стоит механизм его существования, функционирования, реагирования на внешние и внутренние вызовы: «...существуют специфические, принципиально важные для жизни узлы, комплексы, сплетения социальных отношений, которые мы научились вычленять и, говоря о которых, склонны прибегать к языку ма-

---

¹⁶¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 24.

¹⁶² Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 24.

¹⁶³ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 36.

териализации: мы называем их группами, сообществами, организациями, национальными государствами...»¹⁶⁴. По мнению американско-польского социолога одним из важнейших стимулов модернизации является существование различных типов обществ и политических режимов – открытых и закрытых, либеральных / демократических и авторитарных / тоталитарных.

В связи с этим П. Штомпка подчеркивает: «...в борьбе обществ (культур, экономик, организационных форм, военных систем) модернизация позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне... предпосылкой модернизации является сосуществование различных обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс адаптации может подталкиваться снизу и осуществляться постепенно, но тогда он идет очень медленно. Ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования сверху, подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация...»¹⁶⁵.

В такой ситуации политический плюрализм не просто стимулирует одни общества к развитию, а другие к консервации. Сам факт существования различных общественных и политических типов способствует тому, что сообщество оказывается в силах и состоянии выработать механизм реакции на внешние и внутренние вызовы, то есть создать условия для своей модернизации. Это, в конечном итоге, и определяет способность сообщества изменяться, приспосабливаться к новому, отказываясь от тех или иных социальных отношений и политических институтов, иными словами – модернизируясь.

С другой стороны, П. Штомпка акцентировал внимание и на том, что социальные изменения протекают не в просто замкнутых и закрытых сообществах, но сообществах, которые состоят из отдельных индивидов: «...социальные изменения происходят в результате деятельности индивидов. Следовательно, теории структурных изменений должны показывать, как макропеременные воздействуют на мотивы и выбор индивидов и как этот выбор, в свою очередь, воздействует на макропеременные...»¹⁶⁶. Таким образом, одним из стимулов модернизационных процессов является и некая биологическая динамика, присущая человеку как виду. Анализируя модернизационные процессы, П. Штомпка формулирует два принципиально важных вопроса, а именно: «Что движет слаборазвитые общества к современности?» и «Каков причинный механизм этого движения?»¹⁶⁷.

---

¹⁶⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 27.

¹⁶⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 175.

¹⁶⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 23.

¹⁶⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 174.

Пытаясь ответить на них, он высказывает следующее мнение: «структурная и функциональная дифференциация (а конкретнее, разделение труда) - неизбежный естественный процесс. Он может быть замедлен или даже временно приостановлен, но, в конце концов, продолжится вновь. Если принять данную точку зрения, то главной задачей становится выявление факторов, тормозящих дифференциацию слаборазвитых обществ. Собственно, задача политиков и заключается в устранении подобных препятствий. В основе таких умозаключений лежит предположение о том, что общества способны трансформироваться только в том случае, если этот процесс не тормозится»¹⁶⁸. Таким образом, залог успешной модернизации лежит именно в социальной сфере, в сфере социальных процессов и изменений. Иными словами, как бы это не звучало цинично, разорение крестьянства и первые массовые деструктивные движения Раннего Нового Времени были прогрессивны, так как свидетельствовали о модернизации общества.

---

¹⁶⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 174.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ

Революция и проблемы модернизации в дискурсе советского обществоведения (на примере работ И.И. Минца) – Проблемы модернизации советского Ориента в исследовательском дискурсе второй половине 1980-х годов – Революция и модернизация в позднесоветском научном дискурсе (вторая половина 1980-х годов)

Революция и проблемы модернизации в дискурсе советского обществоведения (на примере работ И.И. Минца)

В дискурсе советского обществознания до конца 1980-х годов слово «политология» находилось под негласным запретом, ассоциируясь с западными исследовательскими методиками и концептами, научное содержание которых в СССР не признавалось и отрицалось. Советские исследователи пребывали в состоянии постоянной полемики с западными политологами, что привело к развитию целого направления, которое распадалось на критику «буржуазного национализма», «буржуазной идеологии и ревизионизма», «американского империализма». За этими уродливыми формами скрывались зачатки отечественной политической науки, которая получила статус таковой в конце 1980-х годов.

Признавая отсутствие в СССР политологии в современном понимании, мы не можем отрицать того, что советские исследователи занимались изучением того, что в западном научном дискурсе стало известно как теории модернизации и теории интеграции (частного случая модернизации). В советском обществоведении были предприняты определенные шаги для изучения модернизации, анализа модернизационных процессов. С другой стороны, само понятие «модернизации» использовалось не так часто, как в западной политологии. Вместо него научный лексикон советских обществоведов был наполнен понятиями «исторического прогресса», «общественного прогресса», «революции», «всемирно-исторического значения».

Анализируя эти явления, советские авторы занимались почти тем же, чем и их западные коллеги – анализом процессов постепенного отмирания традиционного общества и приходом на смену ему современного общества. Выводы советских авторов облекались в несколько иные формулировки и определения, выдержанные в соответствии с нормами советского идеологического канона. В своеобразных «модернизационных» исследованиях советского периода центральное место отводилось изучению революций, как движущей силы перехода от традиционного общества к современному.

Вероятно, в советском обществоведении безраздельно доминировала революционная парадигма, культивированием которой занимались Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук при ЦК КПСС, кафедры научного коммунизма и кафедры истории партии в высших учебных заведениях.

В настоящей лекции мы не ставим перед собой цели проанализировать работы советского периода, посвященные революциям и революционному процессу во всем их многообразии. Мы стремимся показать только основные особенности того революционного дискурса, который доминировал в советской гуманистике, задавая границы и традиции исследовательского канона. Итак, революция была центральной темой советских общественных наук. Среди крупнейших¹⁶⁹ исследователей революции в советский период был Исаак Израилевич Минц. Не используя терминологию теории модернизации, И.И. Минц все же настаивал на том, что революционные процессы привели к свержению буржуазного общества и установлению нового строя. Слова «буржуазно-капиталистическое общество» и «социалистическое общество» в советском обществоведении в значительной степени были синонимами того, что в западной политологии обозначалось терминами «традиционное общество» и «современность».

По утверждению И.И. Минца, советские теории социальных изменений, которые, как казалось советскому автору, базировались на теории К. Маркса, являлись единственно верными и правильными: «...марксизм-ленинизм дал единственно правильное решение вопроса о сущности социального прогресса и его критерии... прежде всего, марксизм требует исторического подхода к проблеме прогресса... о прогрессе следует судить с точки зрения тех исторических условий, в которых он совершается...»¹⁷⁰. Революция в концепции И.И. Минца рассматривалась не как результат предшествующего социального и экономического развития, а как реализация только одного из направлений политической жизни. Об этом в частности свидетельствует утверждение советского автора: «...октябрьская социалистическая революция показала организующую, мобилизующую и преобразующую силу идей марксизма-ленинизма... эти идеи стали достоянием народных масс, которые собственным жизненным опытом, логикой и практикой революционного развития убедились в их правоте и величии...»¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ Употребляя слово «крупнейший», автор не иронизирует и не ставит под сомнение значение трудов И.И. Минца. Для своего времени они были выдержаны в рамках официального канона и являлись вполне качественными. С другой стороны, сейчас очевидны их политическая ангажированность и заказной (юбилейный) характер. Труды И.И. Минца интересны в контексте своеобразной интеллектуальной истории и биографии советского обществоведения. В этой лекции автор активно и обильно цитирует текст И.И. Минца, дабы показать специфику «научного» стиля, который доминировал в рамках советского обществоведческого дискурса.

¹⁷⁰ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества / И.И. Минц. – М., 1987. – С. 10.

¹⁷¹ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 73.

Такое отношение официального советского обществоведения подчеркивает, что в его основе лежали в значительной степени неверные попытки положить именно революцию в центр анализа, исключив их сферы исследовательского дискурса целый комплекс проблем, связанных не с революционным, а эволюционным и поступательным развитием человеческих обществ. Это автоматически вело к тому, что западный опыт искусственно выставлялся за пределы исторического дискурса, что существенно суживало границы для интеллектуального маневра в советских общественных науках. И.И. Минц настаивал, что именно революции являются главной движущей силой перемен, катализатором современности: «...среди исторических событий революции выдвигаются на первый план... преобразуя коренным образом жизнь того или иного народа, переворачивая общественное устройство страны, они не могут не влиять на общий ход истории человеческого общества...»¹⁷².

В рамках официального советского дискурса революция воспринималась как источник социальных перемен: «...великая революция, совершенная рабочим классом в союзе с трудящимся крестьянством, под руководством партии большевиков, коренным образом сверху донизу перестроила все общество...»¹⁷³. С другой стороны, И.И. Минц монополизировал право на проведение модернизации даже не за одним социальным классом, но за одной политической группой, которая в 1917 году узурпировала власть: «...под руководством партии Ленина пролетариат организовал всех трудящихся России и поднял их на свержение власти капитала...»¹⁷⁴. В этом игнорировании социальных позиций, культурных идентичностей других групп, попытке свести социальные перемены к политике, направляемой сверху, кроется одна из наиболее слабых сторон теории И. Минца. Революция, по И.И. Минцу, процесс перманентного отмирания традиционных институтов и их замена новыми, более современными и справедливыми, институтами и стоящими за ними отношениями: «...в кратчайший исторический срок революция вычистила вон весь хлам средневековья, все остатки крепостничества, помещичье землевладение, сословность и привилегии дворянства, национальный гнет, неравенство женщин...»¹⁷⁵.

Таким «традиционным» в смысле негативного характера самого его существования для И.И. Минца был империализм: «...империализм заставлял человечество буквально корчиться в судорогах социальных противоречий... империализм растлевал саму душу народов...»¹⁷⁶. В то время, когда западные политологи анализировали проблемы реального отмирания и исчезновения традиционных институтов и отношений в развивающихся странах, И. Минц ставил под сомнение легитимность не локального tradi-

¹⁷² Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 5.

¹⁷³ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 7.

¹⁷⁴ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 21.

¹⁷⁵ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 7.

¹⁷⁶ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 18.

ционного института, а всей экономической и политической системы, которая определяла и направляла существование и развитие западного общества. Несколько конкретизируя советский «большой» нарратив о прогрессивной роли революции в национальных регионах, И.И. Минц писал, что «...нет той области – экономической и политической – в которой народ Советского Союза не добились бы огромных успехов, гигантского прогресса...»¹⁷⁷.

Таким образом, весь дооктябрьский период в национальных историях отрицался и перечеркивался, что делалось сознательно с целью более глубокой интеграции национальных интеллигенций и интеллектуальных сообществ в советский, политизированный, канон. И.И. Минц настаивал, что революционные преобразования имели прогрессивное значение не только для отдельных региональных и локальных сообществ, но и для больших, крупных сообществ, то есть для наций: «...октябрьская революция ликвидировала закон капитализма, согласно которому большая часть человечества, колониальные и зависимые народы, была отброшена от столбовой дорожки исторического развития и превращена в жертву безудержной эксплуатации небольшой кучки империалистических держав... в советской стране ликвидировано не только политическое неравенство, но и экономическое неравенство: прежние угнетенные народы поднялись до уровня передовых, и вместе строят коммунистическое общество...»¹⁷⁸.

«Модернизация» по И.И. Минцу была именно социально детерминированным процессом. Отдавая должное искренности И.И. Минца, отметим, что он и не скрывал политической ангажированности и предопределенности своих теоретических построений, указывая на то, что «...марксизм требует классового подхода к проблеме прогресса... ко всем видам прогресса – социального, политического и культурного – следует подходить с точки зрения передового, ведущего класса...»¹⁷⁹. Именно эта социально-классовая доминанта текстов И.И. Минца была одной из наиболее слабых их сторон. Замыкаясь в рамках классового похода, сфокусированного на воспевании пролетариата, И.И. Минц автоматически отсекал ряд сюжетов, которые имели самое непосредственное отношение к проблеме социальных перемен, но были политически неблагонадежны в рамках советского дискурса, так как относились к процессам, протекавшим в рамках других классов.

Кроме этого, И.И. Минц, сводя модернизацию к исключительно экономическим переменам и изменениям («...основным объективным критерием социального прогресса марксизм считает развитие производительных сил в истории общества... именно марксизму принадлежит правильная оценка места и роли производительных сил в истории общества, в смене

---

¹⁷⁷ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 9.

¹⁷⁸ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 8.

¹⁷⁹ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 10.

одной общественной формации другой...»¹⁸⁰), отрицал культурные, социальные, религиозные и интеллектуальные факторы, которые в действительности играли немалую роль в рамках модернизационных процессов. В связи с этим, И. Минц, отрицая региональные особенности формирования и развития наций, стремился положить историю в прокрустово ложе революционной теории, настаивая, что исключительно революции являются главным стимулом для развития наций, нивелируя тем самым целый комплекс культурных и социальных факторов.

И.И. Минц полагал, что революция имела значительные последствия и в сфере политической модернизации, приведя к формированию нового, по его мнению, не только более современного, но и единственно правильного, режима: «...социалистическая революция ликвидировала диктатуру буржуазии, свергла власть помещиков и капиталистов и установила диктатуру пролетариата... руководство государством перешло в руки рабочего класса с широкими массами трудящегося крестьянства, приступившего к созданию социалистического общества...»¹⁸¹. В данном контексте становится очевидным политически предопределенный характер общественных исследований в СССР. С другой стороны, усиленно развивая и культивируя нарратив о революции, И.И. Минц указывал на то, что та сыграла «модернизационную» роль не только для России, но и обрела, в соответствии с официальной советской терминологией, «всемирно-историческое значение». В связи с этим И.И. Минц писал, что «...каждый день революции приносил известия о самоотверженной борьбе российского пролетариата, о вовлечении в борьбу новых отрядов трудящихся, о быстрой смене и выдвижении новых форм борьбы... пролетариат всего мира воспрянул... он с восторгом встретил русскую революцию... стало ясно, что центр мирового революционного движения переместился в Россию...»¹⁸².

Словно отрицая предыдущие столетия в истории Запада, И.И. Минц стремился доказать, что европейская и русская история начинаются только после победы «Октябрьской революции» в России: «...Великая Октябрьская социалистическая революция не только коренным образом перестроила общество в России, но и оказала решающее влияние на ход мирового исторического процесса. Она открыла новую эру в истории человечества... революция разделила мир на две системы – мир социализма и мир империализма...»¹⁸³. Усилиями И.И. Минца в советском обществоведении культивировался нарратив об особой, мессианской роли, Советского Союза в мире: «...страна Октября стоит во главе социального прогресса человечества, открыв путь для освобождения мира от гнета империализма...»¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 11.

¹⁸¹ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 7.

¹⁸² Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 6 – 7.

¹⁸³ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 9.

¹⁸⁴ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 9.

Таким образом, И.И. Минц стремился доказать, что исключительно советский вариант модернизации является единственно верной и правильной формой социальных изменений. Поэтому, правомерность и легитимность западной модернизации в советском обществоведческом дискурсе отрицалась, ставилась под сомнение. Акцентируя внимание на революции как источнике социальных и политических перемен, И.И. Минц полагал, что в результате победы в 1917 году в России социалистической революции «...в мире появился новый тип государства – Советское социалистическое государство, в котором нашла свое воплощение основная закономерность исторического развития: те, кто создают все материальные и культурные ценности, те и управляют государством...»¹⁸⁵.

Подводя итоги анализа советской концепции политической модернизации, представленной в работах И.И. Минца, мы можем констатировать некоторые особенности, которые были характерны для советского восприятия процесса социальных и политических изменений. Советские концепты «модернизации» имели политически ангажированный характер. В советском дискурсе излишнее внимание уделялось экономической стороне модернизации. Это, в свою очередь, негативно влияло на общую динамику развития общественных исследований, существенно сужая диапазон возможных интерпретаций. Неспособность выйти за рамки строго очерченных границ советского обществоведческого дискурса стала одной из причин его кризиса. Революционная теория социальных изменений, представленная в работах И.И. Минца, убедительно подчеркивает искусственность советского научного дискурса, его неспособность реагировать на методологические и концептуальные вызовы. С другой стороны, подобная методологическая ограниченность была характерна и для других исследований, где затрагивались проблемы модернизации, о чем речь будет идти ниже.

Проблемы модернизации советского Оrientsа в исследовательском дискурсе второй половине 1980-х годов

В параграфе, посвященном тексту И.И. Минца, мы упоминали, что советский академик затрагивал и национальные проблемы. В советских теориях модернизации национальным проблемам и национальным вопросам уделялось особое внимание, что было вызвано тем, что в рамках официального советского дискурса СССР позиционировался как государство, которое смогло решить национальный вопрос на качественно новых условиях и построить современное, прогрессивное по сравнению с более ранним периодом, государство в плане национальных отношений.

---

¹⁸⁵ Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. – С. 7.

В настоящей лекции мы проанализируем, как в рамках советского научного дискурса оценивались и анализировались проблемы «модернизации» раннее угнетенных наций. Изучение этой темы было призвано играть в Советском Союзе ту роль, которую в западной политологии, социологии и культурологии играл пост-колониальный анализ. И советские, и западные авторы занимались в этом контексте изучением во многом сходных проблем. Если американские и европейские исследователи анализировали пост-колониальные общества, идентичности и политические культуры Африки и Азии в категориях формирования современных наций, то советские авторы фокусировали внимание на народах Средней Азии в контексте прогрессивного воздействия революции и формирования социалистических наций.

Советские исследователи не стеснялись колониальной риторики в рамках анализа тех отношений и культур, которые доминировали в Средней Азии, полагая, что этот регион «...представлял собой колонии царской России... царизм и капиталистические монополии преднамеренно удерживали эти окраины на положении поставщиков сырья... здесь была установлена военно-колониальная система управления...»¹⁸⁶. Средняя Азия в советском дискурсе играла роль особого советского Ориента, советского Востока – территорией, где доминировали архаичные и традиционные отношения, «феодално-религиозный»¹⁸⁷ тип культуры.

Во второй половине 1980-х годов советские авторы признавали, что Средняя Азия до 1917 года была топосом традиционности, сферой однозначного доминирования традиционного, архаичного общества: «...народы Средней Азии находились в исключительно неблагоприятных условиях... советская власть в Средней Азии и Казахстане столкнулась со страшной культурной отсталостью... почти полностью отсутствовали квалифицированные кадры... дореволюционные Средняя Азия и Казахстан представляли собой район феодализма, капиталистические отношения еще только зарождались...»¹⁸⁸.

С другой стороны, если западные авторы полагали, что важнейшим фактором модернизации был национализм, то в советском идеологическом дискурсе национализму была отведена роль своеобразного антигероя, противника и конкурента «пролетарского интернационализма». Поэтому, модернизационные социальные перемены и новации, по мнению советских авторов, исходили не от национализма, а от социализма. Вот почему, юбилейное издание «Исторический прогресс социалистических наций», хоро-

---

¹⁸⁶ Преобразующая роль Великого Октября в духовном возрождении народов Средней Азии и Казахстана // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 66.

¹⁸⁷ Культурная жизнь народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 57.

¹⁸⁸ См. подробнее: Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 9.

шо демонстрирующее особенности официального советского нарратива, открывалось почти ритуальной фразой о том, что «...выдающимся завоеванием социализма, как сказано в Программе КПСС, является разрешение национального вопроса...»¹⁸⁹.

Если западные политологи в модернизационных исследованиях уделяли значительное внимание проблемам того как формировался механизм протекания социальных перемен и как менялась идентичность, то советские авторы анализировали модернизационные изменения под другим углом зрения: «...формирование социалистического общественного сознания масс, превращение марксистско-ленинского мировоззрения в идеологию всего народа, складывание новой психологии и нового духовного объединения людей – все эти изменения проходили под воздействием материального производства и обусловленных им условий жизни...»¹⁹⁰.

Правда, советские авторы так же указывали, что в процессе модернизации возникла новая идентичность. Не используя этого термина, они полагали, что в результате социальных, политических и культурных изменений сложилось «социалистическое сознание»: «...утверждение социалистического сознания – длительный и сложный процесс, направляемый Коммунистической партией. Он происходил с немалыми трудностями, в сложной борьбе... содержанием этого процесса являлась ломка обычаев и традиций отжившего общества...»¹⁹¹. Отличительной чертой советского дискурса было стремление авторов разрушить национальную замкнутость и доказать сложение новой общности – «советского народа».

Сама идея «советского народа» была ничем иным как воображаемым сообществом и сознательно развиваемым культурным и идентичностным проектом: «...закономерным следствием победы пролетарской революции и утверждения социалистического общественного строя в СССР явилось возникновение новой межнациональной общности людей – советского народа... ее идейную основу составляют марксистско-ленинское мировоззрение и социалистическая идеология...»¹⁹². С другой стороны, идея «советского народа» почти не имела научного характера, будучи политические проектом и идеологическим конструктом.

Слабостью концепции было то, что в основу новой советской идентичности были положены социальные и экономические идеи, а не культурные и этнические нарративы, которые в отличие от двух первых не имели конструктивистского характера, будучи почти примордиалистскими категориями. Анализируя советский этап в истории Средней Азии, лояльно настроенные авторы стремились отсечь весь досоветский период, стремясь доказать, что только и исключительно «...в ходе социалистического строи-

---

¹⁸⁹ Исторический прогресс социалистических наций. – С. 3.

¹⁹⁰ Формирование нового духовного облика народов Средней Азии и Казахстана // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 205.

¹⁹¹ Формирование нового духовного облика народов Средней Азии и Казахстана. – С. 206.

¹⁹² Исторический прогресс социалистических наций. – С. 13.

тельства был обеспечен быстрый экономический, социальный и культурный прогресс бывших национальных окраин...»¹⁹³.

С другой стороны, советский дискурс позволял исследователю оперировать крайне ограниченным набором объяснения тех социальных перемен, которые имели место в СССР. Поэтому, декларировалось, что «...грандиозные преобразования, вызывающие восхищение всего прогрессивного человечества стали возможны благодаря Коммунистической Партии, неуклонно применяющей и творчески развивающей марксистско-ленинское учение...»¹⁹⁴. В целом, поздний советский нарратив в общественных науках достиг своего апогея и расцвета. Его отличительными чертами стали официозность, воспевание всего советского, возведение в ранг абсолютных ценностей советских добродетелей, т.н. «высокий» стиль: «...в братской семье народов СССР, под руководством Коммунистической Партии за годы советской власти народы Средней Азии и Казахстана добились поистине величественных успехов в развитии экономики и культуры... эти успехи наглядно показывают, что социализм дает возможность преодолеть вековую отсталость ранее угнетенных народов... опыт Коммунистической партии Советского Союза представляет собой бесценную сокровищницу для коммунистических и рабочих партий государств, сбросивших колониальное иго...»¹⁹⁵.

Иными словами, ставя в центр анализа исключительно партию и только партию, советские исследователи игнорировали целый комплекс факторов, что негативно сказывалось на общем содержании советской книжной продукции и качестве «научного» текста. Именно поэтому различные идентичностные и социальные изменения советские авторы сводили к понятию «культурной революции». В связи с этим декларировалось, что «...культурная революция - органическая составная часть строительства социализма... успехи культурного прогресса оказывают непосредственное стимулирующее воздействие на социально-экономическое и политическое развитие общества... социализм - итог активной, сознательной, творческой деятельности народных масс и... повсеместного распространения марксизма-ленинизма...»¹⁹⁶.

Культурная революция воспринималась как механизм накопления и реализации социальных перемен, общественных изменений. Культурная революция превратилась в универсальную модель, в рамки которой плохо интегрировались национальные особенности и национальные истории, в первую очередь, связанные с несоветскими и альтернативными политическими дискурсами. В то время, когда западные авторы так же уделяли внимание культурным факторам, в первую очередь - проблемам формиро-

---

¹⁹³ Исторический прогресс социалистических наций. - С. 4.

¹⁹⁴ Исторический прогресс социалистических наций. - С. 5.

¹⁹⁵ Исторический прогресс социалистических наций. - С. 14.

¹⁹⁶ Исторический прогресс социалистических наций. - С. 6 - 7.

вания модерновых культур путем преобразование традиционных идентичностей архаичных сообществ, то советские исследователи настаивали, что в результате советской модернизации возникли в принципе тоже современные, но социалистические, культуры: «...в процессе культурной революции народы Средней Азии и Казахстана под руководством Коммунистической партии сформировали свои социалистические культуры, в которых органически слились прогрессивные элементы прошлого и новые формы и содержание, рожденные практикой социалистического строительства...»¹⁹⁷.

Но в советскую концепцию почти не вписывались, как мы констатировали ранее различные оппозиционные и альтернативные дискурсы. В такой ситуации сама модернизация сводилась не к социально-идентичностным трансформациям, а к чисто внешним изменениям – росту грамотности, появлению сети школ, усилению национальных интеллигенций, развитию высшего образования...

Революция и модернизация в позднесоветском научном дискурсе (вторая половина 1980-х годов)

В параграфе «Революция и проблемы модернизации в дискурсе советского обществоведения (на примере работ И.И. Минца)» мы попытались проанализировать ту роль, которую в советском обществоведческом контексте играло изучение революции в рамках анализа социальных и политических перемен. В этой лекции речь пойдет о том, какие трансформации претерпела революционная парадигма восприятия революции в рамках позднего советского научного дискурса. В западной политологической традиции в рамках теории модернизации шли дискуссии от соотношений понятий «модернизация» и «прогресс». В рамках советского обществоведения предпочтение отдавалась второму термину, хотя нередко речь шла и о тех процессах, о которых писали западные политологи. С другой стороны, советские исследователи, лишенные возможности концептуального маневра, были вынуждены писать о прогрессе почти исключительно в контексте революционного процесса.

В свою очередь, революция понималась ими как высшая форма модернизации. В советском дискурсе утвердилась устойчивая связь между проблемами революции и разрушения традиционного общества, или общества, которое могло казаться устаревшим, архаичным излишне приверженным традиции. Во второй половине 1980-х годов советские исследователи полагали, что почти все революции несут некий современный компонент, будучи по своей природе антитрадиционалистскими движениями:

---

¹⁹⁷ Исторический прогресс социалистических наций. – С. 10 – 11.

«...многие из революций в тех или иных пространственно-временных границах вызывали значительную ломку основных сторон жизнедеятельности общества и тем самым создавали необходимые условия для глубоких перемен, как в базисе, так и в надстройке общества...»¹⁹⁸.

При этом в рамках советского дискурса утвердилось деление революций на «неправильные» и «правильные». «Неправильными» были признаны буржуазные, а «правильными» социалистические революции. Поэтому, значение буржуазных революций советскими авторами в угоду идеологическим соображениям занижалось. Социалистические революции, наоборот, интерпретировались как исключительно прогрессивные явления: «...Октябрь 1917 года не просто определил грань между двумя эпохами, он стал водоразделом в общественном развитии человечества, который отделил царство угнетения человека человеком от царства освобожденного труда и великого единения народов и масс...»¹⁹⁹.

В рамках позднего советского дискурса предпринимались попытки утвердить нарратив об особой роли советского государства, о его избранности, особой исторической миссии: «...в наши дни, когда мир понизан противоборствующими тенденциями... прогресс человечества справедливо связывается с социализмом...»²⁰⁰. В такой ситуации все несоциалистические государства признавались лишенными будущего, за чем скрывалась попытка доказать, что они являются неисторическими.

Отличительной чертой советского нарратива о революции было стремление доказать, что события октября 1917 года привели к новому витку социальных перемен не только в России, но и во всем мире: «...Октябрь был и остается главным событием XX века, коренным образом изменившим условия осуществления созидательной деятельности движущих сил истории в масштабе планетарном, включая сюда потребности материального производства и интересы рабочего класса...»²⁰¹. А рамках позднего советского дискурса усиленно культивировался нарратив о советской модернизации как единственно правильном варианте развития: «...Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда покончила с монопольным господством на Западе капиталистического строя, впервые осуществила успешный прорыв в новый мир, мир социализма... революция прочно поставила советское государство на аванпост борьбы за мировой прогресс...»²⁰².

---

¹⁹⁸ Мальков В.Л., Розалиев Ю.Н., Чертина З.С. Великий Октябрь и социальный прогресс / В.Л. Мальков, Ю.Н. Розалиев, З.С. Чертина // Великий Октябрь и исторический прогресс / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 1987. – С. 7.

¹⁹⁹ Мальков В.Л., Розалиев Ю.Н., Чертина З.С. Великий Октябрь и социальный прогресс. – С. 7 – 8.

²⁰⁰ Драбкин Я.С., Комолова Н.П. Великий Октябрь и международное революционное движение / Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова // Великий Октябрь и исторический прогресс / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 1987. – С. С. 55.

²⁰¹ Мальков В.Л., Розалиев Ю.Н., Чертина З.С. Великий Октябрь и социальный прогресс. – С. 10.

²⁰² Драбкин Я.С., Комолова Н.П. Великий Октябрь и международное революционное движение. – С. 55.

За подобными формулировками нередко скрывалось не просто желание утвердить новую мессианскую роль советского государства, но и стремление скрыть гегемонизм, антидемократизм, авторитаризм, то есть все те признаки, который были присущи советской модели политического развития. С другой стороны, в настоящее время советский нарратив о революции звучит цинично. Советские авторы полагали, что раскол мира на две враждебные системы («...мир после Октября уже не был и не мог быть старым миром...»²⁰³) и противостояние между ними, которое на протяжении второй половины XX века могло привести к третьей мировой войне... имели прогрессивное значение для развития человечества: «...раскол мира на две системы, становление общественной собственности на средства производства сами по себе внесли новый динамизм в общественное развитие, ведущим элементом которого стало противоречие фундаментального значения, вылившееся в состязание двух формаций, история получила мощный импульс, а темпы социального прогресса ускорились...»²⁰⁴.

Подобное отношение к истории подчеркивает, что советские «концепции модернизации» развивались в первую очередь как политический проект, обслуживая идеологические потребности советского государства в деле создания позитивного имиджа СССР за рубежом. На этом фоне нарратив о том, что капитализм будет заменен социализмом и позднее коммунизмом в мировом масштабе во второй половине 1980-х годов оказался менее востребованным, облекаясь в отвлеченные формулировки: «...построение социализма в СССР – важнейшее завоевание международного революционного движения, начало становления социализма как мировой системы, идущей на смену капитализму...»²⁰⁵. Однако наиболее ортодоксально ориентированные советские исследователи все же настаивали на необходимости почти принудительного насаждения социалистических порядков, норм и отношений в капиталистических государствах.

Поздний советский дискурс восприятия прогресса демонстрирует размывание границ между научной и политической сферой. Выводы советских авторов, как и раньше, имели политический и ангажированный характер, а оценки и суждения диктовались политическими соображениями, номами и канонами написания обществоведческих работ, цензурными вызовами и запросами. Политизация оказала крайне негативное влияние на развитие общественных наук. Она привела к расколу, выделению ортодоксального, консервативного марксистского течения. Выводы советских авторов в издании 1987 года носили политический характер, а сама книга задумывалась как идеологический, а не научный, проект. Распад четыре года спустя СССР только подчеркнул, что позднесоветское обществоведение пребывало в состоянии глубокого кризиса.

---

²⁰³ Мальков В.Л., Розалиев Ю.Н., Чертина З.С. Великий Октябрь и социальный прогресс. – С. 14.

²⁰⁴ Мальков В.Л., Розалиев Ю.Н., Чертина З.С. Великий Октябрь и социальный прогресс. – С. 11.

²⁰⁵ Драбкин Я.С., Комолова Н.П. Великий Октябрь и международное революционное движение. – С. 72.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Проблемы модернизации внутренней (финно-угорской) периферии в России (дискурсы одного case study) – Проблемы модернизации европейской (балканской) периферии в отечественном научном дискурсе

Проблемы модернизации внутренней (финно-угорской) периферии в России (дискурсы одного case study)

В одной из лекций мы уже отмечали, что изучение процессов модернизации велось и в Советском Союзе. Как и все гуманитарные исследования, работы, посвященные модернизации были написаны с позиций официального советского общественнознания, а советские авторы «активно» полемизировали со своими западными коллегами. С другой стороны, европейское и американское исследовательские сообщества были почти незнакомы с результатами работы советских обществоведов. По своему методологическому инструментарию и общему содержанию советская «политология», которая развивалась в недрах обществоведения, явно проигрывала европейским и американским политическим исследованиям.

В 1990-е годы, с распадом Советского Союза, ситуация радикальным образом изменилась: исчез запрет на использование самого слова «политология», политологические кафедры появились в большинстве российских университетов. Развитие российской политологии на протяжении 1990-х годов и на современном этапе отмечено попытками интегрировать западные теоретические модели и концепты в методологический инструментарий отечественных политологов. К сожалению, приходится признать, что оригинальных работ посвященных модернизации в современной России выходит крайне мало. Перспективным направлением в сфере изучения модернизации является анализ того, как модернизационные процессы развивались на территории внутренней периферии.

В этом контексте весьма интересными являются результаты, полученные российскими политологами в сфере применения метода case studies. Одним из удачных примеров case studies можно назвать исследования, посвященные модернизации финно-угорских регионов на территории Российской Федерации. В 1990-е годы вышло несколько интересных исследований, посвященных финно-угорской проблематике, в том числе – и проблемам соотношения традиционной и модернизационными процессами. Ниже автор (скорее по западной традиции, которая пока не прижилась в отечественном исследовательском сообществе) приведет своеобразный, сопровождаемый небольшими комментариями, short list работ, которые он

рекомендует прочитать студентам. Итак, несколько субъективно выбранных работ, где затрагиваются проблемы модернизации внутренней финно-угорской периферии:

*В.Е. Владыкин, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов*²⁰⁶. Интересное исследование, которое вышло более десяти лет назад, но, как кажется, еще не утратило своей актуальности в контексте изучения модернизационных процессов в финно-угорских регионах, в частности – в Удмуртии.

*В.Ф. Ермаков, Кузедуб Герд. Жизнь и творчество*²⁰⁷. Интересное исследование, посвященное поэту К. Герду – одному из создателей современной современной удмуртской культуры.

*Г.К. Шкляев, Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа*²⁰⁸. Автор настоящего пособия настоятельно рекомендует ознакомиться русским студентам с этим исследованием, особенно тем, кто не часто вспоминает, что России не ограничивается Воронеж – Белгородом – Москвой – Санкт-Петербургом.

*Г.А. Никитина, Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х годов)*²⁰⁹. Одно из немногочисленных исследований, где анализируется ранний советский этап политической модернизации в контексте соотношения и взаимодействия традиционной крестьянской культуры удмуртов и различными вызовами, исходящими от социальных изменений.

*К.И. Куликов, Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917 – 1937 годах*²¹⁰. Анализ внешних политических и институциональных проявлений модернизационных процессов в контексте попыток коренизации и форсированной модернизации путем создания советской государственности.

*Сеппо Лаллукка, Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов*²¹¹. Взгляд финского автора на процессы, в том числе и модернизационные, среди финно-угорских народов РФ.

*Петер Домокош, История удмуртской литературы*²¹²; *Формирование литератур малых уральских народов*²¹³. Две интересные книги венгерского

---

²⁰⁶ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1994.

²⁰⁷ Ермаков В.Ф. Кузедуб Герд, Жизнь и творчества / В.Ф. Ермаков. – Ижевск, 1996.

²⁰⁸ Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа / Г.К. Шкляев. – Ижевск, 1998.

²⁰⁹ Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х годов) / Г.А. Никитина. – Ижевск, 1998.

²¹⁰ Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917 – 1937 годах / К.И. Куликов. – Ижевск, 1993.

²¹¹ Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов / С. Лаллукка. – СПб., 1997.

²¹² Домокош П. История удмуртской литературы / П. Домокош. – Ижевск, 1993.

исследователя, где показано, что литература может являться важным каналом формирования политической идентичности и протекания модернизационных процессов.

*С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов, Под тенью зэрпала. Дискурсивность, самосознание и логика в истории удмуртов*²¹⁴. Книга представляет собой единственную на настоящий момент попытку описать и проанализировать некоторые проблемы истории Удмуртии как удмуртской истории с опорой на современный методологический инструментарий, что проявляется уже в самом названии. Не совсем удачная (по результатам и по востребованности интеллектуальным сообществом) попытка разрушить (пост)советский исследовательский дискурс, хотя чем больше подобных работ будет появляться, тем увереннее российская гуманистика будет соотноситься с западными теориями. Автор пособия особо рекомендует студентам ознакомиться с очень интересной с методологической точки зрения книгой.

*И.К. Калинин, Восточно-финские народы в процессе модернизации*²¹⁵. Интересное исследование модернизационных процессов восточно-финских народов, сфокусированное, главным образом, на коми и удмуртах. Автор пособия особо хочет подчеркнуть, что ознакомление студентов с настоящей лекцией не освобождает их от прочтения книги И.К. Калинина.

В России, как многонациональной стране, проблематика, связанная с национальными регионами, с политическими процессами модернизации, интеграции и развития идентичности, остается, к сожалению, крайне неизученной темой. В настоящей лекции мы остановимся на едва ли не единственном исследовании, выполненном и выдержанном частично в духе и стиле case studies и посвященном модернизации финно-угорских сообществ. Речь идет о небольшом (178 страниц), но весьма информативном исследовании И.К. Калинина «Восточно-финские народы в процессе модернизации».

Примечательно, что и сам И. Калинин констатирует, что столь продуктивная и интересная теория модернизации не получила широкого применения в рамках изучения социальных перемен и политических процессов в финно-угорских регионах²¹⁶. С другой стороны, И. Калинин полагает, что «...восточно-финские народы представляют собой огромный предметный интерес как ввиду почти полной неразработанности темы в социаль-

---

²¹³ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. – Йошкар-Ола, 1993.

²¹⁴ Васильев С.В., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала. Дискурсивность, самосознание и логика в истории удмуртов / С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов. – Ижевск, 1997.

²¹⁵ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации / И.К. Калинин. – М., 2000.

²¹⁶ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации / И.К. Калинин. – М., 2000. – С. 3.

но-политической литературе и в контексте теории модернизации... в плане сложности и неоднозначности их политического состояния и идентичности...»²¹⁷.

По мнению И. Калинина, модернизационные исследования базируются на противостоянии марксизму и полемике с ним²¹⁸. При этом, по его словам, теория модернизации содержит немалый потенциал для изучения финно-угорской проблематики, позволяя под новыми углами зрения взглянуть на узловые и принципиально важные аспекты и проблемы политической динамики в финно-угорских регионах в контексте политических и социальных перемен²¹⁹. Неприятие марксистской методологии И. Калинин объясняет несколькими причинами. С одной стороны, он полагает, что «...возвращаться сегодня к марксизму нет оснований потому, что, даже освободившись от оппозиционных подходов... теория плохо встраивается в общую картину мира, сюжет которой движется вокруг динамики и закономерностей классовой борьбы...»²²⁰.

По мнению И. Калинина в противоборстве между теорией модернизации и марксизмом второй явно проигрывает в силу того, что марксисты «последовательно вычеркивают самостоятельные факторы социальной действительности»²²¹ в то время, когда теории модернизации настаивают на комплексном изучении политических и социальных процессов. Комментируя историю взаимоотношений между марксизмом и теорией модернизации, И. Калинин подчеркивает, что сторонники ортодоксального марксизма в советском стиле игнорируют ряд факторов и социальных категорий, которые не вписываются в упрощенный и схематический подход, базирующейся на последовательной смене социально-экономических формаций. Одной из таких категорий, которая имеет принципиальное значение при изучении модернизации в национальных перифериях, является этничность²²².

С другой стороны, марксистская схема не может описать и ту роль, которую в процессах модернизации играет национализм. И. Калинин полагает, что роль национализма не так однозначна, как пытались доказать советские обществоведы. По его мнению, в процессах модернизации национализм мог играть и играл позитивную роль в силу того, что сам был порождением модернизации²²³. Словно вынося приговор марксизму И. Калинин констатирует, что «основная причина, не позволяющая принять марксизм в качестве теоретической опоры даже при наличии в нем определен-

---

²¹⁷ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 5.

²¹⁸ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 4.

²¹⁹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 22.

²²⁰ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 7 – 8.

²²¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 8.

²²² Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 9.

²²³ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 32.

ных позитивных сторон»²²⁴ состоит в неспособности выполнить прогностическую функцию науки и сформировать концепцию, которая объясняла бы политические изменения, произошедшие в XX веке.

В связи с этим И. Калинин пишет, что «закономерность истории, которую объективировал марксизм, не проявилась в полуторавековом опыте»²²⁵. И. Калинин полагает, что в рамках изучения модернизационных процессов в финно-угорской периферии исследователь сталкивается с проблемами ассимиляции и прогресса. Угроза ассимиляции для восточных финских народов исходила не только от русских, но и от тюркских сообществ. В связи с этим, И. Калинин указывает, что «...ассимиляционные потери восточные финны несли на фронте их культурных контактов не только с тюркскими народами, но в еще большей степени – с русскими...»²²⁶.

С одной стороны, ассимиляция имела некоторое позитивное значение, с другой – традиционные культуры и отношения разрушались, а вместе с ними исчезала и местная финно-угорская идентичность. Именно поэтому, по мнению И. Калинин, в современной интеллектуальной традиции финно-угорских сообществ России идея ассимиляции находится в оппозиции к идее модернизации²²⁷. И. Калинин исходит из того, что в финно-угорских регионах модернизация, была не только «изменением программы индивидуального человеческого поведения»²²⁸, но представляла собой «...изменение фундаментальных культурных параметров, конструирующих социальный порядок...»²²⁹.

С другой стороны, процесс модернизации развивался как «...разложение единого социального мира традиционности на ряд автономных семантических рядов... и процесс их объединения в новой диалектической целостности...»²³⁰. Именно поэтому модернизационные процессы в финно-угорских регионах способствовали процессам национальной консолидации, формированию современной (современной) нации. В такой ситуации сообщество, которое было подвергнуто модернизации «начинает находить смысл в заботе о благе нации»²³¹.

Анализируя модернизационные процессы, И. Калинин выделяет четыре пути развития финно-угорских сообществ. В случае первого пути модернизация приводит к постепенному размыванию этнической принадлежности. Второй путь предусматривает развитие, наоборот, радикальных национальных / националистических движений и их постепенную полити-

---

²²⁴ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 10.

²²⁵ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 10.

²²⁶ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 55.

²²⁷ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 21.

²²⁸ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 67.

²²⁹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 24.

²³⁰ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 31.

²³¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 67.

зацию. Третий путь представляет собой выбор в пользу изоляционистской модели развития и функционирования того или иного сообщества. Четвертый путь представляет собой сохранение и сосуществование различных идентичностей в рамках сообщества²³².

И. Калинин полагает, что именно четвертый вариант в наибольшей степени соответствует той модели модернизации, которую пережили российские финно-угорские народы на протяжении XX века²³³. Модернизация финно-угорских регионов отличалась значительными особенностями. В частности в период активной модернизации собственной российской обществу финно-угорские сообщества уступали ему по своему уровню развития, оставаясь в значительной степени традиционными и архаичными²³⁴. Калинин полагает, что начало модернизационных процессов финно-угорских регионах России следует датировать второй половиной XIX – началом XX века²³⁵.

Стимулом к началу модернизации внутренней периферии стало начало модернизационных процессов с самой России: «толчком стало начало модернизации самого российского общества»²³⁶. В развитии модернизации финно-угорских регионов И. Калинин выделяет три этапа: первый период датируется серединой XIX века – 1917 годом; второй – советским этапом в истории России, третий начинается с распадом СССР²³⁷. По мнению, И. Калинина модернизация внутренней периферии была связана с модернизацией российской государственности как таковой.

С другой стороны, сама модернизационная тактика, которую применяли российские власти вела к активизации внутренних периферий. Российская администрация относительно национально выделенных регионов придерживалась ассимиляционной модернизационной стратегии, полагая, что для интеграции в российский политический контекст будет достаточным ассимилировать местные культуры, уничтожив традиционные идентичности восточных финнов. В такой ситуации ранняя модернизация, сторонниками которой были представители немногочисленной интеллигенции, развивалась под лозунгами сугубо политическими – требованиями свобод, признания статуса... При этом сама политика, направленная на ассимиляцию, нередко вела к началу национального пробуждения. В частности стратегия использования национальных языков православными священниками в миссионерской деятельности стала одним из важных модернизационных стимулов²³⁸.

---

²³² Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 68 – 69.

²³³ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 69.

²³⁴ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 71.

²³⁵ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 70.

²³⁶ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 70.

²³⁷ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 70.

²³⁸ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 71.

С другой стороны, сами представители финно-угорских народов, активно используя родные языки, изменили их статус, превратив из крестьянского разговорного языка в литературные языки. Постепенно у восточных финнов формировалась и развивалась своя «высокая культура», появление которой способствовало ускорению темпов модернизации²³⁹. И хотя «сами тексты не могли нести дух современности»²⁴⁰, недооценивать значение этого процесса не следует. Процесс модернизации внутренней периферии сопровождался и значительными трансформационными процессами самого политического центра, конечно, если русские регионы в Российской Империи можно называть «центром».

Российские регионы переживали процесс активно развивавшейся социальной дифференциации, что привело к росту социальных противоречий и конфликтов, не позволив интегрировать и модернизировать обществу с опорой на консервативные ценности черносотенного, великодержавного и шовинистического по своей сути, движения. Именно поэтому, российское крестьянство и пролетариат сделали выбор в пользу социально ориентированной идеологии левых радикалов большевиков, а не правых радикалов и маргиналов черносотенцев.

С другой стороны, российский вариант модернизации через ассимиляцию завершился неудачей и в силу того, что политические и культурные элиты России оказались не в состоянии выработать нормальный образ финно-угорских регионов. «Воображаемая» география, созданная усилиями русских авторов относительно финно-угров, была набором стереотипов, которые не соответствовали реальной ситуации²⁴¹. Поэтому, русские и финно-угорские сообщества были вынуждены существовать в условиях доминирования культур, одна из которых была традиционной, но в некоторой степени затронутой модернизацией, а другая была сугубо традиционной²⁴². Русские руководствовались своими стереотипами, а финно-угорские, например, удмуртские, крестьяне – своими.

Сосуществование этих сообществ в условиях доминирования традиционной культуры в значительной степени тормозило процесс модернизации внутренней периферии. Модернизацию и тормозила постепенная ассимиляция русских переселенцев среди финно-угорского населения («...немало потомков русских колонистов стали коми, марийцами и удмуртами... относительно больший постоянный прирост восточных финнов по сравнению с русским населением... свидетельствует против утверждения об исторически неизбежной односторонности ассимиляции контакти-

---

²³⁹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 78.

²⁴⁰ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 79.

²⁴¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 72 – 73.

²⁴² Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 74.

рующих этносов...»²⁴³), что свидетельствует об устойчивости традиционных местных культур.

В период второго этапа модернизации, по мнению И. Калинина, «императивы восточно-финской модернизации генерировались в семантическом поле российской, а затем и советской, нации». Советская эпоха была наиболее успешной с точки зрения внешних проявлений модернизации – конституционно оформленные и институционализированные автономии «афишировали идеал современности», а местные интеллектуальные сообщества смогли осознать себя и своих соотечественников как нации²⁴⁴. С другой стороны, эта успешность модернизации нередко имела почти исключительно внешний характер, проявлявшийся в том, что «...национальная специфика наполнялась лишь формальным содержанием, так что на министерских постах культурно-образовательного профиля, не говоря уже об экономическом, могли быть представители коренных народов, не знающие родного языка...»²⁴⁵.

Таким образом, в советской модели модернизации были смещены акценты с усилий по модернизации культуры, на экономическую сферу, что мы попытаемся проанализировать в дальнейшем. И. Калинин полагает, что ранняя советская модернизация в финно-угорских регионах имела во многом позитивное значение. Он, в частности, указывает на то, что модернизация направлялась не коммунистами, а местными национальными интеллигенциями, что было результатом «слабости коммунистов и прототалитарных сил»²⁴⁶. Изменения советской национальной политики второй половины 1930-х годов привели к отказу от модернизационной стратегии с опорой на национальные интеллектуальные сообщества.

Поэтому, в позднесоветский период финно-угорские автономии РСФСР вступили, будучи глубоко культурно и социально травмированными: сельское население почти не проявляло интереса к национальной культуре, а городское оказалось в значительной степени ассимилированным²⁴⁷. Третий этап в модернизации финно-угорских народов ознаменован разрушением советского политического дискурса, который фактически исключал плюрализм и развитие на альтернативных советской коммунистической доктрине идеях. С другой стороны, условия для новой волны модернизации, которые получили финно-угорские народы РФ после распада СССР не были использованы в полной мере, что связано с сохранением статичной природы политического дискурса и трансформацией позднесоветской элиты в новую российскую элиту²⁴⁸.

---

²⁴³ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 76.

²⁴⁴ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 80.

²⁴⁵ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 85.

²⁴⁶ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 83.

²⁴⁷ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 87.

²⁴⁸ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 91.

Именно поэтому, современные финно-угорские общества в РФ являются обществами незавершенной, отложенной, модернизации. Среди финно-угорских политических партий нет радикального этнического национализма. С другой стороны, заметны тенденции, как к ассимиляции, так и к изоляционизму²⁴⁹. И. Калинин полагает, что «...восточным финнам, по сравнению с их соседями – русскими и татарами – в большей мере присущи настроения изоляционизма...»²⁵⁰. По мнению И. Калинина, в финно-угорском контексте изоляционизм может быть как первым шагом к последующей ассимиляции или как попытка сохранить особый финно-угорский идентитет²⁵¹.

Исследование И. Калинина является интересным и показательным примером case studies модернизационных процессов. Подход, предложенный И. Калинином, интересен попыткой перенести на анализ внутренней российской периферии западные теории модернизации, которые проявили свой потенциал при изучении политических процессов в развивающихся государствах во второй половине XX века. В результате, пределы исследовательского дискурса оказываются в значительной степени расширенными. Российская проблематика, связанная не только с национальными, но и собственно русскими регионами, дает немало исследовательских тем, которые могут стать предметом новых исследований частных случаев и локальных дискурсов модернизационных процессов.

Проблемы модернизации европейской (балканской) периферии в отечественном научном дискурсе

В одной из предыдущих глав настоящего пособия мы констатировали, что отечественной политической науке не хватает исследований, посвященных отдельным модернизационным проектам, анализу модернизационной политики на примере отдельных стран Европы. В разделе, посвященном исследованию И.К. Калинина, мы рассматривали перспективы применения теорий модернизации в контексте изучения внутренней периферии. В настоящем параграфе мы обратимся к некоторым результатам, полученным российскими исследователями при изучении модернизационных процессов на территории Юго-Восточной Европы.

В российском исследовательском дискурсе Центральная Европа и ее Юго-Восточный регион пользуются вниманием исследователей. С другой стороны, модернизационная тематика по сравнению с другими проблемами политической, культурной, интеллектуальной и литературной истории, оказалась менее востребованной. Поэтому, в настоящем параграфе мы

---

²⁴⁹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 101.

²⁵⁰ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 106.

²⁵¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – С. 107.

проанализируем некоторые результаты, полученные российскими исследователями при изучении модернизации Балканского региона. В 2004 году усилиями РАН и Института славяноведения вышло коллективное исследование «Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века)», в рамках которого в синтезированном виде мы можем наблюдать современный исследовательский дискурс модернизационных процессов в балканском контексте²⁵².

Процессы модернизации на Балканах в значительной степени отличались от аналогичных процессов в Западной Европе. Если в ряде стран Запада местные общества подходили к началу модернизации, будучи экономически, политически и культурно подготовленными, то на Балканах модернизация была отягощена значительным традиционным и архаичным наследием: «...масштабное и многостороннее влияние традиционности на все новое, что происходит в обществе, лишает внутренней динамики процесс социальной трансформации и он в результате может ограничиваться лишь некоторыми обновлениями и... в укреплении господства слабых, промежуточных форм буржуазной модернизации...»²⁵³.

Бремя традиционности давило на модернизационные процессы в их балканском варианте: «...многие свойства традиционализма... оказались такой силы, что во многом стали диктовать образ и характер модернизационных процессов в регионе...»²⁵⁴. Балканский вариант традиционализма отличается рядом особенностей, среди которых – аграрный тип политической культуры («...это тип культуры, связанный с землей и ее использованием, и – что очень существенно – с сохранением баланса человек – природа, а также отсутствием у человека потребности производить не только ради дня насущного, но и ради будущего...»²⁵⁵), особенности организации общества, «ориентированного на патернализм и коллективизм», особый тип балканской ментальности, отсутствие массового образования²⁵⁶.

Значительное внимание в рамках анализа модернизационных процессов в регионе Балкан в современном российском исследовательском дискурсе уделяется Сербии. Российский исследователь А.Л. Шемякин в част-

---

²⁵² Как и в предыдущем параграфе, автор считает необходимым подчеркнуть, что ознакомление с данным разделом *не освобождает* студентов от прочтения текстов, о которых идет речь.

²⁵³ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 6.

²⁵⁴ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века. – С. 7.

²⁵⁵ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века. – С. 8.

²⁵⁶ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века. – С. 8.

ности полагает, что начало активной политической модернизации в Сербии следует датировать тем периодом, когда остальная часть Европы уже обрела значительный модернизационный опыт²⁵⁷. В связи с этим Р.П. Гришина подчеркивает, что в балканском регионе, по мере появления новых национальных государств «...политические системы стали выстраиваться, как правило, в идеалистической манере – по самым передовым в то время в Западной Европе моделям...»²⁵⁸.

В Сербии политическая модернизация, модернизация политических институтов, элит и отношений развивалась несравнимо быстрее социальной модернизации²⁵⁹. С другой стороны, на Балканах копирование западных политических институтов с целями модернизации не приводило к однозначно позитивным результатам. В связи с этим Р.П. Гришина подчеркивает, что «...сравнительно с западными образцами все они при своем функционировании оставались в определенной степени неполноценными не только в годы своего становления, но и на протяжении последующего десятилетия...»²⁶⁰. Таким образом, следование западным политическим канонам вовсе не было гарантом успешной политической и тем более социально-экономической модернизации.

Несмотря на то, что независимое сербское государство существовало с 1830-х годов, социальная структура и, соответственно, социальные отношения сохраняли свой традиционный характер. К тому моменту, когда на Балканах появилось полностью независимое сербское государство перед ним стояло два пути проведения модернизации. Первый путь состоял в развитии в качестве независимого актора, но при условии самостоятельного решения модернизационных задач. Второй путь мог принести гораздо более быстрые изменения модернизационного характера, но мог и принести к тому, что сербские земли будут интегрированы в состав Империи Габсбургов при сохранении сербской идентичности и в той или иной степени политической автономии²⁶¹.

---

²⁵⁷ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских / А.Л. Шемякин // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 10.

²⁵⁸ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века) / Р.П. Гришина // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 83.

²⁵⁹ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 29.

²⁶⁰ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века). – С. 86.

²⁶¹ Терзић С. Пројект «Аустро-Угорског Балкана» у Босни и Херцеговини / С. Терзић // Босна и Херцеговина. Од средњог века до новијег века. – Београд, 1995. – С. 407 – 423.

Сербское правительство во главе с Миланом Пирочанацем²⁶² в 1880-е годы сделало ставку на своеобразный модернизационный компромисс: сохранив независимость, внешнеполитические приоритеты Сербии сместились в сторону Вены²⁶³. В такой ситуации курс на ускоренную и форсированную модернизацию был чреват проблемами. По словам Р.П. Гришиной, «...некоторые поспешно перенятые демократические политические нормы таили в себе непосредственную опасность для стратегии модернизации...»²⁶⁴. Подобная политика правящих сербских элит, которые, по мнению А.Л. Шемякина, сохранили «традиционный менталитет»²⁶⁵, столкнулась с непониманием большинства населения, большая часть которого ориентировалась на традицию, «воспринимая в качестве источника своей деятельности прошлое»²⁶⁶.

Политическая модернизация воспринималась сербскими крестьянами как ненужная и лишняя инициатива политических элит, которые намеренно «...рвали узы привычной интимности в отношении низов и верхов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в народе открытое недовольство...»²⁶⁷. Болгарские политические элиты стремились использовать «природный идеализм», который давал им надежду, что «...модерные европейские политические институты и доктрины способны создать нужный климат для социальных и экономических изменений и непосредственно вызвать их...»²⁶⁸. Элиты Сербии были представлены европейски образованными интеллектуалами, которые знали европейские языки и имели опыт длительного проживания в Западной Европе.

Сербское крестьянство, наоборот, жило в условиях доминирования культуры, которая может быть определена как традиционная. Действительно, Сербия начала XX века – страна доминирования традиционного аграрного общества, которое А.Л. Шемякин определяет как общество, сохранившее «патриархально-статический характер»²⁶⁹. В социальной струк-

---

²⁶² Перовић М. Милан Пироћанац – западњак у Србији 19 века / М. Перовић // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. – Београд, 2003. – Књ. 3. Улога елита. – С. 11 – 72.

²⁶³ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 11.

²⁶⁴ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века). – С. 87.

²⁶⁵ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 15.

²⁶⁶ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 26.

²⁶⁷ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 36.

²⁶⁸ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века). – С. 83.

²⁶⁹ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 17.

туре Сербии крестьянство составляло 87 % населения. А.Л. Шемякин полагает, что «...консервации традиционного самосознания в сербском крестьянском социуме способствовали практически не меняющиеся архаичные формы и условия его существования...»²⁷⁰. Кроме этого в такой ситуации сербские аграрные сообщества были фактически лишены стимулов для развития, существуя только для того, чтобы... существовать.

В Болгарии, как и в Сербии, традиционные ценности и отношения оказались так же чрезвычайно устойчивыми. Комментируя особенности политической модернизации в Болгарии, Р.П. Гришина указывает на то, что «...новации покоились на матричной основе... в реальности проходило обновление господствовавшей архаичной традиции, воспроизводство тех же основных черт, лишь несколько измененных...»²⁷¹. Подчеркивая эту особенность сербской модели традиционализма, А.Л. Шемякин полагает, что «...равенство на уровне прожиточного минимума составило характерную особенность сербского социума, причем, это важно, что этот минимум был доступен всем...»²⁷².

С другой стороны, континентальный характер сербской политической географии сформировал гомогенную политическую культуру, которая в начале XX столетия оказалась почти невосприимчивой к европейскому политическому опыту²⁷³. Более того, Сербия принадлежала к числу наименее развитых стран, о чем, в частности, свидетельствует то, что среди двумиллионного населения было всего четыре тысячи рабочих²⁷⁴. Кроме этого, к 1911 году в Сербии только 21 % жителей умел писать и читать²⁷⁵. В такой ситуации не было четкого разделения и разграничения функций между аграрными и урбанизированными сообществами, экономика была развита крайне слабо. В стране доминировало традиционное общество, которое в Западной Европе постепенно отмирало, начиная с XV – XVI века.

В Сербии оставались влиятельными те социальные институты, которые в Западной Европе, исчезли. Речь идет о задруге – крестьянской общине²⁷⁶. В этой ситуации модернизационный порыв правящих элит столк-

---

²⁷⁰ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 18.

²⁷¹ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века). – С. 90.

²⁷² Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 21.

²⁷³ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 13.

²⁷⁴ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 14.

²⁷⁵ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 42.

²⁷⁶ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 24.

нулся с традиционализмом, который оказалось не так просто преодолеть. Комментируя подобные традиционные барьеры, которые существовали на Балканах, Р.П. Гришина указывает, что «...одним из главных столпов модернизационного процесса является изменение социальной структуры, доставшейся вновь созданному государству от предшествующего традиционного общества...»²⁷⁷. Менталитет большинства сербов продолжал оставаться коллективистским, в их среде доминировала почти исключительно коллективная идентичность на уровне локальной группы. В такой ситуации и сама государственность не воспринималась как продукт современности, а выглядела в глазах сербских крестьян как большая задруга. Развивая эту мысль, А.Л. Шемякин подчеркивает, что «...сербский крестьянин понимал государство как во много раз увеличенную копию своего локального сообщества...»²⁷⁸.

Таким образом, в отечественных исследованиях, посвященных процессам политической модернизации славянских балканских стран сложился своеобразный дискурс, отличительными чертами которого является признание значительного традиционного наследия и невозможности быстрого преодоления проблем домодерного периода. С другой стороны, модернизационный процесс в рамках такого подхода нередко сводится к попыткам правящих элит демонтировать традиционные институты и ценности, заменив их современными. Между тем, процесс модернизации был более сложным и комплексным. Он имел локальный и интеллектуальный уровни, о которых речь пойдет в дальнейших лекциях, когда мы коснемся других конкретных модернизационных тактик и стратегий.

---

²⁷⁷ Гришина Р.П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX века). – С. 122.

²⁷⁸ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX века глазами русских. – С. 36.

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА

Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (тюркской) периферии – Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (финно-угорской) периферии – Проблемы традиционного общества Русского Севера

Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (тюркской) периферии

В наших предыдущих лекциях мы неоднократно констатировали, что модернизация представляет собой совокупность социальных и иных перемен, важнейшим результатом воздействия которых на то или иное сообщество становится смена культурных парадигм, отмирание традиционного общества и приход на смену ему современного. Таким образом, перед нами возникает проблема традиционного общества – его характера, особенностей, механизма функционирования и воспроизводства. В лекциях настоящего раздела мы коснемся проблем различных традиционных обществ в виду того, что полное понимание модернизации невозможно без понимания того общества, которое она разрушает.

Выбирая тему для лекции о традиционных обществах, передо мной возникло несколько объективных сложностей. Во-первых, проблемы традиционных обществ, которые существовали на Западе являются достаточно изученными, а мне не хотелось пересказывать основные аспекты содержания работ, знакомство с которым не помешает и самим студентам. Хотя, вероятно, одну из лекций настоящего раздела мы все-таки посвятим работам о традиционном обществе, которые были созданы западными, в частности – французскими и итальянскими, исследователями и стали к настоящему времени классическими. Вероятно, мы сравним, как воспринимается феномен традиционного европейского общества, существовавшего в Средние Века, в западном и в российском исследовательском дискурсе.

Во-вторых, давайте обратим внимание на российскую специфику. Не следует забывать, что современная Российская Федерация является многонациональной страной, где кроме русских проживают представители и других этнических групп. С другой стороны, среднестатистический российский русский студент из провинциального университета имеет крайне смутные представления о социальных отношениях, социальной динамике, соотношении элементов традиционной и современной культуры у народов России. Поэтому, мы с вами остановимся подробно на особенностях тра-

диционного общества у некоторых финно-угорских и тюркских народов России.

В-третьих, мы привыкли констатировать, что русские являются государствообразующей нацией. За этими утверждениями заметно стремление доказать, что именно русские являются самой современной, современной нацией. Проблема состоит в том, что большинство российских студентов, будучи гражданами РФ, крайне мало знает о своей собственной стране, и нередко их знания оканчиваются за границами региона проживания. Относится это и к русским студентам. Среди студентов можно встретить предубеждение перед сельской и традиционной культурой как перед «низкой» и неразвитой культурой, что подчеркивает незавершенный характер российской вообще и русской, в частности, модернизации. Поэтому, в одной из последующих лекций мы с вами коснемся и проблем традиционного общества русский периферии.

И четвертое, самое труднопреодолимое, препятствие. На современном этапе в Европе и на территории России не сохранилось закрытых традиционных обществ. Все они, в той или иной степени, подверглись воздействию со стороны модернизационных процессов. В такой ситуации мы с вами можем говорить лишь о некоторых элементах традиционного общества и проявлениях традиционной культуры в жизни современного, в значительной степени модернизированного, общества. Итак, давайте посвятим нашу первую в этом цикле лекцию проблемам традиционного общества чувашей. Напомню, что чуваши являются тюркской нацией, большинство из которых проживает на территории Чувашской Республики, а так же на территории сопредельных субъектов Российской Федерации. На современном этапе чуваше представляют собой в значительной степени модернизированное общество. Поэтому, речь будет идти о тех институтах и отношениях, которые исчезли или видоизменили сферу своего проявления и значения.

В параграфе «Проблемы модернизации европейской (балканской) периферии в отечественном научном дискурсе» мы констатировали, что одним из препятствий на пути модернизации Сербии стало именно традиционное общество, в число влиятельных социальных институтов которого входила община²⁷⁹. Чувашское традиционное общество не было исключением. Роль общины в его рамках была так же очень велика. Община нередко функционировала как сообщество, которое стремилось четко очертить и ограничить свою географию. В 1760-е годы русский путешественник И.И. Лепехин, например, констатировал, что «...каждая деревня имеет свою особливую ограду, которая околицей называется и состоит из жердей...

---

²⁷⁹ См. подробнее: Денисова Н.П. Общинные традиции в хозяйственно-бытовой жизни чувашского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) / Н.П. Денисова // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. – Чебоксары, 1985. – С. 3 – 38.

она служит на такой конец, чтобы скотина без пастуха не могла выйти из деревни и попортить их пашни, которые близ самих деревень находятся...»²⁸⁰.

Община доминировала в жизни локальных чувашских сообществ до начала XX столетия, будучи основной организационной формой существования и функционирования чувашских групп. Основой существования общины была коллективная собственность на землю и, как результат, зависимость от нее отдельных представителей того или иного чувашского сообщества. Именно община занималась периодическим пересмотром земельных наделов, перераспределением пахотных земель, лугов, пастбищ и прочих угодий. Община играла разнообразные нормативные и регулятивные роли, принимая решения относительно проведения сельскохозяйственных работ, регулируя освоение ландшафта (строительство дорог и мостов).

Община была институтом, который в значительной степени способствовал преобразованию аграрного ландшафта. Именно усилиями общины на территориях, населенных чувашами, шел процесс возведения мостов и строительства дорог. Строительство мостов было коллективным действием, которое через исполнение особых песен давало возможность подчеркнуть, что мост построен именно чувашами. В частности, известна песня строителей мостов – «Сăвай ҫапакансен юрри». Это вело к тому, что община становилась и тем фактором, который способствовал установлению более тесных связей между отдельными чувашскими сообществами.

Центральное место в функционировании общины занимал именно замкнутый аграрный цикл, что способствовало укреплению и усилению ее традиционности. Община занималась вопросами найма пастухов. Как правило, нанимались наиболее бедные крестьяне из этой или другой общины. Таким образом, на плечах чувашской общины лежала и регулятивная функция по поддержанию социального статуса ее отдельных членов. Кроме этого на общине лежало и воспитание сирот. Практиковалось помощь хозяйствам, где умирал один из родителей. О такой практике в частности свидетельствуют данные чувашского языка: «Кӱршӗсӗр кун ҫук, вилсен те кӱршӗ кирлӗ» («Без соседа дня не проживешь, даже после смерти сосед нужен»), «Пускил лайӑх пулсассӑн, ҫук пурнӑҫ та палӑрмасть» («С хорошими соседями и бедность не приметна, с дурными – и достаток идет прахом»).

Община регулировала и отношения в аграрной хозяйственной сфере между ее отдельными членами. В частности зафиксированы случаи передачи имущества, как правило, скота от одного члена общины другим²⁸¹.

²⁸⁰ Лепехин И.И. Дневниковые записи путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах / И.И. Лепехин. – СПб., 1771. – С. 138.

²⁸¹ См. подробнее: Волков Г.Н. Трудовые традиции чувашского народа / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 1970.

При этом самому акту передачи придавалось сакральное значение, что подчеркивает функционирование общины именно как традиционного сообщества. Предполагалась, что отказ от имущества (дар молодняка с отела – «пӑру тумалла парни») в пользу других членов общины приведет к росту благополучия и удачи отказавшегося. В рамках существования чувашской общины выявлена приверженность ее членов к проведению архаичных действий, в частности – «ниме».

«Ниме» представляли собой оказание помощи в рамках общины, что свидетельствует о немалой силе в ее рамках коллективизма. Выделяется три типа «ниме»: 1) ниме многих участников общины, проводимые поочередно у одного хозяина; 2) ниме всей общины у одного общинника в силу тех или иных жизненных обстоятельств; 3) ниме, инициатором которого стал один общинник, получающий помощь не всей общины, а лишь ее части²⁸². Характер двух первых типов является наиболее древним, восходящим к коллективным работам аграрного цикла – пахоты, сева и жатвы. Помочи, которые организовывались при жатве, назывались, например, «тырӑ ними». В рамках каждых таких коллективных действий назначался ответственный – «ниме пуç».

Участие в «ниме» среди чувашей не знало ограничений по гендерному признаку. В них, в частности, принимали охотное участие молодые юноши и девушки, сто выливалось в народные празднества с различными последствиями. Существовали и помочи, где, как правило, участвовали только девушки – «хӗр ними». Они сопровождались закрытыми вечеринками только для девушек – «хӗр сӑри». «Ниме» подчеркивают, что значительную роль в жизни традиционного аграрного чувашского общества играл коллективизм.

Помимо этого свидетельства о силе коллективных отношений дает и сам чувашский язык, в частности – лексика, связанная со сферой проявления и доминирования традиционной культуры – пословицы и поговорки. Приведем несколько примеров: «Пӗрлешӳре – вӑй» («В единении – сила»), «Халӑхпа пур ёс те пулат, пӗччен ним те пулмасть» («Миром всякое дело поднимешь, а в одиночку ничего не сделаешь»), «Сӗр сын вӗрсен, капан тӗнет» («Мир дунет – копна свалиться»).

Традиционное чувашское общество, как и любое другое, традиционное общество знало много ограничений – суеверий, запретов, примет, различных обрядов²⁸³. В частности, в период цветения ржи было запрещено возить навоз и играть на дудках, в период других сельскохозяйственных

---

²⁸² Об аналогичных явлениях в рамках русского традиционного общества см. подробнее: Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири / М.М. Громыко. – Новосибирск, 1975.

²⁸³ См.: Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881; Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Казань, 1919.

работ запрещалось зажигать огонь и работать дома. С другой стороны, именно на общине лежали функции представления того или иного чувашского сообщества во внешнем мире. На общине лежали не только права заключения договоров экономического содержания, но и поддержание отношений с российской администрацией.

Влияние общины проявлялось не только в сфере хозяйственной, но и общественной, семейной и культурной жизни. Община была кроме этого и важнейшим институтом в воспроизводстве самого архаичного общества и различных локальных традиционных вариантов чувашской идентичности. Эта идентичность транслировалась и передавалась не просто от поколения к поколению, но и через локальные низовые социальные институты – небольшие магазины и лавки – которые так же находились в сфере ведения общины. Община могла стать инициатором проведения ярмарок и организации рынков, что вело к росту контактов между отдельными локальными сообществами.

Кроме этого община была и сообществом верующих. Поэтому, некоторые наиболее крупные общины выступали инициаторами строительства православных церквей, беря на себя обязательства по их содержанию. Традиционное общество чуваш было христианским с некоторыми языческими пережитками²⁸⁴. Чувашское язычество, как и чувашский язык, испытали мощное влияние со стороны раннего дотюркского финно-угорского субстрата²⁸⁵. Чувашское дохристианское язычество было достаточно развитой религиозной системой. До настоящего времени дошли, в частности, тексты языческих молитв, обращенные к различным богам, например: «Эй, пётём тёнчене суратнӑ Ама! Санран пулни пурте усӑллӑ, пурте аван, савӑнпа эфир сана яланах тивеҫлипӗ чӗклетпӗр» («О Мать, сотворившая всю вселенную! Все, что от тебя произошло, полезно и хорошо: поэтому, мы всегда должному приносим тебе жертвы»)²⁸⁶.

Среди наиболее ярких пережитков традиционного общества, которые среди чувашских крестьян наблюдались еще в начале XX века, макрообряды типа «чӗк»²⁸⁷ (в русском произношении – «чюк»). Эти обряды совершали и крещенные чуваша. В ряде случаев доходило до избиения верующих христиан-чувашей, которые выступали против этих церемоний. Обряды типа «чӗк» разделяются на «учук», «чӗк от пожаров», «суха учук» (чюк пашне), «чӗк от града». В самом общем плане макрообряды этого типа представляли коллективные моления с возможными жертвоприношениями. Например, обряд «уй чӗк» проводился после массовых обрядовых ме-

²⁸⁴ См.: Денисов П.В. Религиозные верования чуваш / П.В. Денисов. – Чебоксары, 1959.

²⁸⁵ Meszaros D. A csuvas ösvallás emlékei / D. Meszaros. – Budapest, 1909.

²⁸⁶ См. подробнее: Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. – Казань – Чебоксары, 1928. – Вып. 1. – С. 186.

²⁸⁷ Салмин А.К. Макрообряды типа чюк / А.К. Салмин // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары, 1988. – С. 72 – 83.

роприятий «сѣмѣк», посвященных духам умерших предков или сельскохозяйственным работам. Обряд имел массовый характер и именовался «халӑх чӳк».

Во время обряда в жертву приносился ягненок, разные части которого надлежало варить в разных чанах. Непосредственно после завершения обряда старики собирали и сжигали кости. В течение трех дней, которые следовали за обрядом, кололи трех баранов – за урожай, здоровье и от пожаров. После совершения обряда учук, проводившегося в июне, наступало время сѣнсе, связанное со строгим запретом на сельскохозяйственные работы. Обряд «халӑх сӑри» проводился весной, в «минкун энри» (неделю минкун)²⁸⁸. В ходе обряда чувашаи просили дождя, уберечь от болезней, дать хороший урожай. Женщины на этот обряд не допускались. Мужчины варили «сӑри» (пиво). Обряд «пысӑк учук» с периодичностью в девять, а позднее в 13 лет, проводился в месяц «сӳрла» («месяц серпа») и был тесно связан с «сумӑр чӳк» – обрядом, призванным вызвать дождь.

Выше мы проанализировали некоторые проблемы, связанные с традиционным обществом в Чувашии. Примечательно, что когда в общественном дискурсе России возник интерес к чувашам среди них уже не существовало традиционного общества в классическом виде. Российские исследователи зафиксировали и описали лишь некоторые его проявления. В советский период от традиционного общества сохранились лишь некоторые, в значительной степени ослабленные, элементы. Оно существовало исключительно на уровне исторической памяти. Политическая модернизация, о которой речь пойдет ниже, начатая в 1920-е годы, привела к окончательной гибели традиционного общества и формированию современной чувашской нации.

Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (финно-угорской) периферии

Первая в настоящем разделе лекция была посвящена чувашам, точнее - проблемам существования и функционирования традиционного общества на этнических чувашских территориях. В этой лекции мы обратимся к различным дискурсам архаики и традиционности финно-угорских народов. В данном случае мы сталкиваемся с несколькими трудностями. С одной стороны, на территории Российской Федерации проживает несколько финно-угорских народов. С другой стороны, степень их модернизации так же очень глубока. Мы вынуждены анализировать не само традиционное общество, а его различные дискурсы, отраженные в традиционной культуре,

---

²⁸⁸ Тимофеев Г.Т. Тӑхӑрӑл (Сӑве тӑршӑнчи чӑвашсем) / Г.Т. Тимофеев. – Шупашкар, 1972.

нарративных источниках, проанализированные и описанные в исследованиях.

Нарративные русские источники свидетельствуют, что восточные финны существовали в рамках традиционных аграрных сообществ, жизнь которых была строго подчинена сельскохозяйственному циклу. Об этом, в частности, писали и русские очевидцы еще в 1760-е годы. Н. Рычков, в частности, констатировал, что «...мордва, рассеянная по всем частям государства, суть такой народ, которым по справедливости можно приписать имя превосходных земледельцев: ибо вся жизнь их проходит в неутомимых трудах, и источник богатства есть не что иное, как только земля, руками их обработанная...»²⁸⁹.

Значительную роль в функционировании традиционного общества играла община. В основе функционирования общины лежал своеобразный редуцированный коллективизм, сочетавшийся со значительным индивидуализмом, о чем в частности свидетельствует удмуртская народная песня, песня, где значительный коллективистский тренд смыкается с индивидуалистским: «...пуксы мон вёзам, туганэ, ваче син учкыса кырзалом, ваче син учкыса ум кырзалэ – ваче ки кутскыса кырзалом, тынад кырзанэд – сизыымдон пумо, мынам кырзанэ – сизыым сю пумо...» («...друг, давай с тобою сядем рядом, будем петь, в глаза друг другу глядя, мало проку друг на друга нам глядеть, взявшись за руки, с тобой мы будем петь, семьдесят напев у тебя и семьсот напевов у меня...»)²⁹⁰.

Община доминировала в жизни локальных отдельных сообществ восточно-финских народов до начала XX столетия, будучи основной организационной формой существования и функционирования локальных эрзянских, мокшанских, удмуртских и прочих групп. Основой существования общины была коллективная собственность на землю и, как результат, зависимость от нее отдельных представителей того или иного локально очерченного сообщества. Община занималось периодическим пересмотром земельных наделов, перераспределением пахотных земель, лугов, пастбищ. Община восточных финнов, как и община их тюркских соседей чувашей, играла нормативные и регулятивные роли, принимая решения относительно проведения сельскохозяйственных работ, регулировала строительство дорог и мостов.

Община была институтом, который в значительной степени способствовал преобразованию ландшафта. Усилиями общины шел процесс возведения мостов и строительства дорог. Центральное место в функционировании общины у финно-угорских народов, как и у чувашей-тюрков, занимал именно замкнутый аграрный цикл, что способствовало укреплению и уси-

---

²⁸⁹ Рычков М.М. Журнал или дневниковые записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства / М.М. Рычков. – СПб., 1770. – С. 110 – 111.

²⁹⁰ Инву утчан гур / ред. В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1988. – С. 29.

лению ее традиционности. Община занималась вопросами найма пастухов. На плечах общины лежала и регулятивная функция по поддержанию социального статуса ее отдельных членов. На общине лежало и воспитание сирот. Практиковалось помощь хозяйствам, где умирал один из родителей.

В отличие от чувашской общины, которая нередко поддерживала контакты с другими чувашскими и не только чувашскими общинами, функционирование общины у восточных финнов, например – у эрзи и мокши – протекало в условиях значительной замкнутости. Интересы эрзянских и мокшанских крестьян ограничивались, как правило, собственным хозяйством, а в их идентичности доминировали элементы замкнутости и самодостаточности. Большинство крестьян не имело представления о ситуации вне пределов известной им местности.

Восточно-финские народы контактировали со славянами, в первую очередь – с русскими, на протяжении очень длительного времени, и эти отношения имели разнообразный характер, варьируясь от мирного сосуществования и взаимной ассимиляции до открытых противоречий и столкновений. Нам в виду крайней ограниченности базы нарративных источников сложно судить о традиционном обществе в среде восточных финнов, но, вероятно, к середине XIX века традиционное общество, например, среди эрзя и мокша существовало в виде рудиментарных пережитков и коллективных представлений. Уже в конце 1860-х годов русский публицист П.И. Мельников (Андрей Печерский) констатировал, что среди «...всех народов финского племени, обитающих в России, ни один так не обрусел в настоящее время как мордва, особенно та ее часть, что живет в Нижегородском уезде...»²⁹¹.

Постоянные контакты с русскими способствовали не только ассимиляции, но и постепенно нивелировали архаичные отношения, разрушая традиционное общество. Андрей Печерский полагал, что важнейшим каналом интеграции восточных финнов в российский политический контекст была языковая ассимиляция. Язык был основным идентичностнообразующим фактором: «...мордва почти полностью забыла свой язык, лишь в некоторых немногих деревнях женщины сохраняют остатки мордовского наречия»²⁹². Подчеркивая степень разрушения традиций и размывания народной культуры, Андрей Печерский указывал и на то, что многие восточные финны «...почти совершенно забыли свой язык, они и песни поют по-русски, и былины свои сказывают на русском языке...»²⁹³.

Отмирание языка, его вытеснение вело к разрыву с культурой предков. Постепенно финно-угорские нормы заменялись русскими. На смену

---

²⁹¹ См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы / П.И. Мельников (Андрей Печерский) // Мельников П.И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы / П.И. Мельников (Андрей Печерский) / ред. Н.В. Заварюхин. – Саранск, 1981. – С. 19.

²⁹² Мельников П.И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы. – С. 19.

²⁹³ Мельников П.И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы. – С. 25 – 26.

восточно-финским обычаям и традициям приходили русские. С другой стороны, вопрос о степени современности и модерности новой русской традиции остается открытым. Вероятно, финно-угорские сообщества после ассимиляции вливались в русское аграрное общество, которое в значительной степени продолжало оставаться традиционным, привнеся свои архаичные сюжеты в его мифологию и традиционное мировоззрение.

В параграфе «Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (тюркской) периферии» мы констатировали, что важным элементом существования и воспроизведения традиционного общества были различные макрообряды. Не являлись исключением и традиционные общества восточных финнов. В эрзянском языке праздничные мероприятия обозначаются словом «озкс». Русские авторы во второй половине XIX века констатировали существование т.н. «молян» у эрзян и мокшан²⁹⁴. «Моляне» делились на общественные («вель озкс»), деревенские, полевые, домовые и кладбищенские. Среди «молян» выделялись полевые, что свидетельствует о функционировании восточных финнов как традиционных, преимущественно – аграрных, сообществ. Организацией этих обрядов занимались старосты или «велень атятня».

Выше мы констатировали, что на протяжении XX века имел место процесс почти полного исчезновения и умирания традиционного общества и его отдельных институтов, обычных норм и традиционных практик²⁹⁵. Эта тенденция к отмиранию усилилась в значительной степени после большевистского переворота в рамках левоавторитарной модели модернизации, распространенной на всю страну, в том числе – и на внутреннюю периферию, которой являлись регионы, населенные финно-угорскими народами. Начавшиеся процессы разрушения традиционной культуры привели к пересмотру обычных гендерных ролей, что проникло с такую сферу архаичной культуры, как народная песня.

В 1926 году газета «Од веле» опубликовала яркий образчик новой, модернизированной, но вместе с тем и в значительной степени традиционной, мордовской культуры. Речь в данном случае идет о «народной» песне, где констатировалось, что «...как скоро снег растаял, и из реки ушли льды, так по словам Ленина (...стане Ленинть валонзон колга...), женщины нашли дорогу, теперь женщина говорит иначе, а не как раньше, она теперь и в совет выбирает, пришло для нее другое время, в церковь больше не пойду, не стану молиться, лучше пойду в читальню, пусть кулаки злятся, ху-

---

²⁹⁴ Мельников П.И. (Андрей Печерский), Велень-молян (вель-озкс) / П.И. Мельников (Андрей Печерский) // Мельников П.И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы / П.И. Мельников (Андрей Печерский) / ред. Н.В. Заварюхин. – Саранск, 1981. – С. 65 – 79.

²⁹⁵ См. подробнее: Балашов В.А. Культура и быт мордовского колхозного села / В.А. Балашов. – Саранск, 1975. – С. 135 – 142.

лиганы улыбаются, женщины-мокшанки не спят, во всех делах поспевают...»²⁹⁶.

В результате возник феномен промежуточной транзитной культуры, сохранившей некоторые народные атрибуты, но подверженной влиянию модернизационных процессов и в значительной степени политизированной. Мы можем предположить, что в финно-угорских регионах сложился новый тип традиционности, призванный культивировать и поддерживать особые типы политической лояльности и идентичности.

Выше мы проанализировали некоторые проблемы, связанные с традиционным обществом среди финно-угорских народов России. Примечательно, что когда в общественном и научном дискурсе России возник интерес к удмуртам, мордве, марийцам среди них уже не существовало традиционного общества в классическом виде. Российские исследователи зафиксировали и описали лишь некоторые его проявления, к тому же - проявления на стадии отмирания, ухода с исторической арены. В советский период от традиционного общества сохранились лишь некоторые, в значительной степени ослабленные, элементы и локальные проявления. Политическая модернизация, о которой речь пойдет в одном из следующих разделов, начатая в 1920-е годы, привела к окончательной гибели традиционного общества и формированию модерновых современных наций.

Проблемы традиционного общества Русского Севера

В двух предыдущих разделах мы анализировали проблемы, связанные с внутренними перифериями в контексте наличия там некоторых элементов традиционного общества. С другой стороны, известно, что уровень модернизации России как государства на протяжении XIX века был не высок, а сами активные модернизационные процессы начались только в последней трети столетия. Россия продолжала оставаться страной с необычайно развитыми и современными политическими и культурными элитами, но крайне архаичной структурой населения и традиционным укладом жизни на периферии. Среди русских периферий был Север²⁹⁷.

В исследовательском дискурсе сложилась традиция называть регион Русского Севера Поморьем. В географическом смысле Русский Север – ре-

---

²⁹⁶ Од веле. – 1926. – 8 февраля.

²⁹⁷ О Русском Севере существует обширная литература. См.: Булатов В. Русский Север / В. Булатов. – Архангельск, 1997; Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора / ред. К.В. Чистов, Т.А. Бернштам. – Л., 1981; Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики / ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. – Л., 1986; Русский Север. Ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. – СПб., 1992; Русский Север. К проблеме локальных групп / ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб., 1993.

гион, расположенный к северу от 60-й параллели. Север был особое периферией, которая имела все шансы стать не просто историческим, но и политическим регионом. Север был освоенной окраиной, зоной русской колонизации. В культурном и идентичностном отношении Север в значительной степени выделялся среди других регионов, отличаясь от них. Отечественная исследовательница Севера С.И. Дмитриева полагает, что этот регион возник в результате слияния колониционных потоков²⁹⁸, что привело к формированию особой местной русской культуры²⁹⁹. Иными словами северные русские имеют идентичность отличную от идентичности других русских – центральных, южных, сибирских, дальневосточных...

На формирование особого типа местной локализованной идентичности повлияли и контакты между русскими и жившими здесь ранее носителями финно-угорских языков. В современном научном дискурсе, посвященном Северу, общим местом стало упоминание того, что «немалую роль в формировании духовной культуры русских многих северных районов стали контакты с коми»³⁰⁰. С другой стороны, исторически этот регион, связанный с Новгородом, не испытал монгольского нашествия. Вероятно мы можем констатировать наличие континуитета между новгородской государственностью и политическими традициями Русского Севера.

С другой стороны, контакты с финно-угорскими группами привели к формированию среди северных русских особого типа идентичности самостоятельного покорения, освоения и преобразования ландшафта, которая базировалась в большей степени на ценностях индивидуализма³⁰¹, а не коллективизма, характерного в частности для южных русских, идентичностный тип которых формировался в условиях доминирования общины. Север, вероятно, создавался не просто в результате колониционных потоков, а как результат активности групп, бывших, в первую очередь, сообществами индивидов. Это вовсе не означает того, что на Русском Севере не развивалась община.

---

²⁹⁸ См.: Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера / М.В. Витов. – М., 1964; Витов М.В. Этнография Русского Севера / М.В. Витов. – М., 1997; Макаров Н.А. Население Русского Севера / Н.А. Макаров. – М., 1990; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Киевской Руси / Н.А. Макаров. – М., 1997.

²⁹⁹ Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья / С.И. Дмитриева // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 4.

³⁰⁰ Дмитриева С.И. Былички и бывальщины Русского Севера (в связи с этнокультурной историей края) / С.И. Дмитриева // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 69.

³⁰¹ О некоторых проявлениях индивидуализма в рамках традиционного общества Русского Севера см.: Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере / Т.Б. Щепанская // Русский Север. Ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. – СПб., 1992. – С. 102 – 126.

Община – форма характерная именно для традиционного общества. Различные проявления общины как формы низовой социальной организации, низового социального института сохранялись и существовали на Русском Севере до 1930-х годов. Община была формой коллективного существования и функционирования отдельных сообществ. Комментируя эту особенность проявлений традиционного общества и культуры на Севере, С.И. Дмитриева подчеркивает, что для обитателей Русского Севера был свойственен «коллективный характер исполнения и соблюдения обрядов»³⁰². На Севере община известна как «печище» – небольшая деревня, состоящая из нескольких индивидуальных хозяйств. Печище было именно традиционным институтом. О ее традиционном характере свидетельствует то, что, по словам С.И. Дмитриевой, именно община «осуществляла неофициальную структуру нравов»³⁰³.

Вокруг Русского Севера сложился особый тип регионализма, что не всегда признавалось в отечественной исторической литературе. В частности, в дореволюционной российской и более поздней советской историографии культивировался нарратив о невозможности самостоятельного существования Русского Севера. Например, М.М. Богословский подчеркивал, что «...Поморье не могло пропитаться без привозного московского хлеба, так же как московский район не мог обойтись без поморской привозной соли. Эти экономические нити вызывали тяготение новгородского Севера к Москве и направляли политику московских великих князей...»³⁰⁴. На этом фоне интересно утверждение С.И. Дмитриевой о том, что «присоединяемый» к Московии без особого энтузиазма местных политических элит и молчаливого большинства Русский Север «...внес немалый вклад в создание и укрепление Русского централизованного государства...»³⁰⁵.

С другой стороны, нередко декларируется возможность изучения Севера исключительно в рамках «общей истории русского этноса»³⁰⁶, что существенно сужает пространство для интеллектуального маневра. Доминирование подобного нарратива было вызвано не анализом местных идентичностных дискурсов, а необходимостью постоянного проявления и подчеркивания политической лояльности.

В предыдущих параграфах мы констатировали, что в тюркских и финно-угорских регионах на тот момент, когда они привлекли внимание ис-

---

³⁰² Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья. – С. 37.

³⁰³ Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья. – С. 35.

³⁰⁴ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере / М.М. Богословский. – М., 1909. – Т. 1. – С. 4.

³⁰⁵ Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья. – С. 9. Хотя, местный аспект присоединения из ее работ почти полностью «выпал».

³⁰⁶ Власова И.В. К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения / И.В. Власова // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 103.

следователей, традиционного общества уже не существовало, а сохранились лишь некоторые его элементы. Относится это и к Русскому Северу. Особую роль в функционировании локальных сообществ Русского Севера играла религиозность. Церковь была нередко первым сооружением которое возводилась в ходе строительства нового поселения. С другой стороны, часовни и отдельные церкви строились не только в крупных поселениях. Для Русского Севера был характерен феномен строительства часовен вдоль дорог, в лесах, у рек и озер, что подчеркивает то место, которое в развитии северной идентичности играл индивидуализм.

Проявление народной религиозности, характерной для культуры традиционного общества, стало и возведение обетных крестов и столбов, которые в исследовательской литературе известны как «часовенки». Кроме этого в рамках традиционной культуры Русского Севера сложились дискурсы т.н. почитаемых мест³⁰⁷ – своеобразных локальных «мест памяти». По мнению Т.Б. Щепанской³⁰⁸, жители Русского Севера сознательно в собственном мировоззрении трансформировали пространство под себя. Иными словами, они выстраивали новую воображаемую географию. Русские на Севере в рамках традиционной культуры «набросили» на регион сеть, которая состояла из «святых мест».

По некоторым проявлениям местная идентичность была близка к идентичностным предпочтениям европейских народов. Это, в частности, проявилось в особенностях местной архитектуры³⁰⁹. Комментируя ситуацию, Р.М. Габе писал, что «...одна из характернейших особенностей подлинного народного зодчества нашего Севера заключается в том, что декоративная сторона занимает здесь весьма скромное место, никогда не затемняя содержания... в северном доме простые до аскетизма суровые формы являются подчеркиванием конструктивных особенностей...»³¹⁰. Север стал зоной, где развивалась русская трудовая этика, и на первое место выходили принципы утилитарности, а не внешние проявления.

В рамках традиционного общества, существовавшего на Севере, сложился особый тип народной культуры с характерным для нее устным нар-

---

³⁰⁷ Виноградов В.В. Почитаемые места в Северо-Западной России / В.В. Виноградов // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 196 – 214; Пулькин М.В. Почитание мест самосожжений старообрядцев на Европейском Севере России / М.В. Пулькин // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 215 – 223.

³⁰⁸ Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Т.Б. Щепанская // Русский Север. К проблеме локальных групп / ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб., 1993. – С. 110 – 176; Бернштам Т.А. Христианские символы в формировании и жизнедеятельности локальных социумов / Т.А. Бернштам // Русский Север. К проблеме локальных групп / ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб., 1993. – С. 259 – 298.

³⁰⁹ Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища / И.В. Маковецкий. – М., 1962; Пермиловская А.Б. Северный дом / А.Б. Пермиловская. – Петрозаводск, 2000.

³¹⁰ Габе Р.М. Карельское деревянное зодчество / Р.М. Габе. – М., 1941. – С. 75.

ративом. Проявлением этой народной культуры стали былички, среди которых выделяются былички о духах природы и былички о домашних духах. Былички – крайне консервативный тип проявления народной культуры, почти не связанный с высокой, в первую очередь – книжной, культурой.

Традиционная культура была тесно связана с архаичными традициями, принесенными на Русский Север русскими переселенцами. Развиваясь в относительной изоляции местное традиционное общество обрело свои локальные черты и особенности. Существенную роль сыграли контакты с местными финно-угорскими группами. В результате возник особый локализованный в пространстве Русского Севера и зафиксированный в памятниках народной культуры тип русской периферийной идентичности. Чисто внешне русская традиционная культура, укорененная в традиционном обществе Севера, выглядела и казалась если не статичной, то, по крайней мере, устойчивой, способной реагировать на внешние вызовы. И действительно, на протяжении существования Русского Севера в составе Московского государства и Российской Империи местная специфика сохранялась, а традиционное общество существовало, доминировало, успешно функционировало, воспроизводя себя в новых поколениях, которые нередко жили в соответствии с нормами предков.

В этой ситуации «успех» традиционного общества Русского Севера следует объяснять не присущей ему уникальностью, хотя фактор местной специфики и особой идентичности играл свою роль. Традиционное общество Русского Севера продолжало существовать и функционировать в рамках традиционной модели так долго, как в рамках этой модели существовала и остальная Россия. Модернизация в России XIX века лишь набирала обороты и не могла вовлечь в свою периферию и окраинные регионы русской колонизации, к каким и принадлежал Русский Север. И Центральная, и Южная Россия, и Сибирь, и Дальний Восток были регионами мало подверженными модернизации. Русский Север не был исключением.

Политические перемены первой четверти XX века, связанные с революцией и большевистским переворотом привели к тому, что Советская Россия в качестве модели своего развития избрала форсированную, направляемую сверху, модернизацию. В конкуренции между традицией и современностью у традиционного общества Русского Севера не было шансов...

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Проблемы традиционной крестьянской культуры в работах П.Г. Богатырева – Средневековая европейская традиционная народная культура в исследованиях А.Я. Гуревича – Традиционное общество в контексте исследований Э. Ле Руа Ладюри – Проблемы позднего традиционного общества и народной культуры в работах К. Гинзбурга

Проблемы традиционной крестьянской культуры в работах П.Г. Богатырева

В параграфе «Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (тюркской) периферии» я высказал следующее предположение, что «...одну из лекций настоящего раздела мы все-таки посвятим работам о традиционном обществе, которые были созданы западными, в частности – французскими и итальянскими, исследователями и стали к настоящему времени классическими...»³¹¹.

Анализ традиционных обществ в части «Традиционное общество: проблемы функционирования и воспроизводства» показал нам, что концепциям традиционного общества, как концепциям-антиподам теории модернизации, следует посвятить не лекцию, а отдельный раздел. С другой стороны, возникает закономерный вопрос, почему анализ отдельных дискурсов традиционного общества предшествует теоретической части. Это сделано сознательно, дабы читатели книги не пытались положить отдельные, конкретно локальные, дискурсы традиционного общества в прокрустово ложе существующих традиционных подходов.

Иными словами, мне кажется, что такое расположение частей освободило нас от некоего излишнего теоретизирования проблемы. Приступая к написанию данного раздела, я столкнулся с проблемой следующего плана: тема традиционного общества принадлежит к числу относительно изученных и в России известны выводы зарубежных социологов, культурологов и антропологов, посвященные проблемам традиционных обществ в Азии и в Африке. Но в такой ситуации не стоит забывать, что традиционное общество существовало и на родине модернизации – в Европе.

В отечественном исследовательском дискурсе, когда речь идет о модернизации, мы неизбежно обращаемся к проблеме традиционного общества. Но и тогда исследователь достаточно редко оперирует фактами, свя-

---

³¹¹ См. подробнее параграф «Некоторые аспекты функционирования традиционного общества внутренней (тюркской) периферии» в настоящем издании.

занными с традиционным обществом в Европе. Европа и тем более Северная Америка устойчиво ассоциируются с модерностью, современностью или даже постмодерностью, постсовременностью, постисторией... Проблемы традиционных обществ на территории Европы прочно вошли в сферу интересов историков в то время, как политологи и социологи нередко обращаются в экзотическим примерам, связанным с Азией и Африкой. Но ни Азия, ни Африка не были теми регионами, где модернизация началась под влиянием местных факторов.

Модернизационные процессы в этом регионе оказались процессами, привнесенными извне вместе с европейским колониализмом и политическим опытом Европы. В такой ситуации анализ традиционных европейских обществ кажется весьма интересной и перспективной темой. Это поможет понять нам то, почему именно Европа стала той территорией, где успешно протекали модернизационные процессы, которые вывели регион на качественно новый уровень развития. В нескольких лекциях этого раздела мы поговорим о традиционном обществе в Европе, точнее об образе европейских традиционных обществ в научном дискурсе Италии, Франции и России.

Интерес к тому, что в современной политологии и социологии именуется «традиционным обществом», в западной и российской гуманистике возник постепенно. Появление этого интереса было связано с кризисом позитивистской историографии и стремлением европейских интеллектуалов в первой половине XX века найти новые пути для понимания прошлого. История великих личностей, история войн, политическая и событийная история более не удовлетворяла молодых интеллектуалов, которым было тесно в рамках доминировавшего на том этапе дискурса исторического знания.

Интеллектуальный протест, в первую очередь французских историков, породил новое направление в исторической науке, которое собирательно именуется «школой “Анналов”». К этому французскому течению, сторонники которого стремились ввести в исследовательский оборот новые сюжеты и новые исследовательские практики, близки работы итальянских, британских и американских медиевистов³¹². «Новая историческая наука» стала междисциплинарной попыткой найти в истории локальные и региональные, микроисторические измерения, привнести в число исследовательских сюжетов проблемы, связанные с народной и высокой культурой.

Казалось бы, что общего между этими сугубо историческими работами и проблемами модернизации. Между тем, сторонники и носители «новой исторической науки» нередко анализировали тот мир – мир безусловного доминирования традиционного общества и традиционной культуры,

---

³¹² Об этой проблеме подробнее см.: Кром М.М. Историческая антропология / М.М. Кром. – СПб., 2004.

который прекратил свое существование в период позднего Средневековья, не выдержав конкуренции с новыми культурными и политическими нормами, новыми идентичностными проектами, порожденными очередной начавшейся модернизацией. Подобно тому, как традиционная культура различных кельтских, дакийских, иллирийских и прочих племен погибла под натиском, безусловно, более современной Римской Империи, так и традиционные культуры европейских наций исчезли в результате модернизационной волны, связанной с Реформацией и развитием европейского капитализма.

В параграфе «Проблемы модернизации внутренней (финно-угорской) периферии в России (дискурсы одного case study)» я рекомендую несколько работ, посвященных модернизации на примере финно-угорских регионов современной Российской Федерации. В настоящем параграфе речь идет о традиционном обществе. Это – проблема, которой посвящено немало статей, коллективных исследований, авторских монографий и диссертаций. Ниже мы остановимся на основных аспектах некоторых из этих работ. С другой стороны, анализу этой проблематики предпосылаю очередной, продиктованный субъективными предпочтениями и интересами автора, short list, исследований о традиционном обществе и народной культуре, с которыми следует ознакомиться студентам:

*П.Г. Богатырев, Функционально-структуральное изучение фольклора*³¹³; это издание, о котором речь пойдет ниже, представляет публикацию ранних малоизвестных исследований отечественного российского фольклориста, в рамках которого анализируются особенности существования и функционирования традиционного общества у славянских и романских народов;

*А.Я. Гуревич, Избранные труды. Культура средневековой Европы*³¹⁴; издание избранных работ классика отечественной медиевистики, посвященное проблемам народной культуры европейского Средневековья³¹⁵;

*Л. Гонсалес-и-Гонсалес, Деревня в смуте. Микроистория селения Сан Хосе де Грасиа*³¹⁶; интересная книга мексиканского историка, посвященная процессу как функционирования в значительной степени традиционного локального сообщества, так и процессам социальных перемен как движущей силы модернизации; русский перевод отсутствует;

---

³¹³ Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006.

³¹⁴ Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб., 2006.

³¹⁵ См. параграф «Средневековая европейская традиционная народная культура в исследованиях А.Я. Гуревича» настоящего издания.

³¹⁶ Gonzales y Gonzales L. Pueblo en vilo: Microhistoria de San Jose de Gracia / L. Gonzales y Gonzales. – Mexico, 1968.

Э. Ле Руа Ладюри, *Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324)*³¹⁷; исследование французского историка, в центре внимания которого проблемы существования, функционирования и воспроизводства традиционного средневекового европейского общества на локальном микроуровне; работа вышла более двадцати лет назад, выдержала ряд переизданий, переведена на несколько языков – к настоящему времени признана классической³¹⁸;

Карло Гинзбург, *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке*³¹⁹; книга итальянского историка, классика микроисторических исследований, посвящена функционированию позднего традиционного общества; чрезвычайно интересна в контексте изучения генезиса социальных перемен и модернизации³²⁰;

Джон Маркофф, *Отмена феодализма: крестьяне, господа и законодатели во Французской революции*³²¹; интересная книга американского ученого русского происхождения, в которой анализируются некоторые аспекты функционирования позднего традиционного общества в целом, так и локальных сообществ в период Великой французской буржуазной революции в контексте социальных и политических перемен;

Р. Мандру, *Народная культура XVII – XVIII веков: Голубая библиотека Трои*³²² и Ж. Боллем, *Голубая библиотека: народная литература во Франции*³²³; интересные исследования французских авторов, посвященные функционированию некоторых элементов позднего традиционного общества в среде французского крестьянства через призму распространения и развития т.н. «литературы для народа»;

---

³¹⁷ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург, 2001.

³¹⁸ См. параграф «Традиционное общество в контексте исследований Э. Ле Руа Ладюри» настоящего издания.

³¹⁹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М., 2000.

³²⁰ См. параграф «Проблемы позднего традиционного общества и народной культуры в работах К. Гинзбурга» настоящего издания.

³²¹ Markoff J. The Abolition of Feudalism: Peasants, Lords and Legislators in the French Revolution / J. Markoff. – University Park, 1996.

³²² Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Bibliotheque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964.

³²³ Bolleme G. Litterature populaire et litterature de colportage au XVIII siecle // Livre et societe dans la France du XVIII siecle / G. Bolleme. – Paris, 1965. – Vol. I. – P. 61 – 92; Bolleme G. Les Almanachs populaires aux XVII et XVIII siecle, essai d'histoire sociale / G. Bolleme. – Paris, 1969; Bolleme G. La Bibliotheque Bleue: la litterature populaire en France du XVI au XIX siecle / G. Bolleme. – P., 1971; Bolleme G. Representation religieuse et themes d'esperance dans la Bibliotheque Bleue. Litterature populaire en France du XVII au XIX siecle / G. Bolleme // La societa religiosa nell'eta moderaa. Atti del convegno di studi di storia sociale e religiosa. – Napoli, 1973. – P. 219 – 243.

Первую лекцию этого раздела мы посвятим проблемам традиционного общества в работах русского ученого, литературоведа и фольклориста, Петра Григорьевича Богатырева³²⁴, который в своих работах, вышедших между двумя мировыми войнами предвосхитил некоторые идеи, представленные в исследованиях Карло Гинзбурга, Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Ладюри, Л.Я. Гуревича... Я сознательно выбрал исследования именно малоизвестного среди неспециалистов П.Г. Богатырева, исходя из убеждения, что специалист-регионовед должен обладать знаниями не только по специальным, но и по смежным наукам в виду того, что современное регионоведение является междисциплинарным проектом³²⁵.

Принимая во внимание, что студентам-региоведам не читается курса, посвященного развитию отечественной и зарубежной гуманистике, следует сказать несколько слов о П.Г. Богатыреве. П.Г. Богатырев (1893 – 1971) начал свою карьеру в России, длительное время жил и работал в межвоенной Чехословакии, а потом и в СССР³²⁶. Более поздние исследования П.Г. Богатырева, написанные им уже после возвращения в Советский Союз, будут позитивно восприняты историками, которые проявляли интерес к новейшим для того времени западным концепциям и методикам. В частности, А.Я. Гуревич ссылаясь на труды П.Г. Богатырева как своеобразный интеллектуальный стимул переосмысления средневековой европейской истории³²⁷.

Обратимся к работам П.Г. Богатырева.

Русский ученый занимался изучением того, что позднее будет названо «народной культурой» и признано одним из важнейших элементов функционирования и существования традиционного общества. П.Г. Богатырев полагал, что традиционная культура – это, как правило, культура крестьянская, культура сельской периферии. С другой стороны, им подчеркивалось то, что изучение этого типа культуры может принести результаты лишь в

---

³²⁴ О Петре Григорьевиче Богатыреве см.: Сорокина С.П. Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева / С.П. Сорокина // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – С. 5 – 72.

³²⁵ Автор подчеркивает, что прочтение настоящего параграфа является «введением» в проблематику исследований П.Г. Богатырева и не освобождает студентов, от прочтения анализируемых и упоминаемых текстов.

³²⁶ В начале 1950-х годов П.Г. Богатырев, который в 1938 году вернулся из Чехословакии в СССР, был в рамках борьбы против «безродного космополитизма» и «буржуазного влияния в науке» подвергнут преследованиям, уволен из МГУ и Института этнографии АН СССР, после чего с 1952 по 1959 год являлся профессором кафедры литературы и русского языка Воронежского Государственного Университета.

³²⁷ См. подробнее: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич // Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб., 2006. – С. 27, 28. А.Я. Гуревич, в частности, цитировал советское издание работ П.Г. Богатырева, вышедшее в 1971 году. См.: Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства / П.Г. Богатырев. – М., 1971.

том случае, если исследователь попытается изучить особенности традиционного мировоззрения, крестьянского восприятия мира: «...чтобы выявить образ мышления сельского человека в тех районах Европы, где еще сохранились элементы древнего духа этого сообщества, необходимо, прежде всего, дать описание системы его представлений...»³²⁸.

Таким образом, П.Г. Богатырев настаивал на комплексном изучении традиционной культуры как основы традиционного общества. В измененном, модифицированном виде подобные идеи мы находим и у более поздних французских исследователей, творчество которых стойко ассоциируется с исследовательской традицией «Анналов». В своих исследованиях П.Г. Богатырев констатировал, что значительную роль в функционировании отдельных крестьянских сообществ играет своеобразный коллективизм: «...при всякого рода нововведениях крестьянин заявляет, что он боится первым принять это новое... каждый боится первым проявить свою инициативу, ждет, чтобы кто-то другой был застрельщиком и чтобы цензура коллектива одобрила поступок этого застрельщика...»³²⁹. Позднее об этом будут писать и К. Гинзбург и Э. Ле Руа Лядюри.

П.Г. Богатырев полагал, что коллективизм является одним из способов функционирования традиционного общества, механизмом для выработки иммунитета против изменений и перемен, которые в традиционном сознании крестьянина почти всегда являются нежелательными и ненужными. П.Г. Богатырев в период этнографических экспедиций интересовался проблемами «народных обрядов», подходя к ним не как к пережитку прошлого, но, пытаясь выяснить «актуальную функцию обрядов и действий в настоящее время»³³⁰. Богатырев полагал, что традиционное общество базируется на добровольном и осознанном участии крестьян в тех или иных ритуальных (и вместе с тем – традиционных) действиях: «...во многих случаях крестьяне явно осознают participation – какую-то сверхъестественную

---

³²⁸ Богатырев П.Г. Леви-Брюль и этнография европейских народов / П.Г. Богатырев // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – С. 94. Первая публикация: Bogatyrew P.G. Levy-Brül und die Ethnografie der europäischen Völker / P.G. Bogatyrew. – Prage, 1930.

³²⁹ Богатырев П.Г. Задачи этнографа в Подкарпатской Руси / П.Г. Богатырев // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – С. 109. Первая публикация: Центральная Европа. – 1931. – № 4. – С. 221 – 229.

³³⁰ См.: Богатырев П.Г. Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт статистического исследования / П.Г. Богатырев // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – С. 74. Первая публикация: Sborník I Sjezdu slovanských geografů a etnografů v Praze 1924. – Praha, 1926. – S. 293 – 296.

связь между магическими действиями и тем, как это магическое действие должно выглядеть...»³³¹.

Если во второй половине XX века французские и итальянские исследователи констатировали особую религиозность, свойственную западноевропейскому средневековому крестьянину, то П.Г. Богатырев показал, что традиционное общество внутренних периферий Центральной Европы базировалось на такой же своеобразной культуре религиозного типа. В связи с этим он писал, что «...очень сильна в Подкарпатской Руси сказочная традиция... объясняется это отчасти тем, что до последнего времени не было почти совсем книг светского характера на родном языке...»³³².

В дискурсе народной культуры церковная религиозность трансформируется, несколько нивелируется, приобретает новые формы и проявления. Иногда религиозные представления крестьян начинают расходиться с традициями Церкви, что углубляет различия между «высокой» и «низкой» культурами. П.Г. Богатырев в некоторой степени предвосхитил труды будущих европейских историков в области терминологии (П.Г. Богатырев активно использовал термины «высокое искусство» и «низкое искусство», придавая им примерно такой же смысл, который в понятия «высокая культура» и «низкая культура» вкладывали более поздние исследователи³³³) относительно «высокой» и «низкой» культур, хотя непосредственное влияние здесь проследить сложно.

---

³³¹ Богатырев П.Г. Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт статистического исследования. – С. 74.

³³² Богатырев П.Г. Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт статистического исследования. – С. 77.

³³³ В данном случае мы вряд ли можем говорить о влиянии П.Г. Богатырева. Текст «Некоторые замечания о взаимовлиянии между высоким и низким искусством» хранится в НИО РГБ. Статья опубликована в 2006 году. См.: Богатырев П.Г. Некоторые замечания о взаимовлиянии между высоким и низким искусством / П.Г. Богатырев // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – С. 201 – 206. Фрагменты этой статьи были изданы на чешском языке в 1937 году. См.: Život. List pro výtvarnou práci a uměleckou kulturu. – 1937. – Vol. VIX. – No 1.

Средневековая европейская традиционная народная культура в исследованиях А.Я. Гуревича

Продолжая анализ концептов традиционности и традиционного общества, обратимся к работам отечественного автора А.Я. Гуревича, которые интегрируют выводы, как российской (советской) медиевистики, так и зарубежных методик исследования Средневековья³³⁴. В отечественном историческом сообществе А.Я. Гуревич известен как исследователь проблем генезиса феодализма³³⁵ и истории средневековой Скандинавии³³⁶. Методологический прорыв, у истоков которого стоял А.Я. Гуревич³³⁷, связан с попыткой перенесения на отечественную почву методов западной, в первую очередь – французской, исторической науки в соединении с исследованиями досоветского и советского периода, которые не вписывались в официальный дискурс, и несколько сместить акценты в изучении истории Средних Веков с социальной и экономической специфики на проблемы, связанные с народной культурой, ментальностью, взаимными представлениями различных сословий.

Современный студент, обучающийся по специальности «Международные отношения» или направлению «Регионоведение» практически не проявляет интереса к гуманитарным наукам в широком смысле этого слова, почти не знает состояния научных дискуссий, не следит за новейшими и дискуссионными, полемическими работами, посвященными теоретическим проблемам гуманитарного знания. Исследования, которые нередко кажутся ненужными и чуждыми, могут оказаться крайне полезными. С одной стороны, они способствуют формированию общей культуры проведения гуманитарного исследования. С другой, как бы ни были они тематически отдалены от современности в хронологической перспективе, они, тем не менее, раскрывают некоторые механизмы существования и функционирования традиционного общества, показывая сам процесс вызревания социальных перемен, которые в совокупности образуют модернизационные процессы.

---

³³⁴ Интересным источником о пути Арона Яковлевича Гуревича в российской медиевистике являются его мемуары «История историка». См.: Гуревич А.Я. История историка / А.Я. Гуревич. – М., 2004.

³³⁵ См.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А.Я. Гуревич. – М., 1970.

³³⁶ См.: Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье. Проблемы социального строя и культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1977; Гуревич А.Я. «Эдда» и сага / А.Я. Гуревич. – М., 1979.

³³⁷ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1972; Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1981; Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М., 1989.

А.Я. Гуревич исходил из того, что процесс изучения традиционного средневекового общества, традиционной культуры средневековья, «добржужазной цивилизации»³³⁸, является чрезвычайно трудоемким, требующим значительной ответственности со стороны исследователя: «...идеологам феодального общества удалось не только оттеснить народ от средств фиксации его мыслей и настроений, но и лишить исследователей возможности восстановить основные черты его духовной жизни... “Великий немой”, “великий отсутствующий”, “люди без архивов и без лиц” – так именуют современные историки народ в ту эпоху, когда для него был закрыт доступ к средствам письменной фиксации культурных ценностей...»³³⁹.

А.Я. Гуревич полагал, что дискурс средневековой традиционности может быть обнаружен только как результат «раздельного анализа определенных категорий памятников»³⁴⁰. С другой стороны, анализируя европейскую средневековую традиционность, следует помнить, что информация источника не является аутентичной и однозначно правильной в виду того, что «...любой памятник, оставленный прошлым содержит информацию только о некоем фрагменте, аспекте действительности...»³⁴¹.

Поэтому, основой существования традиционного общества была именно народная культура, которая, по словам А.Я. Гуревича, представляла собой «низовой пласт средневековой культуры», базировавшийся на «...способах мировосприятия, присущих людям, которые не прошли выучку в школе античного или патристического наследия и сохранили живую связь с мифопоэтическим и фольклорно-магическим сознанием...»³⁴². По мнению А.Я. Гуревича такой тип традиционной культуры был подчинен «идеологическому и богословскому контролю, контролю церкви». Поэтому такая традиционная культура отличалась некоторыми «общими параметрами» при наличии ее локальных национальных разновидностей³⁴³.

Вот почему А.Я. Гуревич полагал, что в рамках существования традиционного общества в Европе протекал процесс активного взаимодействия между христианским учением и преимущественно фольклорным сознанием крестьянина³⁴⁴. Несмотря на почти бесспорное доминирование традиционного общества, в Европе существовали его национальные локализо-

---

³³⁸ См. подробнее: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич // Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб., 2006. – С. 272.

³³⁹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 18.

³⁴⁰ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 268.

³⁴¹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 269.

³⁴² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 19.

³⁴³ Гуревич А.Я. История историка. – С. 222.

³⁴⁴ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич // А.Я. Гуревич // Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб., 2006. – С. 291.

ванные варианты. Народная культура средневековой Франции и Италии отличалась от аналогичных явлений в германских землях и в Скандинавии. Но при этом подобные культуры имели один общий базис – народную культуру. В связи с этим А.Я. Гуревич полагал, что сама структура сознания средневекового крестьянина «...сохраняла и упорно воспроизводила в высшей степени устойчивые архаические черты...»³⁴⁵.

Традиционное общество нередко проявлялось в «...буднях, повседневной религиозно-культурной практике, жизненной рутине с выделяющимися в ней привычками сознания и формами поведения...»³⁴⁶. С другой стороны, в рамках средневекового общества существовала и «высокая культура», которая так же в значительной степени продолжала оставаться преимущественно традиционной: в ее состав были интегрированы некоторые проявления и элементы народной, точнее – простонародной, культуры. Этот тип культуры представлял, по мнению А.Я. Гуревича, «...скрытые, потаенные, официально не вполне выраженные или односторонне выраженные параметры культуры тех же самых людей...»³⁴⁷.

Традиционное общество в средневековой Европе не было, как может показаться, статичным. Между пластами различных культурных уровней существовали постоянные связи как вертикального, так и горизонтального характера. Поэтому, А.Я. Гуревич указывал на то, что народная культура, как основа традиционности, существовала не в вакууме, а функционировала в условиях «...взаимодействия церковной идеологии с дохристианской (или, лучше сказать, нехристианской) народной культурой...»³⁴⁸.

Как результат взаимодействия и взаимопроникновения различных уровней традиционной культуры возник феномен того, что мы можем определить как «культурно-идеологический комплекс народного христианства»³⁴⁹. Примечательно, что в условиях традиционного общества не было возможностей для непосредственного контакта между высокой церковной и низкой народной культурой. Поэтому, контакты между двумя уровнями культуры традиционного уровня развивались на измерении периферии, через низовую популярную литературу³⁵⁰.

Традиционное общество средневековой Европы имело одно из мощнейших оснований в религии, точнее – в ее народных формах и в официальном католицизме. Среди крестьян доминировала «народная интерпретация святости»³⁵¹, которая имела основания не в учении католической церкви, а в крестьянском менталитете сильными традициями собственно-

---

³⁴⁵ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 121.

³⁴⁶ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 270.

³⁴⁷ Гуревич А.Я. История историка. – С. 223.

³⁴⁸ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 29.

³⁴⁹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 29.

³⁵⁰ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 30.

³⁵¹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 69.

сти. Но такое традиционное общество было традиционным и в силу крайне незначительного распространения грамотности: «...грамотность расценивалась в средневековом обществе как привилегия, как определенное социальное преимущество...»³⁵².

Поэтому, нередко доминировала именно устная, связанная с фольклором и народной культурой, традиция. Но это вовсе не означает того, что в рамках традиционного общества средневековой Европы не было контактов между низшим, народным, и высшим, феодальным, уровнями культуры. Нередко представители привилегированных классов писали для народа, но и в этой ситуации успех подобной литературной традиции зависел исключительно от того, насколько автор усваивал нормы и правила того традиционного сообщества, к которому он обращался. «Эффективность литературы, адресованной широким слоям народа, зависела от того, в какой мере автор мог вжиться в строй мыслей своей аудитории»³⁵³, – писал в связи с этим А.Я. Гуревич.

Исследования А.Я. Гуревича, посвященные средневековой народной культуре, представляют немалый интерес в контексте изучения традиционного общества. Сам А.Я. Гуревич не был ни культурологом, ни антропологом и подобных задач перед собой не ставил. С другой стороны, дискурс работ А.Я. Гуревича содержит немало принципиально важных наблюдений и выводов, которые интересны в контексте исследования традиционного общества, точнее – ментальных основ его существования, функционирования и воспроизводства.

Народная культура, открытая для российского читателя А.Я. Гуревичем, не была ни примитивной, ни статичной. Она была традиционной, основанной на народной религиозности и некоторых дохристианских традициях, интегрированных в мир народного крестьянского христианства. И хотя модернизация, которая и привела к исчезновению традиционной европейской средневековой культуры, стала возможна в результате усиления городов и развития капитализма, тем не менее «молчаливое большинство» Европы Раннего Нового Времени, раннемодерного Запада, было обязано своим появлением той традиционной аграрной периферийной культуре и ментальности, тому традиционному обществу, которое производилось до этого на протяжении десяти столетий.

---

³⁵² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 26.

³⁵³ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – С. 28.

Традиционное общество в контексте исследований Э. Ле Руа Ладюри

После того, как мы рассмотрели межвоенное творчество П.Г. Богатырева в контексте изучения традиционного общества, обратимся к работам зарубежных авторов, где так же представлены проблемы, связанные с традиционным обществом³⁵⁴. Значительный вклад в изучение того, как существовало и функционировало традиционное общество средневекового Запада, в частности – Франции, внес французский историк Эммануэль Ле Руа Ладюри³⁵⁵. Он является автором своеобразного case study исследования, посвященного Монтайю – окситанской деревни в период между 1294 и 1324 годами³⁵⁶.

Особенностью метода, использованного Э. Ле Руа Ладюри³⁵⁷, состоит в том, что он попытался проанализировать традиционное общество, которое существовало в период Средних Веков, во Франции, используя не внешние источники, созданные господствующими классами и являющиеся проявлением «высокой культуры», а источники, возникшие в результате функционирования самого традиционного общества, к тому же – на локальном уровне.

Комментируя особенности этого метода, Э. Ле Руа Ладюри пишет, что «...для того, кто хотел бы понять крестьянина давних и стародавних времен, нет недостатка в крупных обобщающих трудах регионального, национального, западноевропейского масштаба... недостает непосредственного свидетельства крестьянина о самом себе...»³⁵⁸. Поэтому, Э. Ле Руа

---

³⁵⁴ В параграфе «Проблемы традиционной культуры в работах П.Г. Богатырева» мы высказали предположение о возможном влиянии русской гуманистики на французские исторические исследования. Книга Э. Ле Руа Ладюри, о которой речь пойдет в настоящем разделе, завершается значительным списком источников и литературы. Среди этих работ из исследований русских авторов упоминается только книга М.М. Бахтина – не оригинал (Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1990), а французский перевод (Bakhtine M. L'oeuvre de Francois Rabelais / M. Bakhtine. – Paris, 1970), что свидетельствует о крайне незначительной степени знакомства в 1970 – 1980-е годы с русской (советской) медиевистикой среди французского исторического сообщества.

³⁵⁵ Автор подчеркивает, что прочтение настоящего параграфа является «введением» в проблематику исследований Э. Ле Руа Ладюри и не освобождает студентов, от прочтения самой книги «Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324)».

³⁵⁶ Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan de 1294 a 1324 / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1982. Русский перевод вышел в 2001 году. См.: Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург, 2001.

³⁵⁷ Эммануэль Ле Руа Ладюри является автором еще нескольких работ, где затронуты проблемы традиционного общества. См.: Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1966; Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1973.

³⁵⁸ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 6.

Ладюри в качестве источника использовал документы, возникшие в результате деятельности епископа Жака Фурнье, в которых отражены некоторые аспекты существования и функционирования традиционного общества на локальном уровне.

Что же представляло собой традиционное общество, или, по словам Э. Ле Руа Ладюри, «социология старой Монтайю»³⁵⁹, в средневековой Франции? Монтайю, «маленькое пиренейское сообщество»³⁶⁰, представляло собой типично аграрное общество, «классический мир оседлых земледельцев»³⁶¹, функционирование и существование которого, зависело от внешних факторов³⁶². Э. Ле Руа Ладюри акцентирует внимание на традиционности и крайне невысоком уровне развития Монтайю: «...оно было скорее бедным, люди в большинстве не имели крупных денег, значительного престижа и заметной власти...»³⁶³.

Будучи сообществом традиционного типа Монтайю не знало значительных социальных конфликтов и противоречий. Э. Ле Руа Ладюри полагает, что «...расслоение в рамках самой общины не бросалось в глаза прежде всего и проще всего по причине самой ничтожности изучаемой группы...»³⁶⁴. Сообщество было в относительной степени замкнутым, но внутренние социальные границы и пределы были подвижны³⁶⁵. О традиционности локального сообщества Монтайю свидетельствует и доминирование «низкой» народной культуры и крайне незначительное количество грамотных.

В связи с этим Э. Ле Руа Ладюри пишет, что «...само количество неграмотных ставит значительные проблемы относительно передачи книжных идей... на 250 жителей было четыре несомненно грамотных, двое-трое из них, возможно, слегка знали латынь... даже вдова шателена оказывается неграмотной в отличие от собственных дочерей...»³⁶⁶. Функционирование Монтайю было подчинено аграрному циклу: «...разделение обязанностей по полу и возрасту способствовало выполнению работ: мужчина пахал, жал, убирал репу, занимался охотой и рыболовством, подростки пасли домашнее стадо... заботой женщины были вода, огонь, огород, хворост, кухня... она убирала капусту, полола, вязала снопы... держали ее, особенно в молодости, в строгости...»³⁶⁷.

---

³⁵⁹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 22.

³⁶⁰ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 38.

³⁶¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 86.

³⁶² Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 16.

³⁶³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 23.

³⁶⁴ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 27.

³⁶⁵ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 28.

³⁶⁶ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 287.

³⁶⁷ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 17.

В такой ситуации отношения между полами носили преимущественно традиционный характер. Статус женщины в Монтайю свидетельствует о традиционном облике этого сообщества. Э. Ле Руа Ладюри полагает, что женщины пребывали в «...естественном состоянии, или, по крайней мере, состоянии неформализованности: эта неформализованность не является синонимом чистой изоляции...»³⁶⁸. Традиционный характер всего Монтайю подчеркивает и почти полное отсутствие ремесла: «...ремесло в деревне было развито слабо... женщины, естественно, пряли по вечерам, собираясь то у одной, то у другой... местное ткачество было предназначено только для того, чтобы одевать бедных...»³⁶⁹.

Монтайю – сообщество почти полного доминирования традиционности. В контексте внутренних связей и отношений этого локального общества так же доминировал его сугубо традиционный характер. Об этом, в частности, свидетельствует незначительное число грамотных. С другой стороны, источники, проанализированные Э. Ле Руа Ладюри, показывают, что Монтайю почти не знало ни письменной, ни книжной культуры: «...только устная трансляция от книги к публике приобретает исключительную важность: при десятках еретических посиделок, зафиксированных в Монтайю и других местах, только в двух случаях недвусмысленно засвидетельствована книга... прочие посиделки характеризуются исключительно вербальным дискурсом...»³⁷⁰.

Подчеркивая традиционный облик Монтайю, Э. Ле Руа Ладюри указывает на то, что «...монтайонская культура производится и воспроизводится через местные иерархические структуры социальности без значительного вмешательства книги и письменности...»³⁷¹. Монтайю представляло собой традиционное общество на локальном уровне: большинство населения составляли крестьяне, процент некрестьян был крайне незначителен. С другой стороны, их социальный статус не может быть поставлен однозначно за пределы крестьянского сословия: «...все жители деревни, за исключением кюре, принадлежат к крестьянским деревенским семьям... даже немногочисленные ремесленники стоят одной ногой в огороде, ведя сельскохозяйственную деятельность и имея крестьянскую родню...»³⁷².

Отличительной особенностью традиционного средневекового общества на локальном уровне была склонность к самоограничению, стремление четко очертить свои границы в пространстве – как географически, так и социально. В отличие от других сообществ Монтайю почти не испытало внешних влияний, не знало этого мощного стимулятора и катализатора социальных перемен и изменений. В частности, в Монтайю почти не ощуща-

---

³⁶⁸ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 302.

³⁶⁹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 18.

³⁷⁰ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 287.

³⁷¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 293.

³⁷² Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 37.

лось влияние трубадуров³⁷³. Уровень жизни в таком традиционном обществе, по меркам современного человека, выглядит, вероятно, крайне низко.

Проанализировав местные нарративные источники, Э. Ле Руа Ладюри пишет, что «...смертность была большой, особенно среди детей и в связи с постоянными эпидемиями... жители деревни носили на себе целую фауну блох и вшей, чесались, выбирали друг у друга насекомых... все с самого низа до верха социальной лестницы, в порядке дружественной и семейной услуги... в этом нет ничего удивительного для окситанской цивилизации, где один из пальцев так и назывался – вошебойный... любовница искала вшей у любовника, служанка – у хозяина, дочь – у матери...»³⁷⁴.

Монтайю не было крупным населенным пунктом, насчитывая от 200 до 250 жителей³⁷⁵. Для традиционного общества крупные поселения – исключение, нежели правило. Монтайю – место сосуществования христианской культуры, культуры Католической Церкви с древними архаичными представлениями крестьян о Боге. Об этом в частности свидетельствует то, что в описываемый Э. Де Руа Ладюри период недалеко от церкви находилась часовня Девы Марии, связанная с «народным культом отдельно стоящих камней»³⁷⁶. Традиционный облик деревни дополняли и различные ограничения и запреты религиозного характера, возникшие под влиянием еретических движений: «...теоретически в Монтайю была в силе катарская этика... она допускает употребление рыбы, но запрещает свиное сало, баранину, говядину: поедание животных, с альбигойской точки зрения, есть вторжение в перемещение душ...»³⁷⁷.

Заслуга Э. Ле Руа Ладюри состоит в том, что он описал одно из традиционных обществ, которое уже прекратило свое существование. Появление этой книги обязано двум вещам: упомянутому в предыдущем разделе историографическому кризису, породившему новые формы написания истории и западноевропейскому каменному строительству, которое сохранило источники, использованные французским исследователем. Мир, описанный Э. Ле Руа Ладюри, это – локализованное традиционное сообщество со значительными тенденциями к замкнутости и изоляции.

Основанное на внутренних связях оно почти не знало внешнего влияния, в том числе – и со стороны высокой культуры. Неграмотность, традиционность, натуральное хозяйство и приверженность к традициям предков были наилучшими гарантиями сохранения Монтайю как традиционного сообщества. Приверженность многих местных жителей катарской ереси лишь усиливала эту традиционность и замкнутость. Э. Ле Руа Ладюри показывает, насколько мощным и статичным было то традиционное общест-

---

³⁷³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 288.

³⁷⁴ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 22.

³⁷⁵ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 15.

³⁷⁶ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 15.

³⁷⁷ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324). – С. 21.

во, которое спустя несколько столетий после описанных им событий прекратит свое существование.

И последнее, относительно концепции и методологического инструментария, предложенного французским историком. Возникает вопрос о применимости или степени применения его метода для изучения традиционных обществ на территории России. В целом, методика кажется весьма продуктивной. С другой стороны, российский исследователь, который попытается применить этот французский методологический инструментарий для России, столкнется с проблемой источников. Тем не менее, работа Э. Ле Руа Ладюри – своеобразное руководство для проведения подобных локальных исследований традиционности и генезиса социальных перемен, которые порождают модернизацию.

Проблемы позднего традиционного общества и народной культуры в работах К. Гинзбурга

Если работы, о которых шла речь в трех предыдущих параграфах настоящего раздела посвящены лучшим временам традиционного общества в средневековой Европе, когда оно не сталкивалось с историческими конкурентами и серьезными вызовами, то исследования итальянского историка Карло Гинзбурга³⁷⁸, в первую очередь – книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», сфокусированы на том этапе, когда традиционное общество начинает сдавать и утрачивать свои позиции в условиях начинающихся модернизационных процессов.

Карло Гинзбург³⁷⁹, признавая немалые трудности изучения традиционной поздней культуры («...скудость свидетельств об угнетенных классах прошлого — первое (но не единственное) препятствие, с которым встре-

---

³⁷⁸ В центре этого параграфа книга К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке». См. так же другие работы К. Гинзбурга, затрагивающие проблемы традиционного средневекового общества: Ginzburg C. I benandanti. Ricerche sulla stregoneria e sui culti agrari tra Cinquecento e Seicento / C. Ginzburg. – Torino, 1966; Ginzburg C. Storia notturna. Una decifrazione del sabba / C. Ginzburg. – Torino, 1989; Ginzburg C. Il nicodemismo. Simulazione e dissimulazione religiosa nell'Europa dell'500 / C. Ginzburg. – Torino, 1970.

³⁷⁹ Некоторые, но далеко не все работы, К. Гинзбурга переведены на русский язык. См.: Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы / К. Гинзбург. – М., 2004; Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки / К. Гинзбург // Одиссей. Человек в истории. – М., 1990. – С. 132 – 146; Гинзбург К. Опыт истории культуры: философ и ведьмы / К. Гинзбург // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993. – С. 29 – 40; Гинзбург К. Германская мифология и нацизм. Об одной старой книге Жоржа Дюмезиля // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 31. – С. 73 – 93; Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 32 – 61.

чаются такого рода исследования...»³⁸⁰), анализирует ее микроисторический дискурс на примере деятельности мельника Доменико Сканделла, известного как Меноккио, который дважды привлекался к суду инквизиции и после второго процесса был сожжен.

В связи с этим К. Гинзбург пишет: «...Доменико Сканделла по прозвищу Меноккио, - который провел жизнь в полнейшей безвестности и был сожжен по приговору инквизиции. Материалы двух судебных процессов, на которых с интервалом в пятнадцать лет рассматривалось его дело, дают нам широкую картину его мыслей и чувств, его фантазий и чаяний. В других документах содержатся сведения о его хозяйственной деятельности, о жизни его семейства. До нас дошли даже его собственноручные записи и неполный перечень прочитанных им книг (он умел читать и писать)...»³⁸¹.

С другой стороны, нам недоступна полная и детальная информация о круге чтения этого крестьянина XVI века. Мировоззрение Меноккио, которое в значительной степени продолжало оставаться традиционным, складывалось под влиянием прочитанных им книг, среди которых: «Библия на народном языке», «Цветы Библии» (перевод текстов различного содержания от Вульгаты до апокрифов), «Светильник Богоматери» (распространенное издание того времени, автором которого являлся доминиканец Альберто де Кастелло), «Лючендарий святых» (перевод «Золтой легенды» Иакова Ворагинского), «История Страшного Суда» (анонимное произведение), «Кавалер Зуанне де Мандавилла» (итальянский перевод знаменитой книги путешествий, появившейся в середине XIV века), «Книга, называемая “Замполло”» (или «Сон Каравии», опубликованный в Венеции в 1541 году)³⁸².

В период второго процесса упоминались и другие книги, прочитанные Меноккио, среди которых «Прибавление к хроникам» (перевод на народный язык хроники, составленной в конце XV века бергамасским августинцем Якопо Филиппо Форести; книга так же известна под названием «Прибавление к прибавлениям к хроникам») и «Месяцеслов, исчисленный применительно к Италии почтеннейшим доктором Марино Камилло де Леонардисом в городе Пезаро» (книга известна в нескольких переизданиях). Кроме этих книг Сканделла, вероятно, читал и некоторые другие тексты, среди которых мог быть «Декамерон» Боккаччо и книга, не поддающаяся точной идентификации (это мог быть итальянский перевод Корана, изданный в 1547 году в Венеции)³⁸³.

---

³⁸⁰ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М., 2000. – С. 31.

³⁸¹ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 31.

³⁸² Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 96 – 97.

³⁸³ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 97.

Известно, что только одну из этих книг Меноккио купил сам, а одну ему подарили. Другие он брал читать у своих соседей, что свидетельствует о некотором распространении грамотности, которая постепенно подтачивала и разрушала патриархальные основы традиционного общества. При этом идентичность Меноккио оставалась в значительной степени традиционной, его интересы ограничивались тем ограниченным набором книг, которые он прочитал и хозяйственными делами, которыми он, как мельник, занимался: «...он был всего лишь мельником-самоучкой. Кроме своего родного селения он мало что видел. Он не знал ни греческого, ни латинского (разве что какой-нибудь отрывок из молитвы); читал мало и чтение его было случайным...»³⁸⁴.

Герой исследования К. Гинзбурга отличается от персонажей работ Э. Ле Руа Ладюри и А.Я. Гуревича. Если те «оперировали», как правило, безликой крестьянской массой, то Доменико Сканделла демонстрирует несколько иной политический и идентичностный опыт. Факт, что он умел читать и писать подчеркивает то, что традиционное общество уже столкнулось с серьезными внутренними и внешними вызовами, а его традиционность перестала быть столь однозначной, как была ранее. С другой стороны, в период жизни Д. Сканделлы народная культура, как основа существования и функционирования традиционного общества, продолжала существовать, окончательно распавшись на «несколько культурных уровней»³⁸⁵.

Во времена Д. Сканделлы народная культура функционировала как воспроизводство и господство вербального устного нарратива: «...вплоть до сегодняшнего дня культура угнетенных классов продолжает оставаться в значительной своей части культурой *устной*, – какой она и была на протяжении веков. Но, к сожалению, историк не может вступить в непосредственный диалог с крестьянином, жившим в XVI веке (а если бы и мог, еще большой вопрос, поняли ли бы они друг друга)». К счастью для исследователей Д. Сканделла умел не только читать, но и писать.

Мировоззрение Меноккио – феномен двойственного плана: «...значительная часть сказанного Меноккио не может быть сведена к известным схемам и потому позволяет прикоснуться к подлинной народной мифологии. С Меноккио, однако, дело обстоит много сложнее: в его случае эти глухие народные верования встроены в последовательную и логичную систему идей, которая включает в себя и религиозный радикализм, и потенциально научный натурализм, и утопические мечты о социальном обновлении. У неизвестного фриульского мельника и у самых широко мыс-

---

³⁸⁴ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 119.

³⁸⁵ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 32.

лящих интеллектуалов его времени оказывается много точек соприкосновения...»³⁸⁶.

Но это не позволяет нам утверждать, что опыт Меноккио – уникальный опыт постепенного умирания традиционной культуры: «...в культурном мире Меноккио нельзя выделить отдельные блоки. Они обозначаются только на известной исторической дистанции: мы отмечаем стремление к радикальному обновлению общества, внутреннее охлаждение к религии, проповедь веротерпимости – все это мотивы, встречающиеся уже у представителей высокой культуры...»³⁸⁷. Традиционное общество вовсе не проявляло никакого желания уступить место более прогрессивному капитализму, а крестьяне не имели особого стремления отказаться от традиционных устоев и отношений, став горожанами.

В те времена, когда жил Д. Сканделла, позиции традиционного общества оставались достаточно прочными. Меноккио – человек, принадлежащий к двум эпохам. С одной стороны, его мировоззрение традиционно, ему не достает системности. С другой, он позволял себе ставить под сомнение авторитет Церкви, что не было проявлением еретических настроений, а свидетельствовало о начале коренных и радикальных сдвигов в обществе: «...чтобы эта *иная* культура получила возможность заявить о себе, нужно было совершиться Реформации и появиться книжному станку. Благодаря Реформации простой мельник мог решиться *высказать свое мнение* о церкви и мироустройстве. Благодаря книгопечатанию у него появились *слова*, чтобы облечь в них смутные, неоформившиеся мысли, которые роились у него в голове...»³⁸⁸.

Комментируя соотношения между новым и старым, между традиционностью и начинавшимися социальными переменами, Карло Гинзбург пишет: «...общественная жизнь во Фриули во второй половине XVI века была в сильнейшей степени отмечена архаическими чертами. Феодальная знать обладала подавляющим влиянием во всем регионе. Институт рабства, известный под именем «маснада», существовал еще веком раньше – много дольше, чем в других близлежащих областях. Традиционный средневековый парламент продолжал сохранять свои законодательные функции, хотя реальная власть уже давно перешла в руки венецианских наместников. Вообще Венеция, владевшая этой областью с 1420 года, все, что могла, оставила в нетронутom виде...»³⁸⁹.

Случай Меноккио далеко не уникален. Более того, не следует преувеличивать его внесистемность. Меноккио – носитель поздней народной культуры, способный не только на автоматическое освоение устного нар-

---

³⁸⁶ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 40.

³⁸⁷ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 48.

³⁸⁸ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 138.

³⁸⁹ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 74.

ратива, но и человек, который был в состоянии «понять» текст и осмыслить его. Носители поздней традиционной культуры явно тяготели к рефлексии, систематизации своего собственного опыта, о чем свидетельствует «казус» Д. Сканделлы. Меноккио в период своей социализации воспринял культуру и идентичность того сообщества, к которому принадлежал, то есть народную крестьянскую культуру.

С другой стороны, К. Гинзбург предостерегает от абсолютизации этой категории: «...это не значит, что в доиндустриальной Европе у крестьян и городских ремесленников (не говоря уж о всякого рода маргинальных группах) была некая единая культура. Но хотелось бы подчеркнуть, что исследования индивидуальных казусов, подобных нашему, следует проводить, только ясно представляя себе их границы. И только тогда выводы, в них достигнутые, могут приобрести общий характер...»³⁹⁰.

Идентичность Д. Сканделлы была явно приграничной. В ней сочетались дискурсы крестьянской традиционности с вызовами против традиции, попытками пересмотреть и переосмыслить ее: «...разрыв между текстом и тем, что из него вынес и сообщил инквизиторам Меноккио, доказывает, что его мировоззрение не может быть сведено к книжному знанию. С одной стороны, оно определяется устной культурной традицией, имеющей, по-видимости, весьма отдаленные истоки. С другой стороны, оно обнаруживает близость к идеям, циркулировавшим в кружках склонных к инакомыслию гуманистов: к идеям веротерпимости, уравнивания религии и морали...»³⁹¹.

Попытка Д. Сканделлы выйти за пределы традиционализма плачевно для него закончилось, что было вызвано рядом факторов: традиционное общество продолжало оставаться устойчивым, Сканделла сохранял с ним связи, будучи в большей степени много позволяющим себе средневековым крестьянином, а не человеком Раннего Нового Времени. Меноккио уже явно выделялся на фоне сообщества, к которому принадлежал. Это понимал и он сам, и его соседи, которые нередко относились к нему с осуждением, полагая, что поведение Д. Сканделлы не вписывается в принятые правила и нормы, то есть не соответствует традиции. В связи с этим К. Гинзбург пишет: «...мы никак не можем посчитать его «средним» крестьянином того времени (то есть «типичным», представляющим статистически наиболее распространенный тип): его относительная изоляция среди односельчан говорит об обратном. Своим соседям Меноккио казался человеком, не похожим на других. Но эта непохожесть не была абсолютной. Меноккио не выходит за пределы культуры своего времени и своего класса: за этими

---

³⁹⁰ Гинзбург К. Сыр и черви. — С. 47.

³⁹¹ Гинзбург К. Сыр и черви. — С. 45.

границами – лишь безумие и полный обрыв каких-либо контактов с миром...»³⁹².

Иными словами, отклонения от нормы, отказ и добровольный, сознательный уход от традиции были скорее исключением, нежели правилом, не имели серийного характера. «Казус» Меноккио – локальный дискурс слабого традиционного общества. Народная культура на своем излете породила уникальный народный письменный нарратив. Но и эта новая нарративная традиция была относительно новой, оставаясь именно традиционной. В исследовательской литературе доказано, что подобное творчество крестьян редко разрушало границы традиционного аграрного мира и крестьянского мировоззрения, а, наоборот, «...в течение длительного времени способствовала формированию мировоззрения, проникнутого фатализмом и детерминизмом, преклонением перед чудом и тайной – она уводила своих читателей от осознания их истинного общественного и политического положения и выступала тем самым – может быть, вполне сознательно – как орудие реакции...»³⁹³.

Крестьянское мировоззрение, носителем которого являлся Меноккио, было, вероятно, весьма интересным феноменом. С одной стороны, оно несло в себе значительные пласты архаичной крестьянской традиции. Не исключено, что именно эти элементы, связанные с фольклором и некоторыми рудиментарными пережитками, дошедшими от дохристианской, языческой, эпохи оказали решающее влияние на развитие мировоззрения и идентичности Д. Сканделлы. С другой стороны, если идентичность, основанная на традиционном крестьянском базисе, оставалась, как правило статичной и почти неподверженной изменениям, то мировоззрение было категорией, склонной к развитию в контексте традиционного крестьянского скептицизма, сомнения, народной рефлексии относительно прав и полномочий церковных властей.

Сочетание скепсиса с достаточно устойчивыми традициями – отличительная черта позднего традиционного общества. Позднее традиционное общество развивалось в контексте постепенного ослабления и разрушения традиционной идентичности. Мир стремительно менялся, расширялись его географические границы. Под влиянием этих процессов постепенно размывались и разрушались границы локальных крестьянских сообществ. На смену истории почти исключительно сообществ приходит новая история, где наряду с общиной, группой, обществом действовал и индивид. Разрушение коллективистской идентичности стало важнейшим стимулом для социальных перемен и генезиса общественных изменений, которые привели к началу модернизационных процессов.

---

³⁹² Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 42.

³⁹³ Гинзбург К. Сыр и черви. – С. 34.

ПЕРВАЯ ВОЛНА МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ

Проблемы «первой волны» модернизационных процессов в Европе – Социальные процессы в период «первой волны» модернизации – Идентичностные измерения модернизационных процессов

Проблемы «первой волны» модернизационных процессов в Европе

В одной из первых лекций настоящего лекционного курса мы отметили, что модернизационные процессы не являются частью и достоянием исключительно новой и новейшей истории. В лекциях, посвященных Н. Смелзеру и Ш. Эйзенштадту, мы неоднократно констатировали, что появление государственности стало первым значительным модернизационным прорывом в истории человеческой цивилизации. Развитие государственности в период античности ознаменовано не только вовлечением новых регионов в исторический процесс, но и изменениями, которые мы можем интерпретировать в категориях модернизации.

Одним из крупнейших модернизационных процессов античности стала романизация. К настоящему времени по проблемам романизации практически не создано ни одного обобщающего исследования. В течение длительного времени романизация не рассматривалась как самостоятельная проблема, достойная того, чтобы стать предметом отдельного исследования, комплексного анализа. Именно по данной причине, изучение романизации велось в контексте истории провинций Римской Империи или отдельных народностей, вошедших в ее состав, имевших с ней контакты или общую границу.

Впервые проблема романизации научно, подробно и относительно разносторонне была представлена в работах классиков исторической науки – немецкого историка Теодора Моммзена и отечественного исследователя М.И. Ростовцева. Первый истории провинций посвятил четвертый том своей «Истории Рима», второй – две главы в двухтомном исследовании «Общество и хозяйство в Римской Империи». Определенные аспекты настоящей проблематики все же поднимались в национальных исторических науках - в немецкой, российской, английской, американской, румынской, албанской, болгарской, украинской. Для Германии, США, России и Украины изучение процесса романизации было признаком академической зрелости, своего рода, знаком качества.

В изучении романизации в данных странах следует выделять два периода, которые условно можно определить как романтический и научный.

Романтический подход господствовал в историографии XIX века. Особенно он был силен в романских государствах, например - в Румынии, писатели которой стремились доказать наличие прямого римско-романского континуитета, обеспеченного процессом романизации³⁹⁴. Второй можно датировать XX столетием, а хронологические рамки первого достаточно спорны. В течение романтического этапа романизация идеализировалась либо позитивно, либо крайне негативно. Она могла рассматриваться как важнейший этап в истории той или иной нации романского происхождения. Вместе с тем, ее могли оценивать как череду завоеваний, военных столкновений и кровавых событий. Рецидивы такой тенденции сохранились и в историографии XX века.

Значительная роль романизации не признавалась румынскими публицистами романтического направления, склонных к идеализации даков и занижению роли Рима. Михаил Садовяну писал в 1933 году, что не понимал «зачем надо обосновывать наше исключительно римское происхождение и достоинство, чтобы стать великим народом». Садовяну выводил румын от даков, а не от римских колонистов: «склонен довольствоваться более происхождением от даков, я считаю для себя честью быть потомком коренных жителей». Позднее, в 1941 году, Дж. Кэлинеску писал, что «мы забавлялись по поводу нашего латинства, в то время как на самом деле мы являемся гетами, духу галлов и бриттов здесь должен соответствовать дух гетов»³⁹⁵.

Самый заметный рецидив ранней романтической традиции на настоящем этапе - это исследование Василе Стати «История Молдовы». Занимая маргинальные позиции в современной румыно-молдавской историографии, отрицая существование единого румынского народа и двух румынских государств, Стати признает существование молдаван, которых рассматривает как «наследников свободных даков». Что касается романизации, то он оценивает ее негативно, определяя как «кровавые римские достижения» и «самое зверское, самое кровавое римское завоевание». Стати считает, что «предки молдаван, свободные даки, не были в римских цепях»³⁹⁶.

В ряде европейских государств изучение национальной истории традиционно связывается с проблемами античной, в том числе и римской, истории. Именно по данной причине, для некоторых стран античность, в том числе и сам процесс романизации – это часть национальной истории, ее неотъемлемые составляющие. Это накладывает ряд отпечатков на изучение истории романизации. Нередко в национальных историографиях ро-

³⁹⁴ См.: Одобеску А. Избранное / А. Одобеску. - М., 1984. - С. 70, 78, 192.

³⁹⁵ Sadoveanu M. Mărturisiri / M. Sadoveanu. - București, 1960; Sadoveanu M. Drumuri Basarabene / M. Sadoveanu. - București, 1992; Călinescu G. Istoria literaturii române / G. Călinescu. - București, 1941.

³⁹⁶ Стати В. История Молдовы / В. Стати. - Кишинев, 2003. - С. 16 - 17.

манизация идеализировалась, рассматривалась как прогрессивное явление, а та или иная современная нация объявлялась наследницей Римской Империи. Особенно в этом преуспела румынская историческая наука в лице ее определенных националистически настроенных представителей.

Процесс романизации затронул большинство римских провинций. Провинции Римской Империи в историографии традиционно делят на несколько групп: 1) *северо-западные* (Корсика, Сардиния, Бетика, Лузитания, Тарраконская Испания, Нарбонская Галлия, Аквитания, Лугудунская Галлия, Белгика, Британия, Нижняя Германия, Верхняя Германия); 2) *южные* (Сардиния, Африка, Нумидия, Мавритания); 3) *дунайско-балканские* (Реция, Норик, Паннония, Далмация, Верхняя Мёзия, Нижняя Мёзия, Дакция, Фракия, Македония, Эпир, Ахайя); 4) *восточные* (Азия, Вифиния и Понт, Киликия, Сирия, Палестина, Галатия, Каппадокия, Ликия и Памфилия, Аравия, Египет, Крит, Киренаика).

Рассматривая проблему понятия «романизация» в отечественной и зарубежной исторической литературе мы неизбежно столкнемся не только с различными оценками ее результатов и последствий, но и с несколькими определениями самой «романизации». Одна из первых попыток определения процесса романизации в советской историографии была предпринята А. Рановичем в исследовании «Восточные провинции Римской Империи», вышедшей в 1949 году. А. Ранович рассматривал романизацию как внешнее выражение включения эксплуататорских групп местного населения в состав господствующего класса, что в итоге вело к исчезновению и сглаживанию этнических различий. Романизация, согласно А. Рановичу, это – «органическое слияние провинций с империей»³⁹⁷.

Другой современник А. Рановича О.В. Кудрявцев писал, что романизация представляла собой не только распространение латинского языка и римской культуры. Согласно его концепции, романизация – это, прежде всего, распространение «городов римского типа», которые принесли с собой античную форму собственности и рабовладельческий способ производства. Параллельно он отмечал, что романизацию можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле, романизация – это «распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм свойственным коренным областями римского мира», распространение латинского языка и латинской культуры, которое в городах шло гораздо быстрее, чем в сельской местности. Именно частью этой романизации был процесс урбанизации³⁹⁸.

Один из крупнейших специалистов по романской проблематике советского периода В.Ф. Шишмарев определял романизацию как длительный процесс, связанный с заменой одних традиционных устоев другими:

---

³⁹⁷ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 38, 41, 259.

³⁹⁸ Кудрявцев О.В. Проблема периодизации... - С. 292; Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 160 – 162.

«ассимиляция явилась результатом многовековой упорной борьбы; “сад империи” вырос на почве, обильно политой кровью борющихся и то, что называется ”романизацией” населения Италии было не только перевоспитанием покоренных народов, но грубой и жестокой ломкой всех их традиций и жизни»³⁹⁹, - писал он.

Н.А. Чаплыгина предложила несколько иное определение романизации. Согласно ее концепции, под романизацией следует понимать процесс взаимодействия римской и провинциальной культур. Определяя природу данного процесса, она указывала на то, что романизация, прежде всего, была не культурно-историческим, а социально-экономическим процессом. Начало романизации Н.А. Чаплыгина совершенно верно связывает с установлением римского господства в том или ином регионе. В качестве составных элементов процесса романизации Н.А. Чаплыгина определяла урбанизацию, распространение римских городских общин (муниципий), создание сети военных лагерей, колонизация италиками или выходцами из ранее романизованных провинций⁴⁰⁰.

В западной историографии сложилось несколько различных пониманий процесса «романизации». Например, согласно Д.Р. Тёрнэру, романизация была историческим процессом, в результате которого территории, захваченные Римом или населенные римскими гражданами были включены в единое политическое пространство. Определяя содержание романизации, Д.Р. Тёрнэр делает вывод, что процесс был направлен на то, чтобы «в контексте империи все граждане идентифицировали себя с римлянами»⁴⁰¹.

Современная румыно-молдавская историография рассматривает романизацию как «многогранный исторический процесс, в ходе которого римская цивилизация проникает во все сферы жизни провинции и приводит к замещению языка коренного населения языком латинским». Современная румыно-молдавская историография указывает на крайнюю хронологическую растянутость процесса романизации. Романизация рассматривается и как «интеграция» тех или иных провинций в структуру Римской Империи⁴⁰².

Некоторые современные молдавские авторы, повторяя слова румынского историка Н. Йорги, отмечают, что романизация поставила особую «печать Рима», после чего возникли условия для появления румын. В рамках такого подхода романизация определяется как «важнейший этап в эт-

---

³⁹⁹ См.: Шишмарев В.Ф. Избранные статьи. История итальянской культуры и итальянского языка / В.Ф. Шишмарев. - Л., 1972. - С. 7.

⁴⁰⁰ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 76.

⁴⁰¹ Turner D.R. Ruminations on Romanisation in the East or, the Metanarrative in History / D.R. Turner // *Assemblage*. - Vol. 4.

⁴⁰² История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22.

ногенезе румынского народа». Нередко процесс романизации сводится к, своего рода, особому «этнокультурному синтезу»⁴⁰³, который в итоге привел к формированию румынского народа и румынского языка. Данная точка зрения в максимальной степени характерна для румынской и молдавской историографий, где процесс романизации рассматривается как неотъемлемая часть национальной румынской истории.

Роль завоевания в процессе романизации провинций констатирует уже Т. Моммзен. Он считал, что государственная мудрость римлян состояла не в том, что они могли завоевывать различные территории, но смогли на протяжении длительного времени оставаться их властителями⁴⁰⁴. Хотя в историографии, главным образом западной, существует концепция о мирной колонизации и романизации. К числу ее сторонников принадлежал американский историк Ф. Мэрш, который в исследовании «Современные проблемы в античном мире» утверждал, что римляне никому и никогда не навязывали своей политики, но они всюду лишь сохраняли местное самоуправление, сохраняя свободы местного населения. Что касается романизации, то она, согласно историку, была очень привлекательной для «примитивных жителей провинций»⁴⁰⁵.

Данная тенденция, тенденция завоевания и захвата новых территорий, имела общий характер, была характерна для образования большинства римских провинций. Например, завоеванию Галлии предшествовал целый ряд военных операций – в 225 году до н.э. были покорены кельты Этрурии, в 202 году до н.э. был разгромлен Ганнибал, в составе армии которого были кельтские отряды, в период между 197 – 133 годами до н.э. были покорены кельты Испании. Все эти акции приближали римлян к собственно Галлии – очагу тогдашней кельтской культуры и цивилизации. Что касается Галлии, то появление первых римских отрядов на ее территории может быть датировано 125 годом до н.э., а завоевание Внутренней Галлии имело место в 58 году до н.э.

В процессе завоевания новых территорий римляне нередко пытались опираться на местную знать. В этой опоре они видели источник не только успешного завоевания, но и сохранения захваченных территорий. Кроме этого местная знать контролировала непрочные государственные образования, которые не смогли противостоять римской агрессии⁴⁰⁶.

Отличительной чертой процесса романизации являлось распространение римской воинской мощи на ново захваченные территории. Это было совершенно закономерное явление, так как именно армии Рим был обязан

---

⁴⁰³ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций / И.А. Ожог, И.М. Шаров. - Кишинев, 1997. - С. 30; История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 21 - 23.

⁴⁰⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С.7.

⁴⁰⁵ Marsh F. Modern Problems in Ancient World / F. Marsh. - NY., 1943. - P. 4.

⁴⁰⁶ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 18, 51.

появлением той или иной новой провинции. Именно по данной причине, на территории каждой новообразованной провинции римские власти предпочитали оставлять крупные военные силы⁴⁰⁷. Особенно актуально использование военной силы было для романизации Британии. Сам этот процесс на островной территории со значительными культурными отличиями от соседних земель, с определенным уровнем политического и значительной степенью культурного развития был просто неосуществим без увеличения численности римской армии. Однако, несмотря на наличие на острове значительной римской военной группировки, латинские порядки между валами Пия и Адриана прочно не привились⁴⁰⁸.

Римские части широко использовались для перемещений и переселений местного неримского населения. Например, в провинции Иллирик иллирийцы были насильно согнаны с их исконных земель и поселены на новых территориях, которые находились в непосредственной близости от расположения римских войск. Особенно активно такая политика в Иллирике начала проводиться с 167 года до н.э.⁴⁰⁹

Римская армия может быть названа каналом романизации, причем одним из самых важных ее путей. Ее значение в процессе романизации было замечено еще О.В. Кудрявцевым, который отзывался о ней как об «орудии романизации». В одной из своих работ, посвященных истории провинций, историк отмечал, что «воинские части были авангардом римской колонизации ... они автоматически способствовали разложению примитивных общественных отношений, вовлекая крестьянскую массу в орбиту денежных отношений». С другой стороны, романизации способствовала и служба в рядах римской армии выходцев из провинций, которые «прослужив определенный срок в римских частях, превращались в римлян, становясь оплотом римского владычества в стране»⁴¹⁰.

Однако, в современной историографии завоевание уже не рассматривается как основной признак необходимый для романизации. Молдавско-румынская историография, признавая роль завоевания, отмечает, что романизация не была бы возможна исключительно военными методами без высокого уровня развития местного населения. Ввод армии и привнесение римской администрации лишь изменяли его в соответствии с римскими образцами. Армия, правда, рассматривается, как «важный очаг романизации»⁴¹¹.

---

⁴⁰⁷ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 97.

⁴⁰⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 87.

⁴⁰⁹ Малеванный А.М. История иллирийцев... - С. 215.

⁴¹⁰ Кудрявцев О.В. Дунайская граница... - С. 176; Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 313 – 314.

⁴¹¹ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22, 25.

Римское завоевание, как правило, вело к появлению римских колоний. Современный молдавский историк Василе Стати пишет, что колонизация означает «внедрение римской системы хозяйствования и администрирования во всех областях». Колонизация не означала полного истребления местного населения, на что в частности неоднократно указывали румынские историки, как в Румынии, так и в Молдове⁴¹². При этом в историографии существует мнение, что местные племена, например - в Дакии, все же в значительной степени были истреблены или перешли на территории неподконтрольные Риму⁴¹³. Например, современный молдавский исследователь В.Стати считает, что римляне «почти полностью истребили гетов на оккупированной территории». Такая политика определенная им как «квизитотальное истребление». Василе Стати по этому поводу пишет: «ни в одной из поработанных территорий романизация не имела таких трагических последствий как в Дакии: исчез идентифицирующий признак коренного населения - название языка»⁴¹⁴.

Колонизация была самым тесным образом связана с романизацией местного населения провинций. Колонии могли создаваться римскими властями для укрепления своего положения, для предотвращения восстаний покоренных территорий и народов. Благодаря колониям и колониальной политике Рим становился доминирующей силой, а римляне большинством, вытесняя или ассимилируя местное население⁴¹⁵.

История Рима знает два пути создания колоний в ново захваченных провинциях. Колонии римских граждан могли основываться в результате переселения солдат и ветеранов. Например, путем поселения ветеранов в значительной степени была романизирована Паннония, хотя на ее территории было немало и гражданских колонистов, как правило, вольноотпущенников и их потомков⁴¹⁶. Появление колонии, или «массированная колонизация романизированными элементами»⁴¹⁷, могло быть и результатом переселения торговцев и крестьян из Италии или других уже в достаточной степени романизированных и урбанизированных и, по данной причине, страдающих переселением, территорий. Нередко переселение это могло иметь и стихийный характер⁴¹⁸. Примечательно, что в процессе колони-

---

⁴¹² Стати В. История Молдовы. - С. 19; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Римляне в Карпато-Дунайских землях... - С. 5.

⁴¹³ Daicoviciu C. Problema continuității în Dacia / C. Daicoviciu // Anaurul Institutului de studii clasice. - Cluj, 1936 - 1940; Alfoldi A. Daci e Romani în Transilvania / A. Alfoldi. - Budapest, 1940; Russu I. Daco-geții în Dacia romană / I. Russu // Contribuții la cunoașterea regiunii Hunedoara. - Deva, 1956; Protase D. Problema continuității în Dacia / D. Protase. - București, 1966.

⁴¹⁴ Стати В. История Молдовы. - С. 18 - 19.

⁴¹⁵ Зелинский Ф.Ф. Римская республика / Ф.Ф. Зелинский. - СПб., 2002. - С. 71.

⁴¹⁶ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 76, 90

⁴¹⁷ Стати В. История Молдовы. - С. 18.

⁴¹⁸ Малеванный А.М. История иллирийцев... - С. 210, 213, 215.

зации и романизации, по мнению отечественной исследовательницы Н.А. Чаплыгиной, этническая принадлежность человека не играла особой роли⁴¹⁹.

Колонизация приносила не только волны колонистов, которые сменяли одна другую. Она привнесла и ряд более важных изменений, чем простая смена населения. Романизация несла нормы римского права, которые постепенно стали применяться не только в самой Италии, но и в римских провинциях⁴²⁰. В противостоянии двух форм ведения хозяйства и развития экономических отношений победителем могла стать только более совершенная и развитая римская форма и римский хозяйственный уклад⁴²¹.

Параллельно с размещением на территории новых провинций войск, римские власти проводили и политику планомерного поселения римских граждан – именно, по данной причине, колонизация была важной составляющей всего процесса романизации⁴²². На территории провинций появлялось новое население, своего рода – «пришлый римский элемент», проводивший периодически насильственные переселения местных жителей⁴²³.

Подобная римская политика ставила целью подорвать экономическую мощь местного нероманского населения. По данной причине, племена постепенно утратили статус собственников земель, на которых проживали, превратившись в арендаторов. Для более успешной реализации такой политики римские власти пошли на рассредоточение одного племени на обширной территории, чтобы разрушить внутренние связи в его структуре. В связи с этим примечательна и показательна судьба кельтского племени бревков обитавшего на территории Паннонии: одна его часть была объединена в общину с амантинами, а вторая – с карнакатами. Кроме этого различные племена могли объединяться в рамках одной общины: например, таким образом в Паннонии были объединены бойи и азалы. Однако данная политика имела и более далекие цели помимо ослабления племен: формирование на их базе общин стало переходным звеном в создании муниципий⁴²⁴. В связи с этим особенно актуальны слова итальянского историка А. Феррабино, которые звучат таким образом: «Рим обладал искусством разумно создавать пропорцию между счастьем победителей и несчастьем побежденных»⁴²⁵.

---

⁴¹⁹ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 78.

⁴²⁰ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 58.

⁴²¹ Красновская Н.А. Процессы формирования периферийных этносов в Италии / Н.А. Красновская // Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы. - М., 1989. - С. 56.

⁴²² Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 97.

⁴²³ Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 3, 42.

⁴²⁴ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 58 – 62.

⁴²⁵ Ferrabino A. L'essenza del romanesimo / A. Ferrabino. - Roma, 1957. - P. 104.

При этом в колониционный процесс были втянуты не только выходцы из собственно Италии – например, в колонизации Дакии активное участие приняли выходцы из азиатских регионов Римской Империи. Что касается, выходцев из Италии в Дакии их было не так много. Из Италии в Дакию переселились, в частности, выходцы из Апулии и Лукании⁴²⁶. Тезис о значительной роли колонизации в процессе романизации присутствует и в современной историографии. Румынские историки рассматривают колонизацию как одно из важнейших направлений всего процесса романизации. Они считают, что именно колонизация способствовала распространению латыни. Историки Молдовы пишут, что «расселившиеся большими замкнутыми группами, колонисты становятся действенным очагом романизации»⁴²⁷.

Социальные процессы в период «первой волны» модернизации

Практически на территории всех провинций Рим «следовал своей традиционной политике»⁴²⁸ - строительству городов. Особая роль в романизации, наряду с поселением римских граждан, принадлежала и той части римской политики, которая была направлена на строительство новых городов, которые стали, своего рода, центрами «интенсивной романизации»⁴²⁹, или «средством социальной и культурной урбанизации провинций». Однако Рим не был последователен в своей политики урбанизации – например, во Внутренней Далмации римские власти сознательно сохраняли неурбанизированные территории для того, чтобы позднее использовать их для набора местного населения во вспомогательные войска⁴³⁰.

По данной причине, именно жители городов первыми начинали говорить на латыни. Привлечение местного доримского населения в города, согласно М.Н. Новикову, способствовало его аккультурации⁴³¹. Роль и место городов в процессе романизации достаточно четко выразил М.И. Ростовцев: «городская жизнь по всей империи приняла однородные формы, духовные интересы и деловая жизнь в различных провинциях развивались приблизительно одинаково»⁴³². Романизация и урбанизация в провинциях Империи были процессами, вытекающими друг из друга и связанными са-

---

⁴²⁶ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 100.

⁴²⁷ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 24.

⁴²⁸ Зелинский Ф.Ф. Римская Империя / Ф.Ф. Зелинский. - СПб., 1999. - С. 82.

⁴²⁹ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 197.

⁴³⁰ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 82.

⁴³¹ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии / М.Н. Новиков // Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы. - М., 1989. - С. 17.

⁴³² Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 181.

мым теснейшим образом⁴³³. Практически всегда в качестве центров романизации выступали новые города, основанные римлянами. Например, по мнению известного отечественного историка М.И. Ростовцева именно римлянам принадлежит заслуга полной урбанизации территории Испании⁴³⁴. Обитателями этих городов на раннем этапе их истории была армия и римские ветераны⁴³⁵.

В случае если на территории ново образованных провинций уже существовали города, то романизация в них могла приобретать форму смешения пришлого населения с местным. Такая ситуация во многом была характерна для Паннонии, где наиболее романизированным городом следует считать Эмону. Залогом ее успешной и относительно быстрой романизации стала колонизация территории италиками и близость к самой Италии, с которой город поддерживал экономические связи⁴³⁶. Если же римляне приходили на территории, которые ранее не знали собственной городской культуры или не подверглись влиянию греческой цивилизации – в таких регионах римское влияние и романизация проявлялись в наиболее чистом виде. В том случае если города были ранее, имело место сохранение элементов доримского периода⁴³⁷.

Процесс романизации особенно быстро протекал в городах, ставшими очагами и центрами социальной и культурной романизации⁴³⁸, на жизни которых и составе населения ее результаты сказались относительно рано. В большинстве провинций, например – в Иллирике, в первую очередь романизации подверглось мужское население городов, чему немало содействовали торговые контакты с Италией, в то время как сельское население (в основном старики и женщины) были подвержены процессу романизации в гораздо меньшей степени⁴³⁹. Русский историк А. Будилович прокомментировал эти особенности процесса романизации таким образом: «прямолинейные дороги прорезали Апеннины и равнины во всех направлениях, вековые римские мосты смелыми арками перекинулись через реки, каналами осушили мареммы, водопроводы связали горные ключи с городскими фонтанами. Бесчисленные народы были приведены к осознанию сначала политического, а потом и национального единства»⁴⁴⁰.

Римская колонизация и урбанизация вели и к привнесению на территорию провинций и новых социальных явлений. Романизация вела не толь-

---

⁴³³ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 86.

⁴³⁴ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 197.

⁴³⁵ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 103, 142.

⁴³⁶ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 92 – 93.

⁴³⁷ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 83, 89.

⁴³⁸ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 142.

⁴³⁹ Малеванный А.М. История иллирийцев... - С. 216.

⁴⁴⁰ Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы / А. Будилович. - Варшава, 1894. - С. 35.

ко к постепенному вытеснению национальных культур и языков, их заменой римско-латинскими традициями. Романизация бала силой способной на разрушение старых социальных порядков, структур и институтов. Вместо них на территорию провинций проникало социальное неравенство⁴⁴¹.

Нередко романизация вела к тому, что старинные господствующие классы вытеснялись римлянами и говорившими на латыни италиками. Местное население могло полностью раствориться в среде римлян, усвоив их язык и культуру. Данная ситуация бала, например, характерна для Испании, южная часть которой, по словам М.И. Ростовцева, стала страной римской колонизации⁴⁴². Похожее мнение о смене социальной динамики в романизованных районах представлено и в работах О.В. Кудрявцева, констатировавшего, что западные провинции, измененные по образу и подобию Италии являли собой картину постепенного разрушения старых сословных делений⁴⁴³. Объективным результатом романизации было определенное повсеместное усложнение социальных отношений на захваченных территориях, превращенных в провинции. Советские авторы нередко описывали эти явления поверхностно и упрощенно. «Романизация вела и к определенному прогрессу в развитии местных производственных сил, но его благами пользовались, главным образом, господствующие классы, на долю же народа достался рабский удел», - это яркий образчик упрощенного советского марксистского понимания истории⁴⁴⁴.

Романизация имела во многом и прогрессивное значение, так как вела к установлению более сложных отношений, к распространению рабства и разрушения более древних общественных отношений и форм зависимости⁴⁴⁵. Романизация не только была силой разрушающей старые порядки, но она имела и определенную прогрессивную роль, так как вела к более активному развитию уже существующих явлений, например – торговли. На определенных этапах римской экспансии романизация и торговля шли рука об руку: торговля способствовала проникновению римской цивилизации, а романизация, в свою очередь, развитию торговых отношений⁴⁴⁶.

Социальные изменения, вызванные процессом романизации, находят достаточно широкое отражение в находках археологии – например, романизация Британии вылилась в появление на ее территории богатых погребений. Социальные изменения отразились и в региональном плане: расслоение населения юга Британии шло гораздо быстрыми темпами, чем население севера, меньше знакомого с римскими традициями и культурой.

---

⁴⁴¹ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 103.

⁴⁴² Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 198.

⁴⁴³ Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 309 – 310.

⁴⁴⁴ Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства / Н.А. Мохов. - Кишинев, 1969. - С. 11.

⁴⁴⁵ Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 309.

⁴⁴⁶ Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 154.

Самым важным социальным последствием романизации стало распространение римского гражданства. Вхождение той или иной территории в состав Империи вело к проникновению туда римского судебного аппарата, римских законов, что выливалось в упразднение местных законов, если такие существовали, или обычного права в случае если законы еще не получили развития.⁴⁴⁷ В итоге этот процесс привел к уравниванию Италии как центра империи с другими провинциями⁴⁴⁸.

Первым результатом романизации подобного плана было то, что со временем все население империи обрело римское гражданство. Обретение римского гражданства нередко было шагом на пути к разрыву со старой этнической общностью. Статус римского гражданина нес для жителя провинций немалые перспективы. При этом, по наблюдению О.В. Кудрявцева, распространение римского гражданства в значительной степени способствовало укреплению связей между римским центром и провинциями. Распространение гражданства способствовало романизации и по той причине, что оно открывало провинциальной знати путь к всадническому или сенаторскому сословию. Однако со временем римское гражданство стало явлением нивелированным, то есть римских граждан стало так много, что само гражданство уже не влекло за собой каких-либо особых прав. Комментируя такую эволюцию римского права, О.В. Кудрявцев писал, что «римское гражданство и право перестали быть тем, чем они были во времена полиса Рима и Латинского Союза, а превратилось в привилегии все шире приобретаемые населением»⁴⁴⁹.

Несмотря на то, что романизация была процессом длительным она имела ряд важных результатов. После успешного проведения романизации, по словам О.В. Кудрявцева, латинская литература начала свое превращение в литературу мировую⁴⁵⁰. Мнение отечественного историка – одно из самых верных и точных определений последствий и результатов процесса романизации. При анализе культурно-языковых и этнических последствий романизации следует принимать во внимание то, что в рамках Империи можно выделять две группы провинций – западную и восточную. В то время как западные провинции были почти полностью романизированы и урбанизированы, восточные провинции были урбанизированы еще до прихода римлян, но романизация здесь не принесла значительных результатов, а имела поверхностный характер⁴⁵¹. В первую очередь после романизации мир стал римским. *PAX ROMANA* стал политической реальностью, населенным особым типом человека – своего рода, человеком римским. Это был человек, часто перемещающийся из одной части империи в

---

⁴⁴⁷ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 42.

⁴⁴⁸ Кудрявцев О.В. Проблема периодизации... - С. 292.

⁴⁴⁹ Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 311, 324.

⁴⁵⁰ Кудрявцев О.В. Проблемы периодизации... - С. 292.

⁴⁵¹ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 3.

другую, он постоянно сталкивался с людьми самого разного этнического происхождения, он быстро терял связи со своими соплеменниками и поверхностно усваивал римскую культуру. Римское гражданство, которое он получал после службы в армии, завершало процесс его романизации. Он, будучи римским гражданином, считался римлянином, а его родным языком должна была стать латынь⁴⁵².

Рассматривая этого «человека», историография, как отечественная, так и зарубежная обратились к проблеме определения его этнической принадлежности. Большинство историков советского периода предпочитали избегать ответа на это сложный вопрос, так как советская историческая традиция выводила национальные общности, в лучшем случае, из средневекового периода. По данной причине, предпочитали писать просто о «романизованном населении», которое говорило на латинском языке⁴⁵³. Такое явление в современной историографии оценивается как «лингвистическая романизация»⁴⁵⁴.

Тем не менее, некоторые советские авторы все же позволяли себе рассуждения по данной проблеме, которые, как правило, носили абстрактный характер, так как в их распоряжении не было источников, которые в значительной степени отражали бы этнический компонент их создателей и авторов. Ряд зарубежных историков для обозначения населения Империи, в большей или меньшей степени, романизованного использовал термин «романы». Такой подход, например, представлен в работах П. Мутафчиева⁴⁵⁵. Советская историография этот тезис, как правило, не принимала, а подвергала его критике. Советские историки считали, что, несмотря на романизацию, отдельные группы населения сохраняли свои старые этнонимы⁴⁵⁶.

При этом данное утверждение советской историографии во многом уязвимо, так как старые этнонимы представлены, главным образом, в римских источниках и могут рассматриваться как названия ассоциируемые Римом с жителями той или иной территории входящей в состав империи, что вовсе не означает того, что проживавшее там население могло быть в значительной степени отличной от римлян. Кроме этого старые этнонимы в период существования Римской Империи могли изменить свое значение, превратившись из понятий обозначавших ту или иную общность, в понятия, которые использовались для обозначения лишь территории.

---

⁴⁵² Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 161.

⁴⁵³ Мохов Н.А. Формирование молдавского народа... - С. 7.

⁴⁵⁴ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 24.

⁴⁵⁵ Mutaftchiev P. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens / P. Mutaftchiev. - Sofia, 1932.

⁴⁵⁶ Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки формирования нации / В.И. Козлов // Формирование молдавской буржуазной нации. - Кишинев, 1978. - С. 28.

Романизация, сделав мир более единым, нередко превращала политическое деление в чисто географическое. Именно романизация приводила к разрушению племенных границ. В романизированной Британии округ стал понятием чисто географическим, так как многие британские племена просто были романизированы, население стало монолитным, а этнические различия исчезли. При этом в Британии все же употребление латыни, по мнению Т. Моммзена, видимо получило меньшее распространение чем на материке⁴⁵⁷.

При изучении культурно-языковых последствий романизации следует принимать во внимание и различие ее результатов и последствий. Ряд территорий был романизирован полностью и местные языки через два-три поколения исчезали о чем свидетельствует постепенное исчезновение кельтских имен с римскими фамилиями на территории современной Швейцарии – на смену им пришли как римские имена, так и фамилии⁴⁵⁸. Так же глубоко были романизированы и балкако-дунайские провинции Римской Империи. Наиболее последовательной, длительной и интенсивной романизации были подвергнуты населенные фраками и иллирийцами Далмация, Македония, Верхняя и Нижняя Мёзия.

В не меньшей степени была романизирована и Дакия, которая в отличие от четырех названных провинций находилась в составе Римской Империи не так долго. Если Далмация, Македония, Верхняя и Нижняя Мёзия, по подсчетам В.И. Козлова, существовали в составе Империи 400 – 500 лет, то Дакия – лишь 169 лет⁴⁵⁹. Известно, что в ряде случаев ее результаты, наоборот, были весьма ограниченными. В ходе романизации римские традиции сочетались с местными, но это не означало обязательного распространения латинского языка и римской материальной культуры. Порой романизация затрагивала лишь верхи местного общества. В ряде случаев романизация имела в качестве своего элемента варваризацию, так как она затрагивала все местное население, которое предавало римским колонистам определенные элементы своей культуры. Такая ситуация имела место в Дакии, где даки восприняли римскую культуру со значительным сохранением элементов своей собственной культуры⁴⁶⁰.

В советской историографии достаточно сильно было мнение, что романизация была не в силах сломить и разрушить старые этнические общности. Римская Империя никогда не была единой – она не была единым политическим и государственным образованием. Римская Империя не знала политического единства. Она представляла собой совокупность народностей и племен, которые, в свою очередь, в значительной степени были

---

⁴⁵⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 101 – 102.

⁴⁵⁸ Staehelin F. Die Schweiz in römische Zeit / F. Staehelin. - Basel, 1948. - S. 128, 494 – 496.

⁴⁵⁹ Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки формирования нации. - С. 27 – 28.

⁴⁶⁰ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 81.

отличными друг от друга, так как имели свою экономическую базу и говорили на различных языках⁴⁶¹. Подобное мнение, правда, в несколько измененном виде можно найти в ряде работ современных румыно-молдавских историков. Современная румыно-молдавская историография не признает того, что в ходе романизации местное доримское население подвергалось полному уничтожению. Поэтому, румынские авторы пишут о непрерывности этнического развития гето-дакийского населения в провинции Дакия: «непрерывность исторического развития гето-даков - определяющий фактор в развитии процесса соединения местного населения с населением романским». Более того, «именно непрерывность этнического развития гето-даков на пространстве, населенном ими, и после 106 года служила фундаментом дако-романского синтеза»⁴⁶².

Разнообразие Римской Империи стимулировалась и тем, что разные римские провинции вошли в ее состав в различное время. Кроме этого романизация римских провинций протекала с различными темпами. Например, западные районы современной Швейцарии были романизированы раньше, чем восточные. Это следует объяснять тем, что запад перешел под римский контроль раньше, дороги и города строились там более активно⁴⁶³. При этом часть из них тяготела к латинскому Западу (например, Мезия)⁴⁶⁴. Другие (например, балкано-дунайские), вошедшие наиболее поздно, латинскими полностью так никогда и не стали, а, наоборот, сохраняли значительные отличия как друг от друга, так и от массива романизированных провинций. Различие провинций, ограниченность романизации может быть объяснена не только сопротивлением со стороны местного населения, но и тем, что рядом с римскими колонистами, романизированным населением жили племена, сохранившие свою этническую специфику.

Рассмотренные выше особенности процесса романизации, как правило, описывают и характеризуют романизацию в социально-экономических и политических категориях. При этом следует принимать во внимание и то, что романизация вела к значительным культурным изменениям. Важнейшие изменения, вызванные романизацией, в среде культурных перемен – это изменения языковые, связанные с вытеснением местных языков, которые уступали свои позиции латыни.

Романизация, как отмечено, вела к вытеснению местных языков и их замене латынью. Однако этот общий для романизации процесс проходил по-разному. Скорее всего можно выделить два типа языковой романизации местного населения – тип А и тип В. Тип А представляет собой романизацию родственных латыни языков италиков, населения Апеннинского по-

---

⁴⁶¹ Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 3.

⁴⁶² История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22 - 23.

⁴⁶³ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 18.

⁴⁶⁴ Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 147.

луострова. «Среди италиков стал довольно быстро распространяться латинский язык. Им нетрудно было его усвоить по нескольким причинам, так как их собственные языки грамматически и лексически были близки латинскому»⁴⁶⁵, - так характеризует ситуацию Н.А. Красновская.

Г. Мольт описывал данный процесс несколько иначе, отмечая, что «первое проникновение Рима и латинского языка на италийские территории начинается почти с VI века до н.э. но только позже, во II веке, после Ганнибала Рим начинает колонизировать и латинизировать Европу, создавая в ней римские земли. Таким образом, латинский язык в Италии развивается, преобразуется и изменяется в течении трех-четырех столетий, прежде чем проникнуть в другие районы Европы. В этом случае нельзя не признать, что народная латынь стала естественным изменением латинского языка в устах фалисков, умбров или марсов. Это результат своего рода компромисса между *sermo rusticus* Лация и народными диалектами, которые были так близки к нему по своим формам и по словарю»⁴⁶⁶.

Что касается типа В, то он связан с романизацией нероманских языков, что вело к возникновению в латыни диалектных особенностей. Отличительная черта романизации нероманских языков состоит в том, что в данном направлении Рим достиг немалых успехов, лишь в ряде случаев не был не в состоянии поглотить несколько языков. В связи с этим совершенно правильно замечание французского историка Ш.-А. Жюльена, согласно которому «Рим не знал расовой и религиозной ненависти, но по политическим соображениям не допускал много языков кроме латинского»⁴⁶⁷.

Рассматривая процесс романизации, следует принимать во внимание и то, что она несла изменения не только новым территориям, но и культурным феноменам общеримского значения, например латыни. Подчинив огромные территории, распространив на них латынь как язык не только администрации, но и ежедневного общения Рим, не желая того, привел к началу процесса формирования отличных друг от друга диалектов. Их различия стимулировались и тем, что латынь воспринимала разные элементы местных доримских языков. М. Н. Новиков начало формирования диалектов латыни датирует I – II веками⁴⁶⁸.

Пример такого постепенного дробления латыни - провинция Дакия. Гето-дакийские крестьяне воспринимали латынь не сразу, а постепенно, в ходе контактов с городским населением. В результате они все-таки переняли латынь и начали говорить на ней, забыв свой собственный язык, который в сельской местности еще сохранялся. Постепенно он вытесняется и

---

⁴⁶⁵ Красновская Н.А. Процессы формирования... - С. 49.

⁴⁶⁶ Mohl G. Introduction a la chronologie du latin vulgaire / G. Mohl. - Paris, 1899. - P. 16 – 17.

⁴⁶⁷ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис – Алжир – Марокко. С древнейших времен до арабского завоевания / Ш.-А. Жюльен. - М., 1961. - С. 231.

⁴⁶⁸ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 17.

оттуда, уступая место латыни. Начав говорить на латыни, дакийские крестьяне постепенно перестают быть даками - они дают детям латинские имена, которые постепенно вытесняют дакийские, максимально распространенным языком становится латынь. В Дакии, как и других провинциях, широкое распространение получила народная латынь, которая грамматически была романским языком, но лексически содержала значительные дороманские элементы⁴⁶⁹. Именно в этом и в смешении римлян с местным населением отечественная исследовательница Н.А. Красновская видит истоки формирования современных романских наций⁴⁷⁰.

Идентичностные измерения модернизационных процессов

Определив в самых общих чертах, что представлял собой процесс романизации и, рассмотрев его важнейшие проявления, например – урбанизацию, следует принимать во внимание, что нигде романизация не только не протекала одинаково и равномерно, но и имела разные формы, проявления. При изучении процесса романизации как модернизационного процесса особо следует остановиться на результатах процесса. Степень романизации во всех провинциях Римской Империи была крайне различной. Процесс романизации протекал быстрее и ощутимее в городах. «Преобладание городского образа жизни»⁴⁷¹ могло играть ведущую роль в романизации. В таком случае романизация могла проходить на протяжении жизни двух-трех поколений. В сельской местности романизация протекала более медленно.

Как правило, в первую очередь романизации подвергалась местная знать. Правда, степень данной романизации, что было доказано еще М.И. Ростовцевым, была крайне различной⁴⁷². Наиболее раньше романизации подвергались представители местной племенной знати, которая могла получить римское гражданство еще тогда, когда большая часть населения не говорила на латыни, а сохраняла приверженность местному языку. Именно по данной причине, население нелатинского происхождения с римским гражданством было незначительным⁴⁷³.

В одной из наиболее старых римских провинций, Испании, несмотря на то, что романизация шла успешно, часть населения все же не была романизирована. Горные области страны не привлекли достаточного количества римских колонистов. По данной причине, в горной Испании процессы

---

⁴⁶⁹ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 26.

⁴⁷⁰ Красновская Н.А. Процессы формирования... - С. 48.

⁴⁷¹ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 33.

⁴⁷² Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 181.

⁴⁷³ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 62, 66.

романизации и урбанизации не были глубокими, а, наоборот, отличались поверхностностью, так как смогли затронуть лишь верхушку местного населения, оставив в то же время совершенно нетронутыми систему племен и кланов⁴⁷⁴.

В целом, в отечественной историографии, когда речь заходила о степени и глубине романизации, то, как правило, выделялось два типа романизации – социальная и культурная⁴⁷⁵. Процесс романизации предусматривал не просто включение той или иной территории в сферу римского политического влияния. Он требовал полной инкорпорированности, лишения политической независимости. Как правило, этот процесс приобретал форму завоевания, «военного характера колонизации»⁴⁷⁶. Процесс романизации был невозможен без изменения самого облика завоеванной территории. Проявлением этих, привнесенных Римом, изменений были строительство дорог и городов. «Римские власти строили дороги, главным образом, в стратегических целях и придавали огромное значение контролю над ними»⁴⁷⁷, - отмечает Красновская. Например, на территории Швейцарии римское строительство дорог может быть датировано периодом с I века до н.э. по I век н.э. М.Н. Новиков считает, что именно строительство дорог и городов было важным элементом в романизации той или иной территории. Дороги и города несли в провинции культуру Рима, все достижения римской культуры⁴⁷⁸.

Наиболее глубокая степень романизации вела и к изменению старого доримского ландшафта. Романизация нередко вела к чисто внешним изменениям ландшафта. Шло его постепенное приспособление под нужды римских колонистов. В качестве образца романизации ландшафта использовалась Италия. Римские власти принимали меры к строительству дорог и мостов. Города строились или перестраивались в соответствии с римскими градостроительными нормами⁴⁷⁹.

Романизация привела к объединению значительной части известных на тот момент земель в рамках одного государства. Многие культуры и цивилизации были включены в состав Римской Империи. Рим взял под контроль Грецию, колыбель античной цивилизации, чем обеспечил ей несколько веков относительно стабильного существования. При этом в историографии существует концепция, согласно которой Рим был инкорпорирован в состав эллинистической культуры, а не наоборот⁴⁸⁰.

---

⁴⁷⁴ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 199.

⁴⁷⁵ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 3.

⁴⁷⁶ Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 147.

⁴⁷⁷ Красновская Н.А. Процессы формирования... - С. 55.

⁴⁷⁸ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 17.

⁴⁷⁹ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 75.

⁴⁸⁰ См.: Turner D.R. Ruminations on Romanisation in the East or, the Metanarrative in History / D.R. Turner // *Assemblage*. - Vol. 4.

Наиболее романизированными оказались западные провинции. В наиболее романизированных провинциях местные языки, как правило, погибали, будучи вытесненными латынью, оставляя от себя очень мало следов.⁴⁸¹ Второй по степени романизации регион находился в районе Балкан и Дуная. Молдавский историк В.И. Козлов комментировал это так: «в результате политики романизации на Балканах возникла большая по территории романоязычная область», на территории которой, по его словам, «разноплеменное население развивалось под влиянием римской культуры», что постепенно вынуждало его общаться между собой только при помощи латыни⁴⁸².

Романизация в данном регионе (да и на территории всей Римской Империи вообще) была процессом очень длительным, и на ранних этапах римляне были вынуждены считаться с местными реалиями и условиями. Один из самых ярких примеров такой романизации – романизация Галлии. В Галлии на раннем этапе своего владычества римляне сохранили внутреннее устройство округов и допустили, по словам Т. Моммзена, «нечто вроде национального самоуправления ... даровали кельтам национальное устройство, насколько это было совместимо с суверенитетом Рима», сделав, однако, обязательным употребление латыни. Из-за такой ограниченной романизации «прежний кельтский дух и исконная кельтская неукротимость не исчезли бесследно». При этом в историографии нередко в историографии подчеркивается, что Галлия принадлежала к числу наиболее романизированных провинций, где процесс романизации протекал относительно естественно, без давления извне. Романизация достигла успехов в Галлии повсеместно за исключением ее южных территорий, а сами «галлы менее всего помышляли от того, чтобы не считать себя римлянами, так как тогда уже существовала римская национальность». При этом в романизации Галлии проступала определенная двойственность: на юге римляне смогли создать муниципии, а на севере были вынуждены считаться еще с племенной организацией или ее определенными элементами⁴⁸³.

Аналогичные идеи можно найти и в отечественной историографии. Например, Н.А. Чаплыгина подчеркивала, что на захваченных территориях римляне стремились учитывать сложившиеся отношения и часто шли на сохранение уже существующих традиций⁴⁸⁴. В ряде случаев местное население провинций расставалось со своими национальными традициями с легкостью. В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с традициями не национальными, а племенными. Данная ситуация была характерна, например, для Норика, где местное, по предположению Т. Моммзена – иллирийское, население «не обнаружило привязанности к национальному языку».

---

⁴⁸¹ Мохов Н.А. Формирование молдавского народа... - С. 10.

⁴⁸² Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки... - С. 28.

⁴⁸³ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 8 – 17.

⁴⁸⁴ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 20.

По данной причине, преобладание римского языка и обычаев началось в данном регионе относительно рано⁴⁸⁵.

Как ни была развита римская культура, несмотря на огромную роль латыни, многие провинции смогли сохранить свою национальную неповторимость, обладали определенной спецификой и были этнически выделены из всего массива римских провинций. По словам немецкого историка Т. Моммзена, особую неудачу Рим потерпел в романизации германцев - «вместо романизации германцев мы встречаем германизацию римлян»⁴⁸⁶. Такое развитие ряда провинций следует объяснять тем, что на их территории романизация в первую очередь была урбанизацией, и римская культура не смогла проникнуть дальше городских стен.

В ряду подобных провинций особенно примечательна Дакия, которая, как известно, вошла в состав Империи позже всех остальных провинций. О степени и особенностях романизации Дакии в историографии не существует единства мнений. Часть румынских авторов считала, что римляне полностью истребили даков⁴⁸⁷. Согласно советскому антиковедению, местное дакийское население, продолжавшее жить на территории провинции в сельской местности, говорило не на латыни, а на дакийском языке, точнее – на различных диалектах последнего. Большая часть населения провинции оказалась не в состоянии органически воспринять римскую культуру. Вместо подлинной романизации и латинизации в провинции Дакия имело место скорее элементарное подражание римской культуре, а романизация была поверхностной⁴⁸⁸.

Вместе с тем, постепенно романизация дала свои результаты. Польский исследователь Ф.Ф. Зелинский, комментируя это, писал, что «Дакия становилась Романией и это название до сих пор сохранилась в сегодняшней Румынии. И не только название - язык жителей этой страны - потомок латинского; здесь образовался еще один оазис романизации у Черного моря среди славянских племен, мадьяров и турок. Народ этой страны считает Траяна своим предком и творцом культуры»⁴⁸⁹. Несколько иное, во многом отличное от советской историографии мнение, можно найти в работах румынских историков. Румынский исследователь Д. Берчу был склонен считать, что процесс романизации Дакии не имел поверхностного характера, а был глубоким и последовательным. Более того, процесс рома-

---

⁴⁸⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 106.

⁴⁸⁶ Там же. - С. 82.

⁴⁸⁷ Daicoviciu C. Problema continuității în Dacia / C. Daicoviciu // Anaurul Institutului de studii clasice. - Cluj, 1936 - 1940; Alfoldi A. Daci e Romani în Transilvania / A. Alfoldi. - Budapest, 1940; Russu I. Daco-geții în Dacia romană / I. Russu // Contribuții la cunoașterea regiunii Hunedoara. - Deva. 1956; Protase D. Problema continuității în Dacia / D. Protase. - București, 1966.

⁴⁸⁸ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 162.

⁴⁸⁹ Зелинский Ф.Ф. Римская Империя. - С. 270.

низации не ограничивался одной провинцией Дакия, а затронул и соседнее, родственное дакам, население. Таким образом, романизированные даки в римской провинции сами стали распространителями «романизма». Он считал, что в итоге романизировано было все население вплоть до Днестра. Берчу, отрицая «спекулятивные взгляды некоторых иностранных историков о молдавском народе, сложившимся вне территории Римской Дакии и на несколько иной этнической основе»⁴⁹⁰, проводил прямой континуитет между населением римского времени, романизированными жителями постримского периода и современными румынами Румынии и Молдовы.

По данной причине, создавая новые провинции римляне были вынуждены считаться с местными условиями – именно по данной причине, они шли на порой искусственное сохранение местных племен, правда изменив систему их управления поставив над ними римских военных командиров, что позволяло контролировать жителей провинций, еще в недостаточной степени романизированных⁴⁹¹. Что касается Дакии, которая стала римской провинцией позднее всех остальных провинций, входивших в состав Империи, усиленная колонизация в форме поселения на ее территории ветеранов и римское господство в целом настолько глубоко затронули территорию, что определили ее развитие на протяжении следующих столетий⁴⁹². Именно в современной Румынии, значительная часть территорий которой расположена на бывших дакийских землях, население говорит на языке, который похож на древнюю латынь гораздо больше, чем итальянский – язык Италии, исторического ядра Римской Империи. Не достигла особых успехов романизации и на территории другой римской провинции – Мёзии. Несмотря на то, что основную часть колонистов на ее территории составили римские ветераны, романизация отличалась в данном регионе, по мнению отечественной исследовательницы Т.Д. Златковской, незначительной степенью завершенности⁴⁹³.

Если в рассмотренных европейских провинциях романизация принесла довольно ощутимые результаты, то в азиатских провинциях романизация была поверхностной – сами римляне, скорее всего и не стремились к полной перестройки данного массива территорий по образу и подобию Италии, так как, видимо, понимали невыполнимость данной задачи. Именно, по данной причине, в азиатском регионе римская цивилизация «представлена слабее и имеет искаженные формы»⁴⁹⁴. В провинции Азия романизация и модернизация охватила только города, причем привилегированные слои городского населения, а римская культура прививалась с большими сложностями. При этом сами римляне в течение длительного време-

---

⁴⁹⁰ Berciu D. Romanitatea romanilor / D. Berciu. - București, 1972.

⁴⁹¹ Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 46.

⁴⁹² Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 4, 152.

⁴⁹³ Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 85.

⁴⁹⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 118, 213.

ни предпочитали не вмешиваться в жизнь провинции, не смешиваясь с местным населением, которое, по данной причине, относительно поздно начало осваивать римскую культуру. В другой восточной провинции, в Ликии, римская власть положила конец самостоятельной местной политической жизни, а старый уклад жизни был окончательно разрушен – здесь империя с особенной силой проявила свою нивелирующую силу⁴⁹⁵.

Романизация и связанная с ней общая тенденция к модернизации в восточных провинциях была более медленной, чем западных – например, в Галатии и Каппадокии, где римляне вовсе не стремились к тому, чтобы считаться с местным укладом и исторически сложившимися этническими и политическими делениями, романизация коснулась незначительных масс населения, а превращение местных городов в города римского типа было очень длительным. Что касается Каппадокии, то в историографии она нередко рассматривается как наименее романизованная провинция Империи. Не смог Рим романизовать и Сирию – романизация коснулась ее крайне слабо, римское влияние было крайне заметно в городах, римляне не смогли подавить влияние местного языка и литературы, они оказались в силах стать законодателями только в строительстве дорог и проведении водопроводов. В Сирии романизации подверглась, главным образом, знать, стремившаяся войти в состав господствующего класса Империи в целом. Для этого ей, правда, пришлось усвоить латынь⁴⁹⁶.

В отечественной и зарубежной историографии процесс романизации нередко завершается тем этапом, на котором местное доримское население перестает быть таковым, так как утрачивает свои национальные черты, превращаясь в какой-то степени в римлян и воспринимает латынь в качестве родного языка. Что касается вывода римской администрации и легионов из некоторых провинций, то этот момент вообще нередко интерпретируется как кризис империи, после которого говорить о дальнейшем развитии римской Империи не приходится. Однако современная румыно-молдавская историография во многом пересмотрела эту точку зрения и рассматривает события данного периода как «продолжение процесса романизации»⁴⁹⁷.

Эвакуация римской администрации из Дакии в 271 году и переселение части романизованного населения в 275 не рассматриваются как завершающие моменты в процессе романизации. Современные румынские и молдавские историки считают, что романизация имела место и после этого, приобретя, правда, иные формы и проявления. Если раньше важнейшими факторами, способствовавшими романизации были легионы и администрация, то с их исчезновением «основным очагом романизации к севе-

---

⁴⁹⁵ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 38 – 39, 94, 111.

⁴⁹⁶ Там же. - С. 116 – 117, 126, 142, 158 – 159.

⁴⁹⁷ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 38

ру от Дуная остается римское и романизованное население»⁴⁹⁸. Современные молдавские историки считают, что романизация и римское влияние знаменует собой не просто «основной этап в формировании румынского народа». Они придерживаются мнения, что романизация не ограничивается исключительно римским периодом, а продолжалось и в дальнейшем «посредством влияния с южно-дунайских территорий Восточной Римской, а позже Византийской империи, а также смешением романизованного населения бывших провинций со свободными гето-даками»⁴⁹⁹.

Если советская историография была склонна рассматривать исчезновение границы как источник проблем для Рима, что выразилось в участившихся нападениях варварских племен, то современная историография Молдовы считает, что исчезновение границы, наоборот, вовлекло в орбиту романизации новые этнические общности, так как «создала условия для распространения романизации по всей территории бывшей “свободной Дакии”». Согласно выводам большинства современных молдавских историков, свободные даки оказались вовлечены в процесс романизации еще в период существования границы, а с конца III века н.э. эти тенденции к романизации лишь усиливались, из-за чего их противодействие процессу романизации «значительно ослабло», а сами они «переняли язык и более высокую культуру романизованного населения»⁵⁰⁰.

Поэтому, молдавские историки считают возможным писать не только о продолжении процесса романизации после эвакуации войск и администрации, но и развивают теорию прямой дако-римской преемственности. Рассматривая данную проблему, они отмечают, что дако-римский континуитет подтверждается археологическими свидетельствами, данными эпиграфики, нумизматики и данными языка⁵⁰¹. Современная молдавская историография указывает и еще на один фактор, роль которого в советской исторической науке не признавалась. Молдавские историки считают, что романизации в значительной степени способствовало распространение христианства: «важнейшим фактором романизации гето-даков в последний период явилась христианская религия, которая проникает далеко на север от Дуная еще во времена римского владычества». Молдавские историки считают, что христианство вело к романизации, так как оно «способствовало возрастанию доверия к ценностям римской культуры, к латинскому языку». Именно христианство в современной молдавско-румынской историографии преподносится как важнейший стимул романизации. Молдавские историки считают, что оно привело к «исчезновению психологического и духовного противодействия процессу романизации, существовав-

---

⁴⁹⁸ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 27.

⁴⁹⁹ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 38.

⁵⁰⁰ История румын с древнейших времен до наших дней. - С. 27.

⁵⁰¹ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 39 - 40.

шему в момент первых контактов с римским миром». Именно после этого, согласно молдавской историографии, «романизация приобрела более глубокий характер, стала необратимой»⁵⁰².

Что касается завершения процесса романизации (как первой европейской модернизационной волны), то его окончание в современной молдово-румынской историографии датируется VI - VIII столетиями. Завершение процесса романизации историки современной Молдовы связывают с появлением румынского народа. Молдавские историки склонны считать, что «VI веке процесс романизации проходит свою последнюю стадию и завершается к концу VIII века образованием румынского народа»⁵⁰³.

Таким образом, на самом раннем этапе модернизационные процессы изначально развивались как процессы комплексные, сложные и взаимосвязанные между собой. Отличительной чертой модернизации, которая протекала в контексте романизации, охватив значительную часть Европы было то, что модернизация была принесена в тот регион из Римской Республики, которая в результате территориального расширения трансформировалась в империю. В этой ситуации, формированию империи предшествовала модернизация самой республики, которая вывела ее на новый этап развития, позволив предложить новым территориям такой концепт их интеграции, который означал ломку старых традиционных отношений и структур при значительной интеграции в имперский контекст.

Именно это и было основным содержанием ранней модернизации. Исторически этот этап модернизации завершился с распадом Римской Империей и появлением на территории Европы новых государственных образований, которым спустя несколько столетий было суждено стать национальными государствами. Иными словами, предпосылки для последующих волн европейской модернизации были заложены именно в эпоху романизации, которая дала Европе ряд основополагающих принципов ее будущего функционирования и успешного обновления – от римской графики до римского права.

---

⁵⁰² История румын с древнейших времен до наших дней. - С. 27 - 28.

⁵⁰³ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 43.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ (ТЮРКСКОЙ) ПЕРИФЕРИИ В РОССИИ

Интеллектуальные предпосылки модернизации внутренней периферии – Советский проект модернизации национального региона (1920 – 1930-е гг.) – Интеграция и модернизация национальной периферии в контексте развития политической лояльности – Проблемы модернизации и интеграции периферии в период «высокого сталинизма»

Интеллектуальные предпосылки модернизации внутренней периферии

XIX и XX столетия стали веками национализма. Национализм стал той политической идеологией, которая широко использовалась не только для популяризации идеи национального освобождения, но для самого освобождения, демократического развития и гражданского строительства. Поэтому, национализм отличался значительным модернизационным потенциалом. Для народов, которые не имели своей национальной государственности, национализм стал той, школой, где они открыли для себя ценности свободы и демократии. Нередко в исторической литературе господствует принцип евроцентризма и история национализма ограничивается Центральной, Восточной, Южной и Западной Европой. Но национализм, националистические движения развивались и в той части Европы, которая в силу исторических обстоятельств оказалась частью России и, поэтому, была исключена из общеевропейского исторического процесса.

Если для европейских угнетенных народов национализм стал действенным средством, в первую очередь, их политической и государственной институционализации и, во вторую, модернизации, то для восточно-финских и тюркских народов России национализм оказался и действенным средством именно модернизации – политической, социальной и культурной. Национализм имел модернизационное значение и в Восточной Европе, но там его модернизационный потенциал раскрылся еще в XIX веке. В России сложилась иная ситуация – национальные движения восточно-финских и тюркских народов начались «с опозданием» и в наиболее активную фазу перешли уже в XX веке, после революционных перемен 1917 года. Победа большевиков оказала существенное влияние на вектор развития национализма.

Чувашское национальное движение началось во второй половине XIX века и развивалось, главным образом, как культурное течение. К 1917 году чувашки уже обрели некоторый литературный опыт. Иными словами, к началу политических и социальных экспериментов большевиков чувашские

интеллектуалы, среди которых было немало левоориентированных авторов, подошли частично к ним готовыми. В целом чувашская культура демонстрирует уникальный дискурс стремительной, сознательно направленной, модернизации, чего не знает история соседних тюркских и восточно-финских народов. Речь идет о чувашском поэте Мишши Сеспеле (1899 – 1922), благодаря деятельности которого чувашская культура стремительно нагнала культуры европейские.

Сеспель – фигура знаковая в истории чувашской литературы. Вероятно, это самый модернистский чувашский поэт, жизнь которого в чем-то повторила основные тенденции той эпохи. И то, что в 1922 году Сеспель, по словам Хумма Семене, за свою короткую жизнь «успев страстно прокричать о любви к родному народу»⁵⁰⁴, покончил жизнь самоубийством подчеркивает его особый статус: он ломал устоявшиеся нормы не только в поэзии, но и в поведении. Комментируя биографию Мишши Сеспеля, Атнер Хузангай пишет, что «из всех чувашских поэтов — реализовался наиболее личностно, вплоть до самораспинания себя и своей Родины на коммунистическом кресте. В огне своих борений, в своей мучительной любви, в своем жертвенном национализме он выходил на христианский подвиг как мятежник, как богоборец, как бы проецируя себя в будущее»⁵⁰⁵. После своей смерти Сеспель оказался в центре многочисленных дискуссий между чувашскими интеллектуалами и их русскими московскими цензорами и кураторами. В этом идейном противостоянии, вероятно, победила именно чувашская национально ориентированная интеллигенция и усилиями гуманитариев интеллектуалов Сеспель был возведен в негласный пантеон отцов нации⁵⁰⁶.

Сеспель – поэт идей. Вероятно, на протяжении его жизни в творчестве поэта доминировали, взаимно переплетаясь и дополняя друг друга, несколько основных идей. С ними, идеями («*шухайсемпе*»), нередко не соглашалась критика, но даже оппоненты Сеспеля признавали уникальность его стихов. Для своего, даже революционного, времени Сеспель был слишком модернен, современен и оригинален. Например, в 1924 году, два года спустя после гибели поэта, журнал «Сунтал» писал, что «с идеями Мишши Сеспеля редакция согласится не может. Однако с технической стороны стихи настолько хороши, что это трудно даже выразить. Среди чувашских поэтов очень мало таких, которые писали бы как Сеспель. Поэтому, мы публикуем его стихи»⁵⁰⁷.

В значительной части произведений Мишши Сеспеля доминирует национальный нарратив, который в ряде случаев сочетался с религиозным.

---

⁵⁰⁴ Хумма Семенё. Пирён писательсем / Хумма Семенё // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

⁵⁰⁵ Хузангай А. Во имя... / А. Хузангай // Дружба народов. – 1999. – № 5.

⁵⁰⁶ Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии).

⁵⁰⁷ Сунтал. – 1924. – № 1.

Одно из стихотворений поэт начал с отсылки читателя к явно религиозному сюжету, воскликнув «*Или! Или! Лима савахвани!*» («Боже! Боже! Зачем ты оставил меня!»⁵⁰⁸), тем самым повторив слова распятого Иисуса Христа. Для Сеспеля характерен достаточно легкий переход с религиозной на светскую, национально маркированную, проблематику. Начав словами распятого Христа, Сеспель продолжает сравнением своей родины с религиозным гонимым мучеником: «край мой распят – гляжу и горю... одинок его крест среди пустыни». Такая дихотомия «светское – религиозное» сопровождается у Сеспеля и игрой цветов. Он создает мир, постепенно погружающийся во тьму, мир, где «недрузи света» спрятали солнце, которое, как кажется Сеспелю, «не проглянет уже никогда». Но Сеспель все же оставляет своему герою, не человеку, а герою-народу, возможность выбора. И словно в порыве отчаяния или бунта восставший человек низвергает крест.

Образ поверженного креста не имеет антирелигиозного характера, а проникнут, скорее, пафосом утверждения нового, триумфа современности над старым миром. В этом контексте Сеспель выступает как трибун, как глашатай масс, что давало повод авторам 1930-х годов писать, что «Сеспель был одним из тех, кто своим проникновенным словом делал (коммунистические) идеи достоянием масс»⁵⁰⁹, а критикам 1970-х годов утверждать, что Сеспель верил в то, что «вдохновляющей силой и ядром в освободительной борьбе были пролетариат и коммунистическая партия»⁵¹⁰.

Но и утверждение нового, что в принципе поэт приветствует, оказывается далеко не самым приятным. Поэтому, настоящее, современность – это наименее приятные образы в творческом наследии Сеспеля. Современность стала для него своеобразной пыткой, истязанием и тяжелой борьбой за существование. «дороги... на дорогах трупы... у околиц – мертвые кости... тяжко, тяжко, душно» («*Ѕулсем... Ѕулсем синче вилесем, укълчасем панче вил шймсем... Ах, йывър, йывър, пӓчӓ*»)⁵¹¹ – именно такие слова нашел поэт для описания современности. С другой стороны, для него было характерно осознание того, что современность временна, уходяща. Вероятно, прав, в связи с этим Атнер Хузангай, когда пишет, что Мишши Сес-

---

⁵⁰⁸ Мишши Сеспель несколько раз переиздавался на чувашском и на русском языках. См.: *Ѕеҫпӗл Мишши. Сӓвӓсем / Ѕеҫпӗл Мишши.* – Шупашкар, 1940; *Ѕеҫпӗл Мишши. Хурҫӓ шанчӓк / Ѕеҫпӗл Мишши* – Шупашкар, 1948; Сеспель М. Стальная вера / М. Сеспель. – Чебоксары, 1948 (1979).

⁵⁰⁹ Кузнецов И.Д. *Ѕеҫпӗл Мишши пултаруляхӓ тавра* / И.Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 6 августа.

⁵¹⁰ Павлов Н.С. Михаил Сеспель в чувашском литературоведении / Н.С. Павлов // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 57.

⁵¹¹ Тексты Сеспеля Мишши цит. по: Сеспель М. Стальная вера. Стихи / М. Сеспель / перевод с чувашского П. Панченко. – Чебоксары, 1979. – 56 с.

пель открывает новый этап в развитии чувашской культуры⁵¹². Именно с Сеспеля начинается ее современность.

Поэтому, возникают новые образы, призванные модернизировать идентичность – смерть старого мира становится временем рождения мира нового: «Эй! Вы живые через трупы, по грудам костей... к солнечному завтра мост резной перекиньте» («Эй! Эсир, чёррисем, вилесем урлă, шăм куписем синче хёвеллĕ ыран енне кёпер чёнтёрлёр»). В такой ситуации устремленности в будущее одна человеческая жизнь теряет свое значение и уже для поэта ничего не значит и его собственная жизнь. Он словно приносит себя в жертву на алтаре агрессивно рождающейся современности: «я упаду без сил, втопчите меня в прах, смело топчите мое сердце... сломайте мне шею... прошу меня швырнуть под мост» («Эпĕ халрав кайса ўксессĕн, ман урлă таптаса каçса кайăр, тимёр урăрсемпе чёрем сине хăюллăн таптăр. Ах! Таптăр. Ёнсене хуçăр»).

В поэзии Сеспеля разворачивается не просто история чувашей, Сеспель пытался показать, как она разворачивалась в традиционном ландшафте, который постепенно стал частью чувашского национального самосознания. Для Сеспеля чувашская история предстает как череда сменяющих друг друга трагедий и неудач («со времен стародавних жил чувашский народ в неволе, какого только горя не мыкал, какой муки не претерпел он, чтобы сберечь родное чувашское слово»), величайшая из которых разделение чувашского народа, которого пытались лишить и родного языка («кто куда разбежались они, в глушь дремучих лесов... сирий, горемычный чувашин! Разлучили тебя с братьями и сестрами. По-чувашски и пикнуть не давали тебе чужаки»). На смену такой истории грядет чувашский век, в которой чуваша станут подлинными активными творцами своего нового мира. Поэтому, Сеспель и призывал чувашей трудиться во имя чувашского завтра: «Чăваш тĕнчи сывархăн чух... Чăвашăн кунĕ йăваш-ши! Анаслă ыйăхăн айши – Вырăнлă-ши?... Вырăнлă-ши?» («Когда наступит чувашская эра, может ли душа чуваша быть кроткой? А сон с широкой зевотой уместен ли?... уместен ли?»).

Сеспель в своей поэзии формирует новый образ чуваша – творца и борца. Это уже не тот неграмотный, темный и забитый чуваш, угнетаемый русскими православными попами и помещиками, над которым смеются русские жители города: «Авалхи кунсен ёречĕ ун чунне тпта-тапта, ун чунне чёри тĕпне хурлăхлăх юрри хăварнă» («Старый мир, глумясь над его душой, в его душе, глубине сердца оставил напев печали»). Это уже совершенно другой, новый, человек. Герой поэзии Сеспеля – это именно чуваш с чувашским сердцем. Поэтому, Сеспель, обращаясь к читателю, призывал: «Чăваш чёри! Хăюлăх вучаххи пулса тăр!» («Сердце чуваша! Стань

---

⁵¹² Хузангай А. Книга Пигамбара, или Какое наследие мы имеем / А. Хузангай // Новый ЛИК. – 2002. – № 1.

горном отваги»), «О, сердце, бейся отважнее, пой веселее песню отваги» («*Чёрем, сик хяюллан, хавассан, хяюлах юрри кёвёле*»). Такой герой разрушает старый мир ради нового: «*Эй, вёре, вутлă юн! Эй Сён Кун, йăлтăр Кун, кив сёре сунтарса, сун! сун! сун!*» («Эй, бурли, огненная кровь! Эй, Новый День, светлый День, сжигая старую землю гори! гори! гори!»).

Поэзия Сеспеля националистична, но националистический дискурс более очевиден в драматических опытах поэта. Сеспель, не без оснований, в бедах чувашей в прошлом винил русскую администрацию, чиновников, которые не проявляли к чувашам никакого сочувствия. Известна недописанная пьеса «Чувашский поэт» («*Чăваш поэчĕ*»), в центре которой – трагедия молодого чуваша Яхрава, исключенного из университета за то, что он придерживался национальных идей и стремился к лучшему будущему для чувашей. В порыве гнева Яхрав обвиняет во всем русских: «*ăста курнă эс чăваш ирĕклĕ пурăннине. Вырăсла чăваш пĕрех пулнăран мана университетран кăларса ячĕç-и?*» («...где ты видела, чтобы чуваша жили свободно? Разве потому, что русские и чуваша на одном положении, меня исключили из университета»). Яхрав, будучи националистом, обвиняет свою знакомую Анук в том, что она не видит разницы в том быть русским или чувашом. Яхрав последователен в своих взглядах, он верит, что «*чăваш та пусмăрçăсене хирĕç тавăрма пĕлĕ*» («и чуваша сумеют отплатить своим притеснителям»), «*вăхăт ситĕ, чăваш патша ури айĕнчен ирĕке тухĕ*» («настанет время и чуваш вырвется на свободу из-под пяты царизма»)⁵¹³.

Герой поэзии Сеспеля – это, действительно, герой коллективный, активно создающая сама себя чувашская нация. В каком-то смысле поэзия Сеспеля – массовая не в том контексте, что она проста (поэтическое наследие Сеспеля – один из наиболее сложных для восприятия феноменов в чувашской литературной традиции XX века), но в контексте того, что поэт соотносил себя с чувашской нацией в целом: «*Кăвар чёрем – пин сын чёри. Эп пёр сын мар – эп хам пин-пин. Эп пин чăваш, эп пин-пин сын! Чёрем юрри – пин сын юрри*» («мое огненное сердце – сердце тысяч людей. Я не один – я сам тысяча тысяч человек! Песня моего сердца – песня тысяч людей»). В поэтическом наследии Сеспеля чуваш предстает как человек земли, как пахарь, «человек сохи», активно вступающий в новый мир, где «солнце новой жизни будет над землей гореть». Этот новый мир в поэзии Сеспеля явно социально окрашен. В такой ситуации в его стихах заметны и социальные мотивы. Мы находим и «обездоленный люд», который с трудом выживал, будучи угнетаемым и социально и национально. В такой ситуации поэзия Сеспеля словно играет цветами, а сама цветовая гамма имеет не просто художественное значение.

⁵¹³ Романова Ф.А. Драматургический опыт Михаила Сеспеля (Наброски его пьесы «Чувашский поэт») / Ф.А. Романова // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 191.

Чередование и смена цветов не только обогащает язык поэзии Сеспеля («*тăван чĕлхене юратма кĕртет*»⁵¹⁴ – «любовь к родному языку», по мнению критиков, отличало поэзию Сеспеля), но вводит читателя в социальный контекст авторского текста. Белый цвет в поэтическом наследии Сеспеля окрашен в холодные и, поэтому, отталкивающие тона. Зима для Сеспеля – это злое время, время сна, сковывающего силы и потенции народа. В стихах Сеспеля мы находим противостояние белого цвета с красным, противостояние огня и снега. В этом противостоянии стихий, по мысли Сеспеля, победа будет за огнем. Образ огня, как и некоторые другие мотивы поэзии Сеспеля, так же социально детерминирован: если в «буйном ветре», в «пыльном небосводе» гибнет герой Сеспеля, то смерть – категория второстепенная. Гораздо важнее то, что «красный флаг», который был в руках героя, сохраняет свое значение, становясь уже новым символом, указывающим направление в будущее.

За столь тонкое умение играть цветами в 1920 – 1930-е годы Сеспель критиковался чувашскими авторами, которые, с одной стороны, возводили его на пьедестал, как основателя чувашской советской литературы, как певца Октября (например, чувашский поэт Н. Васянка охарактеризовал Сеспеля как «*хĕрĕллĕ поэт... Аслă Октябрь тивлетне мухтаканскер*» – «пламенного поэта... воспевающего успехи Великого Октября»), но, с другой, и критиковали за то, что например, «в период чехословацкого мятежа коммунист Сеспель отождествлял понятия «чувашский язык» и «революция», распростирясь ниц перед всем чувашским, он скатывался к националистическим мотивам, а его пламенное сердце искрилось шовинизмом»⁵¹⁵.

Поэзия Сеспеля глубоко лирична, хотя в одном из стихотворений он и провозгласил, что настало новое время – «*Вăхăт – ачашилăх вăхăч мар*» («время не для нежностей»). В поэзии Сеспеля мы находим совершенно особый тип восприятия времени – это, своего рода, красное кровавое время. И в этом водовороте современности для Сеспеля одна эпоха умирает и ее меняет новый век: «*Кивви çĕтет, çĕрсе çĕтет кивви. Чĕре кĕтет хĕвеллĕ ёмĕре*» («старое исчезнет, сгинет и исчезнет старое, сердце жаждет нового солнечного века»). И пока происходит смена эпох «*Юн тулмать, юн тулмать – хĕрлĕ юн*» («капает кровь, капает кровь – красная кровь»).

В поэтическом наследии Сеспеля поражает его цветовая палитра в сочетании со значительным национальным чувством. В своей поэзии Сеспель предстает как смелый экспериментатор, новатор чувашского языка. Именно эти языковые искания и эксперименты позволили критикам заявить, что «талант Сеспеля был очень могуч... он, подобно блеску молнии, волновал сердца и убеждал, что на чувашском языке возможна высокоху-

---

⁵¹⁴ Хумма Çеменĕ. Пирĕн писательсем / Хумма Çеменĕ // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

⁵¹⁵ Çеçпĕл Мишши. Сăвăсем / Çеçпĕл Мишши. – Шупашкар, 1928. – С. 5.

дожественная литература»⁵¹⁶. Подобно европейским националистам, которые значительное внимание уделяли развитию своих национальных языков, Сеспель так же немало писал о чувашском языке. Для Сеспеля чувашский язык – реальная связь времен, которая соединяет различные поколения чувашей. В этом языковом тематическом измерении его поэзии мы находим, и национальный и цветовой дискурсы, которые расширяются и свет уже сменяется огнем, белое становится снежным...

Развитие чувашского языка, «ласкового языка», который, как казалось Сеспелю должен «гореть жаром солнца» («*Чăваш чĕлхи, чăваш чĕлхи хĕвел кăварене вултан*»), было знаменем нового революционного времени, эпохи утверждения современности, победы нового модерна над традицией и архаикой: «мир очищен от старья огнем свободы и... стал белым, белый свет... с тьмой исчезли униженья... ты, чувашский наш язык, увидел свет». Чувашский язык в поэзии Сеспеля уподобляется огню, пожару, выжигающему старый мир. В такой ситуации, язык становится мощным каналом модернизации чувашской культуры, который успешно использовал Сеспель. Вокруг такого отношения к языку среди чувашских интеллектуалов уже после смерти Сеспеля развернулась полемика. Часть наиболее одиозно настроенных критиков обвиняла его в национализме, другие, наоборот, пытались доказать, что языковое новаторство Сеспеля изначально имело революционный характер⁵¹⁷.

Сеспель приветствовал приход к власти большевиков и активно поддерживал их. С другой стороны, его отношение к революции было двойственным. Он позитивно отнесся к тому, что именно большевики принесли не только социальное, но и национальное освобождение. Но именно национальному компоненту в революции он отдавал приоритет. Вероятно, Сеспель воспринял революцию как именно акт национального протеста против политики русификации и подавления национальных культур, которая в целом была характерна для России до 1917 года. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что писал Сеспель в 1920 году: «революция вдохнула в нашу жизнь новый животворный дух... всюду и во всем – Возрождение... стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его... надо искать новые пути... надо наметить правильную линию»⁵¹⁸. Идеи Возрождения, точнее – рождения Нового мира – занимают одно из центральных мест в творчестве Сеспеля. Для Сеспеля характерно сочетание идей социального и национального возрождения, национального и социального освобождения. Поэтому он приветствовал то, как «возрождается моя страна... в деревнях с

⁵¹⁶ Хумма Семенё. Пирён писательсем / Хумма Семенё // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

⁵¹⁷ Кузнецов И.Д. Хальхи поэзие истори синчен (Сеспёл Мишши синчен калашнă маях) / И.Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 7 августа.

⁵¹⁸ Сеспёл Мишши. Сăва ырассипе ударени правилисем / Сеспёл Мишши // Канаш. – 1920. – 17 ноября.

низенькими избушками веет новый, животворный дух» («*Сёршывам чёрлет! Пёчик пүртсемлĕ ялсенче... Сён сывлăш чун уçса вĕрет*»).

Этот национально маркированный нарратив, характерный для творческого наследия Сеспеля, был понят далеко не всеми его современниками. Уже после смерти, в условиях признания заслуг, Сеспель все же подвергался критике за приверженность «чувашскому буржуазному национализму», за то, что не смог избавиться в своих стихах «от налета какой-то грусти, одиночества и байронизма»⁵¹⁹. В 1933 году критик Д. Данилов обвинял Сеспеля в том, что тот «не давал четкого классового освещения причин, которые привели чувашский язык к крайнему захирению». Сеспель критиковался официальной советской критикой 1930-х годов за то, что он «романтически мученический ореол вокруг прошлого и излишне преувеличенное романтическое представление о боевой силе чувашского языка»⁵²⁰.

Языковая тема – одна из центральных в творчестве Сеспеля. Для поэта родной язык – не просто один из атрибутов чувашской нации. Для него язык является проявлением ее силы, будущности: «*Йывăр асапран та, тимĕр сăнчăртан та эсĕ парăнмасăр хăтăлтăн пулсан – пулас пурнăçра та сивĕпче хăватлăх ют чĕлхесенчен те кая пулмĕ сан*» («если ты выдержал непокорно тяжкие пытки и железные оковы, то и в грядущей жизни по остроте и силе ты не уступишь другим языкам»). Именно поэтому Мишши Сеспель обращается к современникам с призывами не забывать чувашский язык, но, наоборот, развивать и поддерживать его: «*Часрах килсе хăватлăх кĕртчĕ чăвашăн капăр чĕлхине*» («Приди скорее и дай силу красивому чувашскому языку»).

Чувашский язык в поэзии Сеспеля – это сама современность, жесткая, железная, бескомпромиссная («настанет время – и чувашский язык сможет рубить железо... станет он острым, точно каленая сталь»). С другой стороны, это и традиционная культура с народной, полной архаики и прошлого, песней («настанет время – и грянет над землей чувашская песня... любовно восславит она чистое небо, радостный мир, красное солнце»). В такой ситуации чувашский язык играет почти мистическую роль связующего моста между тремя эпохами – седым чувашским прошлым, тревожным настоящим и светлым будущим чувашского мира. Параллельно чувашский язык «привязан» к чувашской земле. Таким образом, в поэзии Сеспеля утверждается триада «чувашская земля – чувашское время – чувашская нация». В такой ситуации чуваш превращается в человека будущего, в жителя новой эры.

---

⁵¹⁹ Васильев Н. За большевизацию чувашской литературы / Н. Васильев // Национальная книга. – 1931. – № 2.

⁵²⁰ Данилов Д. Октябрьская революция и чувашская литература / Д. Данилов // Советская Чувашия. – М., 1933. – С. 122.

Мишши Сеспель своими экспериментами над чувашским языком значительно обогатил его, вывел на новый уровень. Многие стоки его стихотворений звучат афористично: «*Чăвашан йăсĕ – хурăç пул*» («Чувашский ум, сверкай как сталь»), «*Асна чул кас ва тут кăлар*» («Умом режь камень, высеки огонь»), «*Куçна тĕлле хĕвел сине*» («Глаза – на солнце, рвись вперед»), «*Сырулăхан пулĕ тĕрĕс сулĕ, кĕнеке те пулĕ сĕршив мулĕ*» («Ученье – дорога к правде, книги – богатство родины»), «*Ман сунатлă вутлă чунăм, сĕн сĕре чĕнен чĕре кĕреши вайне анчах кăмăлатть сак тĕнчере*» («Я душою огнекрылой, сердцем жарким, что зовет в обновленную страну, лишь борьбу могучей силы ставлю выше всех красот»).

Поэзия Сеспеля – феномен европейского масштаба, мы находим мотивы характерные и для европейских националистов. В творчестве европейских националистов конца XIX – начала XX века особое внимание занимал гендерный вопрос. Утверждение модернизма было немыслимо без утверждения новых норм в отношениях между полами. В Европе среди разрушителей старой морали, отказ от которой способствовал политизации женщин и радикальным переменам среди женских образов в литературе (на смену сентиментальной девице приходит свободная, иногда – распутно развязанная героиня, матери семейства – Мать-Отчизна), было немало националистов-мужчин. Чувашская, стремительно модернизирующаяся, культура начала XX века не стала исключением. Сеспель решительно выступает против того образа чувашской женщины, который пытались утвердить в литературе его предшественники. Для него она уже не просто девица, мать, сестра, женский образ у Сеспеля окрашен социально и национально. Сеспель радикально отрицает образ чувашской женщины, как забитой и бесправной, как образ женщины-рабыни, «от рождения, с которой было рабство».

Поэзия Сеспеля – это не просто совокупность модернистских экспериментов. В значительной степени его поэтическое наследие футуристично в том смысле, что будущее часто фигурирует в его стихах как одна из доминирующих тем. Будущее – категория, маркированная цветом и светом: «после темной бури день ясный улыбнется... мир весь обновится... кровь погибших... станет алым цветом». Для Сеспеля характерна своеобразная дихотомия «прошлое - будущее». В этой паре прошлое окрашено в темные и неприятно отталкивающие цвета, будущее, наоборот, ассоциируется, как правило, со светом, с позитивными эмоциями. Будущее, «новый день» для Сеспеля – это и в значительной степени чувашское будущее, своеобразный чувашский мир, время расцвета чувашского языка и культуры.

Поэтическое наследие Сеспеля имеет и еще одно измерение – морское. Исторически чуваша развивались как нация глубоко континентальная, отдаленная от морей и больших вод. Самыми водными образами в чувашской традиционной культуре были реки. Образ моря в поэзии Сеспеля,

подобно другим образам, так же имеет символический характер, являясь, с одной стороны, символом силы, которой, по мнению поэта, так не достаёт чувашам, и, с другой, символом постоянного развития и обновления. И именно на фоне моря становится очевидной та модернизаторская роль поэта, когда он осознаёт себя «поэтом новых чувашей». Море превращается в источник вдохновения, в способ приобщения к новому и неконтролируемому потоком, который несёт человека вперед, в случае с поэзией Сеспеля – в будущее. Сеспель словно национализирует море, создает уникальный дискурс чувашского моря: «море разбушевалось... море, ты могуче... громopodobным пением своих волн влей в мое сердце силы! Пусть оно яростно полыхает! Пусть наполнит огненными словами мою речь! Тогда, возвратись домой, все свои силы, силы моего сердца я отдам чувашской стороне без остатка. Обжигающими словами я разбужу молодые души: пусть перед ними откроется жизнь, пусть познают они красоту светлого мира».

История творчества Мишши Сеспеля – неотъемлемая часть истории чувашского национального движения XX века, развития чувашской национальной идентичности – в первую очередь, ее культурной составляющей. Национализм Сеспеля не ограничивался только поэтическими экспериментами. Иными словами, Сеспель не был исключительно культурным националистом. Участие Сеспеля в политике, членство в коммунистической партии и поддержка начинаний большевиков – все эти моменты из творческой и жизненной биографии Мишши Сеспеля свидетельствуют о том, что с деятельностью Сеспеля в истории чувашского национализма совпало начало нового этапа, отмеченным расширением сферы проявления национализма и националистической идеологии.

В том числе, благодаря деятельности Сеспеля чувашский национализм стал политическим, возникли условия для постепенной институционализации чувашского национального движения, в том числе – и в культурной сфере. Сеспель – фигура в истории чувашской националистической традиции знаковая и уникальная. Широко используя традиционную поэтику, традиционный стих, рифму в традиционном понимании этого слова, Сеспель никогда не был консерватором. Несмотря на преобладание внешне традиционной поэтической формы, поэзия Сеспеля уже далека от романтической традиции его предшественников. В творчестве Сеспеля мы наблюдаем разрыв с более ранней чувашской литературной традицией.

Игра Сеспеля со словом, с цветом, с языком – эти факторы в наибольшей степени подчеркивают уникальность его поэтического наследия. С другой стороны, за словом скрыт глубинный смысл авторского нарратива поэзии Сеспеля. За всеми этими белыми и красными цветами, железным словом и искренним желанием принимать участие в национальном возрождении чувашского народа скрывается новая поэтика, основы которой в чувашской литературе заложил именно Сеспель. Сеспель стал, пожалуй, первым советским модернистом, для которого вызовы современности, вы-

зовы модерна стали теми вызовами, которые бросили большевики своим политическим оппонентам.

В такой ситуации творчество Сеспеля предстает как многоплановый феномен – это национальная культура и культура советская. Такая игра в соединение советского и чувашского была опасной с политической точки зрения. Позднее, в 1930-е годы некоторые чувашские авторы, которые не сомневались в ценностях коммунизма, но были и умеренными чувашскими националистами, по причине чего – свято верили в возможность существования чувашского национализма, именно эти чувашские авторы, некоторые из которых пришли в литературу вместе с Сеспелем пали жертвами советских репрессий. Сеспель не стал дожидаться разгрома чувашской интеллигенции и сам затянул петлю в Украине в 1922 году – Сеспель был последовательным модернистом, низвергателем канонов.

Сеспель – яркий поэт, огненный ангел чувашской поэзии. Сеспель в значительной степени – это и поэт-одиночка. Одиночка в смысле уникальности и неповторимости своего таланта, но не в коем случае, что его наследие не было понято и он не нашел продолжателей. Чувашская культура после Сеспеля развивалась на им заложенном идейно-образном фундаменте. В советское время Сеспеля провозгласили отцом советской чувашской поэзии. Советские чувашские интеллектуалы ошиблись только в одном – Сеспель был отцом современной чувашской культуры в целом. В рамках советского канона ему было тесно...

Советский проект модернизации национального региона (1920 – 1930-е гг.)

Начало XX века было отмечено важными политическими процессами в жизни Российской Империи. Активизация национальных движений, общий кризис системы имперской администрации и неудачи в первой мировой войне привели к распаду Империи. Политические перемены сопровождались изменениями и в культурной жизни, где утвердился модернизм. Кризис империи и утверждение модерна способствовали и трансформации национальных идентичностей нерусских народов. Они становятся более современными, а культура начинает играть все большую роль в качестве канала транслирования идентичности. Первая четверть XX века – это эпоха трансформации национального дискурса в той части Европы, где распалась Российская Империя, уступив свое место СССР.

Канадский украинский историк Мырослав Шкандрий в одной из своих работ высказал интересное предположение о том, что в эволюции дискурса национальной культурной жизни нерусских народов можно выделить два этапа – этап неконтроля дискурса со стороны властей и этап покорения дискурса, его принудительной интеграции в советский культурный канон.

Шкандрий использовал эту дихотомию для изучения украинской истории, хотя методология, на которую он опирается, кажется вполне применимой и для изучения истории других нерусских народов, например, для истории чувашской литературы. Чувашский культурный дискурс достаточно хорошо исследован в категориях традиционного исторического или литературоведческого понимания. В категориях того понимания, которое мы находим, например, у М. Шкандрия, эта проблема практически не исследована. Но переложение этой методики на изучение новейшей истории Чувашии может оказаться продуктивным и дать результаты.

Революция 1917 года привела к демонтажу старых имперских нарративов, использовавшихся для описания роли и месте нерусских народов. Если раннее имперская администрация определяла нормы их поведения, то теперь они сами стали выстраивать свою культуру как свою собственную не интегрируя ее в новый советский канон. Это не означало того, что местные чувашские интеллектуалы обрели полную свободу – они были вынуждены проявлять свою лояльность, подчеркивая ее своим творчеством, акцентируя на нее внимание в своих произведениях. Такая ситуация привела к тому, что свобода относительно быстро прошла и чувашский культурный дискурс был интегрирован в большой советский канон, пришедший на смену имперскому.

Революция в России привела к тому, что политическая ситуация в национальных регионах стала определяться местными нерусскими, ранее исключенными из политической жизни, этническими сообществами. Если ранее культурный дискурс был представлен немногочисленными газетами культурной ориентации, то революция резко политизировала общественный дискурс в Чувашии. В такой ситуации стали выходить новые газеты на чувашском языке – «Канаш» («Совет»), «Чухӑнсен сасси» («Голос бедноты»), «Сӗнӗ пурӑнӑҫ» («Новая жизнь»), «Сутталла» («К свету»), «Хӗрлӗ салтак» («Красный солдат»), «Хресчен сӑмахӗ» («Крестьянская речь»), «Чӑваш коммуни» («Чувашская коммуна»), «Юлташ» («Товарищ»), «Самрӑк коммунист» («Молодой коммунист»). В 1919 году начал выходить журнал «Шарӑмпуҫ» («Заря»). Позднее на чувашском языке также в Казани стали издаваться и другие журналы – «Ана» («Нива»), «Сӗр ёҫлекен» («Хлебороб»). Кроме этого вышло два номера литературного журнала «Атӑл юрри» («Волжская песня»). В Москве с 1922 по 1926 год выходил журнал «Ёҫлекенсен сасси» («Голос трудящихся»). Чувашский литературный ландшафт стал развиваться в условиях наличия тенденции к национализации чувашской культурной жизни. В такой ситуации чувашский культурный дискурс становится более чувашским – чувашская периодика («Пирӗн юлташ», «Сунтал», «Капкан») начинает издаваться и в Шупашкаре (Чебоксарах).

Активно действовало «Чувашское национальное общество», органом национального движения стала газета «Хыпар», писавшая о необходимо-

сти проведения широких реформ в Чувашии. Стали звучать идеи создания чувашской национальной автономии. «Хыпар», выходявшая под девизом «Пётём Чăваш, пёрлешёр!» («Чуваши, объединяйтесь!»), позиционировала себя как идейный центр чувашского национального движения. Чувашские интеллектуалы, почувствовав национальное освобождение, сменили лояльную ориентацию на национальную. Газета «Хыпар» призывала сохранять национальное единство: «чуваш един тем, что он чуваш». Стала культивироваться идея особого чувашского мира – без классовой вражды и социальных противоречий: «чувашам нечего делить между собой». На волне национального подъема И. Тхти писал, что «силен будет люд чувашский, коль един он духом будет». Параллельно местные интеллектуалы поняли, что можно управлять и без русской администрации. В связи с этим А. Милли писал: «не надо слушаться русских, а то опять обманемся и осраимся на весь свет». А. Турхан, в свою очередь писал, что «из всех народов всего мира да здравствует единственный чувашский народ»⁵²¹.

Политические перемены изменили и дискурс чувашского языка. Чувашские интеллектуалы стали прилагать немалые усилия к его развитию, стремясь сохранить его чувашский характер и модернизировать. Национально ориентированные авторы попытались использовать исторический шанс и утвердить чувашский язык как национальный, отдалив его от русского. В таком контексте они обратились к народным говорам, народному языку. На волне этого интереса они попытались утвердить в качестве литературной нормы такие слова как «канаш» (вместо заимствованного «совет»), «чухансем» вместо «пролетариат». Один из кульминационных моментов этой тенденции – попытка утвердить термин «пуласси» («будущность») вместо «социализм». В данном случае мы наблюдаем смыкание модернистского интеллектуального импульса с футуристским.

На волне революционных процессов и демонтажа старых институтов меняется идейное содержание чувашского культурного дискурса. Чувашские интеллектуалы, с одной стороны, становятся более национально настроенными. При этом они уже не скрывали своей откровенной национальной ориентации. С другой, социальный нарратив развивается наряду с целым комплексом модернизационных нарративов – чувашские интеллектуалы требуют не просто реформ и улучшения социального положения чувашского народа, они культивируют идеи не просто социального равенства, но широкой программы социальных перемен, которые могли привести к радикальной модернизации чувашского сообщества в направлении современной нации.

В такой ситуации чувашские авторы усиленно подчеркивают свою лояльность, стремясь позиционировать себя как часть официального большого советского канона – например, во время борьбы с Колчаком один из чу-

---

⁵²¹ Хыпар. – 1917. – № 1 – 4, 35, 62; Хыпар. – 1918. – № 9.

вашских левоориентированных интеллектуалов отметился поэмой «Колчак»⁵²², призванной акцентировать внимание на революционных добродетелях чувашей. Поэтому, чувашаи позиционируются как революционная нация, заинтересованная в радикальном отказе от всего старого. В таком контексте чувашский литературный дискурс – дискурс со значительным модернизационным потенциалом, дискурс утверждения всего нового.

Социально-модерновый компонент в поэзии сочетался с национальным. Призывая к реформам, призывая чувашей быть современными чувашские интеллектуалы не забывали и о национальных истоках. Такая современная чувашская культура должны быть вдвойне чувашской – и традиционной, и национальной. Поэтому, чувашские авторы могли начинать с обращения к родной земле, к «родным полям», но могли продолжить развитием социально ориентированного нарратива о смерти старого и рождении нового мира⁵²³. Чувашский литературный дискурс 1917 – 1920 годов развивался в условиях дихотомии – сочетания национального и революционного. В произведениях этого периода много фольклорных элементов, которые сочетались с типично агитационными здравицами в честь партии и Красной Армии⁵²⁴.

В большинстве подобных произведений революционной поры лейтмотивом проходит идея о расколе времени на две эпохи, на два мира – старый и новый. Прошрое осознавалось как время страданий, а настоящее и будущее – как утверждение нового строя. В творчестве С. Эльгера в роли такого водораздела выступает Октябрь⁵²⁵. Сам Эльгер стал одним из форматоров нового официального дискурса безусловного признания позитивности всего советского и негативности всего несоветского – дореволюционного и национального, которое было сложно интегрировать в советский канон. Новому порядку соответствовала и новая идентичность, точнее – новый тип лояльности политической идентичности. Такой новый мир должен был базироваться на революционном романтизме и объединять все народы в «коммуну труда»⁵²⁶.

С другой стороны, чувашские интеллектуалы стремились утвердить нарратив о необратимости изменений, о том, что модернизационные процессы, направленные на решение социальных проблем и создание новой современной чувашской нации, необратимы⁵²⁷. Воображая такую нацию, чувашские интеллектуалы преподносили ее как единый национальный организм, который не знает классовых противоречий. В такой ситуации, на

---

⁵²² Тăхти. Колчак / Тăхти. – Казан, 1919.

⁵²³ Шарăмпуç. – 1920. – № 1.

⁵²⁴ Чухăнсен сасси. – 1919. – 12 апреля.

⁵²⁵ Эльгер С. Самана / С. Эльгер. – Шупашкар, 1928. – С. 15.

⁵²⁶ См.: Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы / М.Я. Сироткин. – Чебоксары, 1956. – С. 55.

⁵²⁷ Тăхти. Колчак / Тăхти. – Казан, 1919.

волне национального подъема, они противопоставляли чувашей и русских, акцентируя внимание на национальном единстве чувашей в то время как русская культура для них была ареной непрерывной идейной борьбы⁵²⁸. В то же время чувашские интеллектуалы пытаются переосмыслить образ старой чувашской деревни, с которой, как они понимают, им предстоит расстаться, так как она обречена на быстрое умирание в условиях модернизации. Поэтому, в рамках чувашского культурного дискурса возникают образы чувашской архаики, традиционного крестьянского быта, замкнутости. Чувашский писатель Ф. Павлов (1892 – 1931) в комедии «В суде»⁵²⁹ мысленно прощается с такими чувашами, которые в своей жизни ничего кроме родной деревни не видели.

К середине 1920-х годов, когда стало очевидно, что советская национальная политика, направленная на развитие нерусских культур, вероятно, лишь тактическая уступка, которая будет иметь временный характер – некоторые чувашские интеллектуалы попытались вырваться за рамки усиленно формирующегося официального дискурса. В такой ситуации некоторые интеллектуалы, например Педер Хузангай, пытаются вырваться за рамки советской цензуры: «песнь – моя жизнь, песнь – мое сердце, сирота без песни я в мире большом, песнь – мое горе, песнь – моя радость, я рожден для песни и ни для кого»⁵³⁰. Их стихи становятся лирическими, наполненными тонкими и глубокими личностными переживаниями. На страницах таких стихов они переживали двойную трагедию – собственную и национальную. Тенденция солидаризации с народом, попытка реанимировать идейные искания опираясь на национальные традиции оказалась неудачной. Вскоре чувашские интеллектуалы принудительно через репрессии и принуждение были интегрированы в официальный дискурс. И уже тот же Хузангай пишет о чувашах, как посланцах нового социалистического мира.

В 1930-е годы советский режим средствами цензуры и давления пытается интегрировать национально ориентированных чувашских интеллектуалов в официальный советский литературный контекст. Советская цензура вытесняет национальные мотивы, заменяя их советскими, идеологически выдержанными. «С кем? За кого? За советскую власть или против нее? Друг он или враг революции? Третьего не дано. На середине не удержишься»⁵³¹, – говорит один из героев пьесы «Садур и Илем» (1933) И. Максимова-Кошкинского, словно подчеркивая, что в новом советском обществе свободный выбор невозможен, что интеллектуалы не в праве выбирать не только свою идентичность, но и то как ее транслировать литературными средствами. Поэтому, уже в первой половине 1930-х годов чу-

---

⁵²⁸ Сунтал. – 1925. – № 3.

⁵²⁹ Шарѣмпуç. – 1919. – № 5.

⁵³⁰ Хузангай П. Уяртсан / П. Хузангай. – Шупашкар, 1928. – С. 34.

⁵³¹ Сунтал. – 1933. – № 1 – 5.

вашские интеллектуалы вынужденно согласились с тем, что их чувашская идентичность станет частью советской, а культуры только одним из национальных дискурсов советской литературы.

В начале 1930-х годов поэзия П. Хузангая оказывается окончательной прирученной и поэт смиряется и соглашается со своим статусом поэта, воспевающего советский режим. Хузангай начинает транслировать новый образ Советского Союза и давать отпор «клеветникам». Он усиленно культивирует образ СССР как страны, где расцветают национальные языки и культуры. Отвечая на публикацию в одной из французских газет о том, что в Чувашской АССР чувашаи не понимают переведенные на чувашский язык произведения В.И. Ленина, Хузангай писал, что «нашего Ленина мы понимаем не хуже чем евангелие, каждое слово Ленина нам служит орудием верным»⁵³². Ленин интегрировался в чувашский литературный контекст, который в свою очередь, будучи вписанным в советский, превращался в средство пропаганды и идейного противостояния двух типов идентичностей – советской и западной.

Победа советского дискурса над национальным привела к тематическим изменениям в чувашской литературе. Поэтому, чувашские авторы отходят от национальных мотивов в своем творчестве и вынужденно делают выбор в пользу официально санкционированных тем, в том числе – они начинают интегрировать в чувашский литературный ландшафт образы коллективизации. В осмыслении коллективизации в категориях официальной культуры в 1930-е годы были замечены В. Краснов-Асли⁵³³, М. Трубина и другие чувашские авторы. В. Митта бросил призыв о том, что надо донести до чувашского читателя роль «ударников новых, артельных полей»⁵³⁴.

В творчестве М. Трубиной мы наблюдаем почти классический вариант включения чувашской культуры в советский канон: восприятие схематично и заключено лишь в несколько образов-клише. В повести М. Трубиной «Мучар»⁵³⁵ кулак Мучар, когда в его деревне начинают организовывать колхоз, продает имущество и под видом бедняка переселяется в другую деревню, где и проникает в колхоз, чтобы вести там антиколхозную агитацию, но группа молодых комсомольцев разоблачает его. В драме «Идет» она показывает раскол семьи, когда один из ее членов из-за своей несознательности отказывается вступать в колхоз и потом, осознав все преимущества колхозного строя, она не только возвращается в семью, но и вступает в колхоз⁵³⁶.

---

⁵³² С волжских берегов. Стихи и проза чувашских писателей. – Горький, 1932. – С. 108.

⁵³³ Трактор. – 1931. – № 1, 3.

⁵³⁴ Митта В. Кăмăл / В. Митта. – Шупашкар, 1930.

⁵³⁵ Трубина М. Мучар / М. Трубина. – Шупашкар, 1933.

⁵³⁶ Сунтал. – 1930. – № 10 – 12.

Официальный дискурс восприятия коллективизации характерен и для П. Осипова, который в романе «Новая волна» (1932) описывает историю колхоза «Сильдемер»⁵³⁷. В его произведениях, так же как и М. Трубиной, сюжет прост, а образы героев созданы в соответствии с принципами социалистического реализма, то есть – кулаки и подкулачники – отрицательные, а колхозники и бедняки – положительные герои. Сюжет романа прост: в чувашский колхоз вступили кулаки Ларионов и Усламов, подкулачник Сухал. Они заняли руководящие должности и занялись вредительством, чтобы ослабить и разрушить колхоз. Однако молодые комсомольцы разоблачили вредителей и отстранили их от управления.

В 1930-е годы культурный дискурс в Чувашии теряет свою независимость, становится официальным. Тенденция к советизации проявилась и в том, что история начала осознаваться интеллектуалами не как национальная, а как социальная, история классовой борьбы. В 1932 году И. Максимов пишет инсценировку «Волжские мотивы»⁵³⁸, где вся историю чувашей предстает как история борьбы за социальное освобождение, начиная от пугачевского восстания и завершая установлением советской власти в Чувашии. В центре его драмы «Земля вздымается»⁵³⁹ – события, которые были живы в памяти чувашских интеллектуалов 1930-х годов – установление советской власти в Чувашии. В такой ситуации эти события получили сугубо положительную оценку, но и интегрировались в комплекс официально дозволенных тем.

К середине 1930-х годов советская цензура уже прочно контролировала литературный дискурс в Чувашии. И хотя, большую часть произведений местные интеллектуалы издавали на чувашском языке, отказ от политики коренизации вылился в репрессии, что привело к тому, что чувашская литературная традиция становится более лояльной, идеологической и менее национальной. Например, награжденный в 1939 году орденом «Знак Почета» чувашский поэт Н. Шелеби пишет восторженное стихотворение, панегирик партии, начинавшийся словами: «Спасибо партии любимой»⁵⁴⁰. Кроме этого чувашские интеллектуалы начинают принимать активное участие в развитии культа личности Ленина. Воспевание ленинских образов приводит к тому, что Ленин становится своеобразным отцом всей чувашской нации, потеснив национальных чувашских деятелей. Тот же Н. Шелеби писал, что «светится имя Ленина незабвенное»⁵⁴¹.

Конец 1930-х годов отмечен появлениями произведений, где чувашский литературный дискурс уже неразрывно интегрирован в советский контекст. В 1939 году на чувашском языке выходит пьеса П. Осипова

---

⁵³⁷ Трактор. – 1933. – Кн. 8.

⁵³⁸ Трактор. – 1933. – Кн. 4.

⁵³⁹ Трактор. – 1934. – Кн. 10.

⁵⁴⁰ Чувашская весна. Сборник чувашской советской литературы. – М., 1950. – С. 32.

⁵⁴¹ Чувашская весна. – С. 31.

«Взмет», в основе сюжета, при этом отнюдь не оригинального, которой борьба чувашского революционно ориентированного крестьянства против противников революции⁵⁴². Произведения конца 1930-х годов четко выдержаны в духе требований советской цензуры, а их авторы транслируют лояльный советский тип чувашской идентичности, в котором больше официальной лояльности, а не проявлений национальной культуры.

Чувашская литература 1920 – 1930-х годов развивалась как современная модерная культура, появившаяся в результате революционных перемен и тенденций к модернизации чувашской нации, которая начинает развиваться как современная. Она возникла после революционных перемен, в результате которых развитие чувашского культурного дискурса начали определять сами чувашские интеллектуалы. Поэтому, чувашский литературный дискурс имел ряд важных особенностей. Он развивался как национальный чувашский со значительными тенденциями европеизации.

Европеизация понималась местными интеллектуалами как важнейшее средство приобщения к развитой культуре и проявлялась в том, что чувашская культурная элита пыталась перенести в чувашскую культуру элементы новой революционной поэтики и романтики, которые они наблюдали в русской культуре. Кроме этого, европейский импульс привел к модернизации культуры – произошла смена тематики. Тематическая направленность чувашских авторов становится более современной, но и политически ангажированной. Они начинают выражать свою лояльность советскому режиму, получая возможность писать на чувашском языке. Таким образом, они принудительно интегрируются в советский культурный контекст, а чувашская культура становится лишь одним из дискурсов советской культуры.

Интеграция и модернизация национальной периферии в контексте развития политической лояльности

Канадский историк украинского происхождения Мырослав Шкандрий в своем исследовании, посвященном истории украинской литературы в контексте украино-российских взаимных представлений⁵⁴³, высказал предположение, что между двумя мировыми войнами, точнее – в 1920-е годы, советская власть упустила контроль над идейным, идеологическим, интеллектуальным и литературным дискурсом в национальных регионах. Именно поэтому, конец 1920-х – 1930-е годы в истории СССР стали временем нового подчинения, точнее – формирования особого советского интеллектуального дискурса.

---

⁵⁴² Сунтал. – 1939. – № 5.

⁵⁴³ Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби / М. Шкандрій. - Київ, 2004.

В различных национальных регионах Советского Союза этот процесс протекал по-разному, но он имел и несколько общих особенностей: формирование советского дискурса, советского типа написания истории литературного прошлого сопровождалось острой полемикой между местными интеллектуалами и советским центром, проявления которой могли варьироваться от дискуссии на страницах печати до осуждения и разоблачения «буржуазного национализма» и показательных политических судебных процессов. Не была исключением и Чувашская АССР. События 1917 года и советская политика коренизации привели к значительной национальной активизации в Чувашии.

Среди чувашских интеллигентов, поэтов и писателей, шли острые и напряженные дискуссии о путях развития чувашской литературы и об отношениях с русскими. На протяжении 1920-х годов чувашская культура развивалась под лозунгами и знаменами национализма. Среди национализмов тюркских народов СССР в 1920-е годы чувашский национализм выделялся значительными особенностями. Идея тюркизма и связи национализма с религией (чуваши являются в большинстве своем православными христианами) не получила сколь бы то ни было значительного развития. Чувашский национализм развивался не как тюркское или клерикальное (или антиклерикальное) течение, а как именно чувашский проект.

Начало этому было положено Сеспелем Мишши – чувашским поэтом, который в чувашской интеллектуальной традиции признается основателем современной чувашской литературы. Сеспель стал одним из основателей концепта особого чувашского мира и чувашского будущего. Вероятно, Сеспель Мишши не утруждал себя рефлексией над тюркским происхождением чувашей – его куда больше интересовала современность чувашской культуры и литературы, в формовке и развитии которой он сам успел принять непосредственное и самое деятельное участие. В итоге благодаря Сеспелю в чувашский интеллектуальный инструментарий прочно вошла категория чувашскости, которая нередко соотносилась с различными лозунгами социально-экономического свойства.

Иными словами, благодаря Сеспелю в чувашской интеллектуальной традиции 1920-х возникла тенденция, в рамках которой категория чувашскости воспринималась как современность. Современность, в свою очередь, для большинства чувашских интеллектуалов ассоциировалась с советскостью. Иными словами, будучи вполне убежденными большевиками, чувашские коммунисты в Чувашской АССР попытались построить некий свой вариант социалистического, но одновременно и именно чувашского, общества.

Для большинства интеллектуалов в национальных республиках такие интеллектуальные упражнения и культурные рефлексии над собственной историей и культурой заканчивались крайне плохо. К концу 1920-х годов центру показалось, что местные интеллектуалы распоясались и слишком

много себе позволяют. Поэтому, советская цензура попыталась подчинить местный литературный дискурс, подогнав его под рамки активно формировавшегося советского канона. Способствовать формированию единого дискурса, который отвечал бы нормам большевистской идеологии, были призваны обобщающие исследования, посвященные чувашской истории и литературе, которые появляются к концу 1920-х – началу 1930-х годов.

К тому же, к началу 1930-х годов произошел раскол чувашского интеллектуального сообщества, в рамках которого складываются два течения. Представители первого остались не только большевиками, но последовательными чувашскими большевиками и поэтому – умеренными чувашскими националистами. Представители второго течения относительно правильно расшифровали тот идеологический сигнал, который начал исходить из Москвы и частично добровольно, частично принудительно приняли участие в советизации культурного дискурса в Чувашской ССР. Одним из тех, кто понял и пытался влиять на ход унификации культурной жизни Чувашии с общесоветским каноном был известный чувашский писатель Н. Васильев-Шубоссини.

В 1930 году, в Москве, выходит его книга «Краткий очерк истории чувашской литературы»⁵⁴⁴, которая имело двойное назначение. С одной стороны, чувашские интеллектуалы сигнализировали московской цензуре, что они поняли исходивший из центра идеологический сигнал и начали исправляться, бороться с различными «перегибами» и националистическими и буржуазными «уклонами». С другой стороны, просигнализовав именно таким образом чувашские лояльно настроенные интеллектуалы пытались взять под контроль сам процесс формирования советского культурного дискурса в Чувашии.

В своей работе Н. Васильев пытался подчеркнуть лояльность чувашского интеллектуального сообщества советской власти – поэтому, чувашская литература позиционировалось им как одно из средств последовательной советизации Чувашии: «в жизни чувашских трудящихся художественная литература заняла определенное место и является одним из могучих рычагов культурного строительства и победы над капиталистическими элементами деревни и упадочническими настроениями среди части крестьянства, интеллигенции и служащих». С другой стороны, вероятно, именно Н. Васильев стал одним из наиболее активных создателей официального советского дискурса написания и описания истории чувашской литературы, заложив те каноны, в соответствии с которыми позднее писались и другие истории чувашской литературы.

Свой очерк истории чувашской литературы Н. Васильев начинает с описания того положения, какое занимали чувашаи до 1917 года. С незна-

---

⁵⁴⁴ Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы / Н. Васильев. – М.: Центральное издательство народов СССР, 1930. – 82 с. Далее в тексте все цитаты по изданию 1930 года.

чительными изменениями этот мотив сохранялся и доминировал в чувашском литературоведении до самого конца существования Чувашской АССР. Но в то же время, несмотря на весь идеологический советский заряд, в книге Васильева все же еще видны следы чувашского националистического дискурса, который доминировал в 1920-е годы. В работе Васильева заметен некоторый антирусский нарратив: Российская Империя прочитывается как государство, которое проводило политику, направленную на подавление и угнетение всех нерусских народностей, на их ассимиляцию.

Васильев, в частности, писал, что «воинствующее славянофильство не могло допустить, чтобы чуваша подпадали под влияние панисламизма татар-магометан». С другой стороны, русских чиновников и священников он был склонен обвинять в том, что те «несли религиозный дурман в самые народные толщи». Поэтому, нарратив Н. Васильева еще свободен от того большого нарратива о прогрессивной роли русского народа в развитии чуваш, который мы находим в более поздних исследованиях, посвященных истории чувашской литературы. Васильев, наоборот, был склонен акцентировать внимание на прогрессивной роли других угнетенных нерусских народов, татар и евреев. В связи с этим, он писал, что «по национальному вопросу чувашская интеллигенция шла за интеллигенциями более передовых народов... еврейской буржуазной интеллигенции с ее сионизмом, татарской с ее панисламизмом».

Кроме этого, Васильев проявлял умеренный чувашский национализм, когда писал крайне негативном влиянии со стороны русских на чувашей в бытовом плане. По его наблюдениям, в результате этих отношений в чувашскую среду проникали не образцы русской культуры и литературы (в силу того, что подавляющая часть русских сама была с ней незнакома), а проявления культуры низов, «вульгарные песни и похабщина».

Что касается собственно истории чувашской литературы, то к числу ее основателей Васильев относит К.В. Иванова – автора поэмы «Нарспи». В упрек К.Иванову, который в более поздней интеллектуальной традиции приобрел статус первого чувашского писателя, Васильев ставит то, что его поэма «вся проникнута фатализмом и особым мистицизмом». Подлинное начало чувашской литературы Н. Васильев связывает только с приходом к власти большевиков и началом новой национальной политики, которая проводилась представителями чувашской интеллигенции, ставшими после первой мировой войны «закаленными политическими борцами-коммунистами».

Анализируя ранние моменты в истории чувашской советской литературной традиции, Н. Васильев особое внимание уделяет М. Сеспелю. Сеспель Мишши признается им как один из наиболее талантливых чувашских поэтов, который оставил «сильные лирические стихи». Кроме этого, в отличие от более поздней идеологизированной тенденции интерпретации

творчества Сеспеля, Н. Васильев не отрицал и факт самоубийства поэта. Для Н. Васильева характерное двойственное отношение к наследию Сеспеля Мишши: с одной стороны, он критикует его за национализм, с другой, не ставит под сомнение поэтический талант: в частности Н. Васильев писал, что «у него встречаются и пламенные стихи с верой в широкое будущее чувашской литературы, переходящие в националистические нотки».

Другого поэта, пришедшего в чувашскую литературу после 1917 года, Талмрзу, Н. Васильев так же обвиняет в недостатке классовой сознательности и на излишнее увлечение народными традициями: «в творчестве Талмрзы отразилось переплетение любовной лирики, байронизма с националистическими мотивами из шовинистических течений чувашской интеллигенции того времени, мечтавшей о сепаратном мелко-буржуазном государстве».

Н. Васильев, анализируя творчество чувашских писателей 1920-х годов разделил их на две группы. Первая, по его мнению была представлена авторами, которые овладели (или почти овладели) методом социалистического реализма и, поэтому, правильно отражают процессы социалистического строительства в литературе. К таким авторам, Н. Васильев относил Ф. Павлова, Осипова, Эльгера, Васянку, Кели, Уйп Мишши, Юмана, Патмана, Трубину и, разумеется, себя – Шубоссини. Назначение писателей первой группы Н. Васильев видел не только в описании успехов советского строительства, но и в критике писателей второй группы. Под второй группой он понимал тех авторов, которые, по его мнению, не достаточно овладели методом социалистического реализма и еще не расстались со своим националистическим прошлым.

Своих оппонентов Васильев-Шубоссини обвинял в том, что те не освободились от «мелкобуржуазной индивидуалистической философии», по причине чего не в силах создавать оригинальные произведения, но способны только на «перепевание сонетов Есенина» и на создание ошибочных произведений, где переходя на позиции «буржуазного национализма» они пытаются доказать преемственность между чувашами и гуннами, отрицая классовую борьбу в прошлом. Для второй половины 1930-х такие обвинения для обвиненных могли закончиться не самым лучшим образом, но на момент выхода книги Васильева все ограничивалось умеренной полемикой с навешиванием ярлыков в духе времени.

Васильев пытался утвердить нарратив, согласно которому писатели второй группы не имеют будущего. Анализ их творчества он так и начал: «писателей и поэтов второй группы у нас немного... и они постепенно перевоспитываются и дают более или менее выдержанные произведения». Особой критике со стороны Васильева подвергся Педер Хузангай, позднее признанный одним из классиков чувашской советской литературы. Васильев обвинял будущего народного писателя в есенинщине и постоянных самовоспеваниях: «основное творчество Хузангая индивидуалистично с

пессимистическими нотками, папахивающими национальным шовинизмом».

Некоторые обвинения со стороны Васильева позднее могли иметь самые негативные для Хузангая результаты. В частности, Васильев обвинял его в неприятии советской политики почти – во вредительской деятельности: «Хузангай не хочет думать о врагах советской власти, с которыми необходимо бороться... вместо этого... скрытый национализм, не видящий никаких классовых делений среди чуваш». Васильев особенности поэтического стиля Хузангая пытался мотивировать тем, что поэт «оторвался от сельскохозяйственного производства, не может пристать к городскому промышленному производству, но попал в среду беспочвенных интеллигентов».

В целом, Васильев пытался доказать, что творчество Хузангая органически чуждо советской власти в виду того, что поэт предается «поэтическому чванству» и «плывет в ладье богемщины». Правда, Н. Васильев все-таки дает Хузангаю шанс, высказывая мысль, что тот «перевоспитается и оставит идеологию гнилой дореволюционной интеллигенции, примкнувши к красным студентам и вплотную примется за социалистическое строительство в литературе, поняв ее задачи в реконструктивный период».

Наряду с Хузангаем под прицел критики Васильева попал Митта Васили, охарактеризованный им как «автор шовинистических стихов». Что касается Рзая, то Васильев обвинял его в том, что тот «вывел такого типа борца за революцию, который и выеденной яйца не стоит». Рзай обвинялся Васильевым в том, что тот «не понял сущности современной пролетарской поэзии и ее задач». Однако, Васильев полагал, что при «надлежащем воспитании» все трое могут исправиться, если откажутся от заблуждений почерпнутых из произведения Сеспеля и, по словам Васильева, «спустятся с парнасских высот и встанут в ряды строителей социалистического государства».

В целом, Н. Васильев стал проводником политики постепенной унификации национальных литератур в контексте активно формировавшейся советской литературы. Менторский тон Васильева в отношении своих оппонентов свидетельствовал о том, что в интеллектуальной жизни Чувашии, которая ранее развивалась относительно свободно, стали заметны новые тенденции, направленные на ее унификацию. Кроме этого, Васильев своей книгой не просто активно способствовал формированию в Чувашии нового официального советского дискурса восприятия истории литературы – он заложил основы для того нарратива, которые позднее был положены в основание более поздних исследований, посвященных чувашской литературе. Н. Васильев-Шубоссини стремился к формированию нового художественного, критического и исследовательского дискурса в Чувашии, вероятно, искренне, считая, что поступает правильно. Действительно, часть его нарративов была действительно интегрирована в советский канон написа-

ния истории и доминировала там до самого конца существования советского исследовательского дискурса.

С другой стороны, примечательно то, что советские интеллектуалы 1970-х, всецело принадлежавшие к тому дискурсу, который формировался не без участия Н. Васильева, предпочитали своей генетической связи не афишировать. Более того, Н. Васильев стал обвиняться ими в дилетантизме и методологически неверных оценках, хотя некоторые из выводов Н. Васильева 1930 года в незначительно измененном виде доминировали в советском чувашском исследовательском дискурсе и в 1970-е годы.

В чем причины такой перемены? Чувашских интеллектуалов 1970-х годов не устраивал схематизм и догматизм выводов своего предшественника. С другой стороны, представители чувашского интеллектуального сообщества, которое, начиная со второй половины 1950-х годов пережило волну национализации, не могли принять его нападки на чувашский национализм. При этом чувашский литературоведческий исследовательский дискурс оставался советским, став более национальным, а творческое наследие Н. Васильева-Шубосини претерпело своеобразную метаморфозу: Шубосини-писатель интегрировался чувашскими интеллектуалами в историю чувашской литературы, а Шубосини-критик – вытеснялся на задворки исторической памяти.

Проблемы модернизации и интеграции периферии в период «высокого сталинизма»

В советский период коммунистическая партия и цензура, неразрывно связанная с особенностями советской политики, вызванными необходимостью сохранения контроля не только над различными социальными, но и разными этническими группами – эти два института постоянно формировали и изменяли местные интеллектуальные дискурсы. Одним из институтов сохранения контроля над этническими территориями была политика в отношении местных интеллектуалов. В рамках национальной политики в отношении нерусских регионов советский режим стремился сочетать поощрение и наказание.

Период активных наказаний национальной интеллигенции и отдельных интеллектуалов в национальных республиках совпал с временем коренизации в 1920-е и сворачивания национальных экспериментов во второй половине 1930-х. После завершения второй мировой войны необходимость в столь радикальных мерах как репрессии в отношении национальных интеллектуалов отпала и режим позволил местной национальной интеллигенции сохранять и даже культивировать свою идентичность, требуя взамен того, чтобы они не выходили за очерченные границы.

Часть интеллектуалов приняла это негласное соглашение и составляла основу советского интеллектуального сообщества. Другие, которые пытались выйти за пределы советской лояльности, становились маргиналами и не допускались до печатных изданий. Обе эти группы – неотъемлемая часть интеллектуальной истории национальных регионов в СССР. В Чувашской ССР, как и других советских национальных автономиях, существовала значительная группа интеллектуалов, которая развивала нормы советской политической идеологии в ее национальном преломлении.

Для одних это был сознательный выбор, других сломали репрессии над ними или их коллегами. Поэтому, они вынужденно культивировали коммунистические идеи. Иными словами их лояльно выдержанные работы были интеллектуальным ответом на идеологический вызов, исходивший от советской цензуры. Одной из площадок, где советская цензура, проверяла местных интеллектуалов на лояльность и / или оппозиционность было отношение к местным классикам. В литературах народов СССР своеобразный пантеон национальных классиков, которые по совместительству были и отцами нации, формировался не сразу, а постепенно.

С другой стороны, пути и способы формирования такого пантеона могли радикально отличаться. Одни литературы, которые имели опыт существования, но и изучения еще до самого появления советского государства (украинская, литовская, латышская, эстонская и, вероятно, русская), унаследовали свой пантеон национальных классиков от более ранней эпохи. Другие литературы формировали свой пантеон уже в советский период, что было связано с тем, что они сами сформировались именно после 1917 года. С другой стороны, языки, на которых развивались эти литературы, нередко обретали свою литературную форму именно после 1917 года. Чувашская литература вписывается именно в эту схему.

В отношении чувашской интеллектуальной традиции в советский период местные интеллектуалы так же стремились создать свой национальный пантеон, на вершину которого был возведен поэт Сеспел Мишши, который был объявлен создателем советской чувашской литературы. Сеспел Мишши был одновременно и идеальным кандидатом для советской канонизации и самым неподходящим для нее кандидатом. Канонизации способствовало правильное с точки зрения советских идеологов социальное происхождение и то, что поэт после 1917 года оказался на стороне большевиков и даже пытался принимать участие в реализации советской политики.

С другой стороны, при всех этих добродетелях Мишши Сеспел был действительно талантливым поэтом, чем был крайне неудобен для советской цензуры. К тому же в его произведениях присутствуют идеи, которые в советский идеологический канон было практически невозможно интегрировать. Самое неприятное для советских чувашских интеллектуалов, которые занимались изучением жизни и творчества поэта, было то, что он

покончил свою жизнь самоубийством, что просто не вписывалось в канон написания верных борцов, пламенных революционеров.

Поэтому, в рамках чувашского интеллектуального дискурса в советский период в отношении поэта утвердилось крайне выборочное отношение. Иными словами, все, что соответствовало духу и букве советской идеологии, признавалось, остальное же – просто игнорировалось. Наиболее четко такая тенденция прослеживается в работах периода «высокого сталинизма». Одной из таких книг стала небольшая (42 страницы), но очень показательная в контексте чувашской интеллектуальной истории, книга известного чувашского литературоведа и критика М.Я. Сироткина «М.К. Сеспель. Очерк жизни и творчества»⁵⁴⁵, вышедшая к 50-летию юбилею со дня рождения поэта, и, поэтому, несущая отпечаток официального ритуала публикации советских памятных работ.

На книге М.Я. Сироткина следует остановиться подробно. И вот почему. Именно в этом исследовании мы в классическом виде можем наблюдать советский дискурс восприятия творчества Сеспеля – знаковой фигуры в истории чувашской культуры. Скорее всего М.Я. Сироткин не был первым, кто заложил основы официального советского нарратива о Сеспеле (это было сделано уже к концу 1930-х годов), но именно нарратив описания и написания жизни и творчества Сеспеля, предложенный в книге 1949 года, доминировал в официальном дискурсе советской чувашской интеллектуальной традиции до начала 1990-х годов. Иными словами, М. Сироткин окончательно сформировал советский дискурс восприятия наследия Сеспеля, за границы которого в советский период чувашские интеллектуалы почти не отваживались выходить.

В дискурсе, в формировании которого М. Сироткин, принял участие Сеспель предстает как поэт в первую очередь социально направленный. Для официального советского канона конца 1940-х годов его национальная принадлежность была почти не важна, в то время, как социальные добродетели имели куда большее значение. Поэтому, Сеспель в официальном восприятии конца 1940-х годов – пламенный революционный трибун, который принял участие в реализации советской политики в отношении Чувашии. Усилиями цензуры и интеллектуальных упражнений советских интеллектуалов Сеспель был превращен в автора, основное значение которого состоит в том, что он способствовал развитию «просвещения трудящихся в революционном духе» и переустройству «жизни на социалистических началах».

С другой стороны, новаторство Сеспеля в литературной сфере сводилось исключительно к внешней стороне. Сеспель преподносился как реформатор чувашского стиха на началах силлабо-тоники, что было вызвано

---

⁵⁴⁵ Сироткин М.Я. М.К. Сеспель (Очерк жизни и творчества). К 50-летию со дня рождения / М.Я. Сироткин. – Чебоксары, 1949. – 42 с. Далее в тексте все цитаты по изданию 1949 года.

сложностями интегрирования достаточно противоречивого с идейной точки зрения наследия поэта в советский идеологический контекст. Примечательно то, что в интерпретации творчества Сеспеля, предложенным М. Сироткиным, оно теряло свое самостоятельное значение, что было вызвано попытками доказать, что Сеспель не сформировался бы как автор без «творческого усвоения русской классической и революционно-демократической поэзии».

Поэтому, творчество поэта рассматривалось как результат прогрессивного русского влияния, а не как естественное продолжение более ранней чувашской поэзии. Это способствовало денационализации творческого наследия Сеспеля, с одной стороны, и развитию в среде национальной чувашской интеллигенции искусственно развиваемого и культивируемого чувства второстепенности, второсортности. Таким образом, гуманитарные исследования широко использовались для того, чтобы привить национальным интеллектуалом комплекс «младшего брата».

В исследовании М. Сироткина доминирует нарратив, согласно которому творчество Сеспеля генетически связано с произведениями прогрессивных и революционных, в понимании официальной идеологии, российских авторов. В такой ситуации, творчество Сеспеля почти перестает быть национальным: реализм от М. Горького, сочувствие жизни простого народа – от Н. Некрасова... Поэтому, национальный компонент в творческом наследии поэта в рамках официального дискурса 1940-х годов сводился к минимуму. Для официальной советской идеологии, Сеспель – в первую очередь советский, и уже во вторую – чувашский – поэт. М. Сироткин пытается доказать, что для Сеспеля (для которого, кстати, родным языком был чувашский) чувашская культура и литература были не так интересны, как русская.

Поэтому, влияние со стороны чувашских писателей в советской перцепции творчества Сеспеля занижалось. Сеспель в советской чувашской интеллектуальной традиции разделил судьбу Ивана Франко в украинской. Если в УССР Иван Франко, активный украинский националист, превратился в яростного критика «украинского буржуазного национализма», то в чувашской традиции национально ориентированный поэт Сеспель, проживший всего 23 года, позиционировался как борец против чувашского национализма, как «яростный противник антипролетарских и антиреволюционных теориек».

М. Сироткин сознательно превращает образ Сеспеля в почти икону – правильное социальное происхождение, в детстве мальчик был вынужден работать на местных кулаков, что уже тогда помогло ему сформировать правильный (в большевистском понимании) взгляд на действительность, интерес к прогрессивной русской культуре... В официальном советском дискурсе восприятия Сеспеля ему приписывалось то, что он уже в детстве подвергал критике существующий строй, в частности «разоблачал плутов-

ские махинации попов и монахов». Молодой Сеспель в официальной интерпретации конца 1940-х превращается в почти основоположника коммунистического движения в Чувашии.

Еще большей канонизации Сеспеля в советском дискурсе, согласно логике М. Сироткина должно было способствовать то, что в 1919 году Сеспель видел Ленина: «образ Ленина запечатлелся в памяти Сеспеля на всю жизнь... в трудные минуты... он вспоминал об этом счастливом моменте жизни... и лицо его озарялось непередаваемым блеском глаз». К концу 1940-х более лучшего кандидата на канонизацию в советском духе найти было невозможно и, таким образом, Сеспель превратился почти в негласного символического отца чувашской советской политической и культурной традиции.

С другой стороны, в духе официальной советской идеологии, образ Сеспеля подретушировали – про его своеобразный национализм и специфическое отношение к чувашскому языку и идее чувашской нации предпочитали не писать, а сам факт самоубийства поэта и вовсе отрицается. Например, описывая последние дни Сеспеля в Украине, М. Сироткин пишет весьма эмоционально, но не упоминает о самоубийстве: «очередной приступ болезни свел Сеспеля в могилу». Ретушируя образ Сеспеля, форматоры советского официального дискурса превратили его в первого советского чувашского писателя, создателя чувашской советской литературы.

В целом, отношение официально ориентированных интеллектуалов к творческому наследию Сеспеля весьма четко прослеживается в завершающем утверждении М. Сироткина: «чувашский народ видит в Сеспеле предвестника победы социализма и всестороннего расцвета творческих сил народа». Таким образом, официальный советский дискурс имел весьма четкие и жестко очерченные границы, выход из которых был почти невозможен. В советской интеллектуальной практике Сеспель из национального поэта превратился в поэта социального. Переоценка его наследия в официальном духе вылилась в денационализацию его творчества, утверждению крайне выборочного подхода как к самой биографии поэта, так и его творчеству.

Такой подход в чувашской национальной интеллектуальной традиции продержался недолго. После смерти Сталина и XX съезда, приведшего к осуждению культа личности, эпоха «высокого сталинизма» в национальных литературах народов СССР завершилась. Но советская цензура по-прежнему прочно контролировала культурный и интеллектуальный дискурсы деятельности национальных интеллектуалов. Однако, во второй половине 1950-х годов наметились новые тенденции, связанные с некоторой национальной активизацией нерусских, в том числе – и чувашских интеллектуалов, которые медленно начали расшатывать официальный дискурс.

Когда в 1971 году НИИ при СМ Чувашской АССР опубликовал сборник статей, посвященный семидесятилетию со дня рождения Сеспеля, одиозный, выдержанный в духе сталинской парадигмы, нарратив М. Сироткина уже доминировал в интеллектуальном сообществе не так безраздельно как в конце 1940-х годов. Единство официального дискурса было все же разрушено...

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ВНУТРЕННЕЙ (ФИННО-УГОРСКОЙ) ПЕРИФЕРИИ

Проблемы интеграции и модернизации внутренней (финно-угорской) периферии в языковой сфере в 1920 – 1930-е гг. – Модернизация, интеграция и лояльность (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.) – Интеллектуальное сообщество в контексте модернизационных и интеграционных процессов

Проблемы интеграции и модернизации внутренней (финно-угорской) периферии в языковой сфере в 1920 – 1930-е гг.

В финно-угорских регионах России, как и в тюркских, язык был одним из каналов развития и поддержания национальной идентичности. С другой стороны, языковое воображение местных интеллектуалов стало одним из мощнейших каналов модернизации. Все финно-угорские языки России к моменту прихода к власти большевиков имели определенные письменные традиции. В отношении властей к языкам и в развитии самих языков в советский период как индикаторов национальной идентичности следует выделять два этапа. Первый - это межвоенный период, отмеченный ростом национального самосознания и усилением роли языков. Второй - период после 1945 года, который характеризуется частичным возвращением к дореволюционной политики русификации, всемерного ослабления и разрушения национальных идентичностей нерусских народов.

Период между двумя мировыми войнами был временем активного языкового строительства в угро-финских регионах Советской России, языковой модернизации. Этому способствовало то, что раннее непризнаваемые языки, стали не только официально признанными, но и политически официальными. Они стали применяться не только в печати и художественной литературе, но и в сфере управления. Вместе с тем, это сочеталось с созданием самих языков, их литературных форм, закладыванием грамматических основ. В период 1920 - 1930-х годов в финно-угорских регионах РСФСР возник ряд общественных организаций, которые ставили своей целью развитие языков. В межвоенный период для развития национальной идентичности марийские интеллектуалы широко использовали марийский язык. Именно тогда были созданы условия для развития марийского языка. Этому способствовало снятие национальных ограничений и проводимая советскими властями политика коренизации, которая в национальных регионах означала использование национальных языков в управлении и делопроизводстве. Основоположник марийской национальной литературы

Чавайн в связи с этим писал, что «создание литературного языка возможно только при условии, если мы будем и дальше писать и говорить на родном языке»⁵⁴⁶.

Наряду с периодической литературой на мордовском языке стала издаваться обширная общественно-политическая литература, что способствовало в большей степени политической модернизации, формированию особого типа политической культуры и лояльности. Вместе с тем, мордовский язык стал широко использоваться в управлении. Такая ситуация была невозможна без создания системы обучения мордовскому языку. Это требовало издания учебной литературы. В 1921 году вышел один из первых букварей мордовского языка «Тундонь чи» («Весеннее солнце»)⁵⁴⁷. Вместе с этим мордовский язык начал использоваться в политической сфере, при ведении делопроизводства и в государственном управлении. Аналогичные процессы имели место и в Марий Эл. В 1921 году в Марий Эл прошел первый съезд работников просвещения. На нем рассматривались вопросы развития марийского языка и создания единых литературных норм. На съезде так же было решено создать новое учреждение - академический центр мари. Вопросами марийского языка в центре занимались В.М. Васильев, П.П. Глездnev, Г.Г. Кармазин, Ф.Е. Егоров. Два года спустя, в 1923 году, марийский язык был объявлен государственным (наравне с русским) в делах Марийской области. В 1923 году академический центр мари был преобразован в марийское научное общество, в 1926 году - в общество краеведения, а в 1930 году на его базе был создан Марийский научно-исследовательский институт⁵⁴⁸.

В 1920-е годы власти в целях не только модернизации, но интеграции национальной периферии в советский политический контекст пытались как можно более широко распространить марийский язык в Марийской Области. Стремясь придать марийскому языку как можно большее распространение, власти пытались превратить его в язык делопроизводства. Власти пытались распространить марийский язык среди тех марийцев, которые жили за пределами Марийской Области. Движение за изучение языка охватило не только марийцев, но и русских, вынужденных работать в районах с марийским населением. Марийский язык изучался и теми марийцами, которые слабо владели родным языком. В августе 1924 года была создана «Комиссия по реализации марийского языка». В положении о создании комиссии было отмечено, что она создается для «руководства и прове-

---

⁵⁴⁶ Марий. Марий йылме / Марий // У илыш. 1924. № 1.

⁵⁴⁷ Васькин И.А. Национальное возрождение мордовского народа / И.А. Васькин. - Саранск, 1956. - С. 73.

⁵⁴⁸ Туныктышо погынымаш мом каласыш // У илыш. - 1924. - № 1; Тезисы докладов I Всероссийского съезда работников просвещения мари. - Казань, 1921; Упымарий. Марий кундмемыште ыштыме шанче паша нерген / Упымарий // Туныктым паша. - 1927. - № 1.

дения в жизнь реализации огосударствования марийского языка». Комиссия имела три задачи: 1) разработку мероприятий по реализации марийского языка и проведение их в законодательном порядке; 2) наблюдение и руководство выпуском литературы, распоряжений и других изданий на марийском языке; 3) национализация государственного аппарата⁵⁴⁹.

26 сентября 1925 года III пленум Марийского Обкома ВКП(б) принял решение о переводе делопроизводства на марийский язык. Согласно решениям пленума на марийском языке следовало вести делопроизводство, выступать на собраниях, съездах, конференциях, преподавать в школах, техникумах, партийных школах. Все печати и штампы, а так же вывески предприятий и административных учреждений в Марийской области должны были быть сделаны на марийском языке. К концу 1920-х годов марийские авторы добились относительно широкого применения марийского языка. В 1925 году в Краснококшайске делопроизводство было переведено с русского на марийский язык. Марийский язык звучал на партийных собраниях и других официальных мероприятиях. В других районах марийской автономии перевод на марийский язык не был полным и носил лишь частичный характер. Поэтому, местные интеллектуалы осознавали, что еще много в данной сфере предстояло сделать, о чем писали марийские газеты, отмечая, что «реализация марийского языка так же важна как снижение цен»⁵⁵⁰.

Развивая и поддерживая марийскую национальную идентичность, модернизируя культуру, отказываясь от традиционализма и местной финно-угорской архаики, мари интеллектуалы отмечали необходимость постоянного увеличения словарного состава марийского языка. В период 1920 - 1930-х годов марийские авторы ввели в язык ряд новых слов, используя для их создания внутренние резервы марийского языка. Такой процесс марийские советские интеллектуалы называли «созданием новых слов на базе родного языка». В ряде случаев марийские интеллектуалы предлагали ввести в оборот новые политические понятия, образованные на базе марийского языка: «Марий тиштысе рвезе буртак ушем» (Коммунистический союз молодежи Марийской области), «Марий кундем Совет кучемын Виктарыме Пёлка» (Исполнительный комитет советов марийской области), «Марийын вуй мландыже» (Марийская автономная область), «Руш мландын ышке эрыкын ушнышо пырлязе Кангаш калык кыл» (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика)⁵⁵¹.

Развитию языков способствовало языковое строительство, проводимое советской властью. В 1933 году была организована первая мордовская

---

⁵⁴⁹ Иванов И.Г. История марийского литературного языка / И.Г. Иванов. - Йошкар-Ола, 1975. - С. 64.

⁵⁵⁰ Йошкар кече. - 1925. - 3 января; Йошкар кече. - 1927. - 4 июня.

⁵⁵¹ Васильев В. Марий йылме нерген / В. Васильев // Йошкар кече. - 1922. - 18 мая; Буртаков И. Марий йылме нерген / И. Буртаков // Йошкар кече. - 1922. - 8 марта.

языковая конференция. В ходе ее работы обсуждались проблемы орфографии и грамматики. В основу мордовского правописания был положен морфологический принцип, который базировался на положении о неизменности основы мордовского слова. В Удмуртии имели место аналогичные процессы. Важнейшей сферой национального строительства был язык. После захвата власти на территории Удмуртии большевиками был создан ряд научных комиссий для развития удмуртского языка и совершенствования письменности. На протяжении 1920-х годов прошло четыре съезда работников просвещения. В 1930-е годы был создан Удмуртский НИИ, ставший оплотом национально ориентированных авторов, историков, филологов, языковедов. В 1937 году прошла конференция, в рамках работы которой были рассмотрены проблемы развития и роли удмуртского языка⁵⁵².

Если в Мордовии и Удмуртии языковое строительство в целом шло в соответствии с планами властей, то в Марий Эл ситуация вышла из-под контроля и местные интеллектуалы развернули острую дискуссию и статусе и роли марийского языка. К середине 1920-х годов и марийские интеллектуалы активизировали свою деятельность, направленную на создание единого литературного марийского языка, хотя тенденции к этому имели место и раньше. В среде марийской интеллигенции не было единства мнений в отношении проблемы языка. Наиболее важными и остро обсуждаемыми вопросами были вопросы, связанные с диалектной основой литературного языка, судьбой различных диалектов или созданием нового марийского литературного языка путем синтеза его различных диалектов. В ходе дискуссий по данным вопросам марийскими интеллектуалами высказывались разные мнения.

В 1922 году вышла статья В. Сави (В.А. Мухина), который считал, что в основу единого языка не следует класть какой-либо один диалект. Сави придерживался мнения, что основой единого марийского литературного языка должно стать все луговое наречие в целом. Вместе с тем он выступал и за скорейший перевод всего делопроизводства на марийский язык. В 1925 году Сави получил возможность высказать эти свои идеи более широко на II съезде работников просвещения мари. Вместе с тем, существовала точка зрения о неразрывной связи языка и литературы. Согласно данной теории развитие марийского языка должно быть связано с развитием художественной литературы. Марийские авторы считали, что в случае развития литературы успешно будет развиваться и марийский литературный язык. Другие авторы считали, что развитие языка может быть обеспечено за счет его научного изучения, изучения диалектов и фольклора. В частности, подобные позиции занимала языковая комиссия⁵⁵³.

---

⁵⁵² Мордовская языковая конференция. Стенограммы. - Саранск, 1933.

⁵⁵³ Сави В. Марий калыкан йылмыше вийныме нерген / В. Сави // У илыш. - 1922. - № 5 - 6; Йылме нерген Марий туныктышын II погынамашыже мом каласен // У илыш. -

С критикой Сави выступил Чытамсыр, сторонник того, что в основу литературного марийского языка должен был быть положен моркинский говор. В свою очередь носители восточного наречия выступили с предложением, что их диалект должен стать основой языка. Они считали, что именно восточные марийцы сохранили наиболее чистый и правильный марийский язык. Себя они предпочитали называть «чимарий», то есть «истинные марийцы». Они считали необходимым очистить язык от чуждых, в первую очередь - тюркских, заимствований. Позднее они пересмотрели свои идеи и стали утверждать, что основой литературного языка должен стать говор, на котором говорит большинство мари. Некоторая часть марийских интеллектуалов (например, Г. Кармазин) настаивала на синтезе разных говоров с целью создания единого марийского языка, что предусматривало и приоритет чисто марийским элементам, проведение политики языкового пуризма и очищения марийского литературного языка от иностранных заимствований⁵⁵⁴.

В 1927 году была образована специальная комиссия по созданию единого литературного марийского языка. Перед комиссией стояло несколько задач: разработка принципов создания единого литературного языка, разработать принципы ведения переписок между учреждениями до создания единого марийского литературного языка. Комиссия должна была наметить пути для создания единого литературного марийского языка. К этому времени возможность создания единого марийского языка еще была относительно реальной, что признавалось марийскими интеллектуалами того времени, считавшими, что при создании единого языка следует, как можно более широко использовать сходства между диалектами пока различия между ними не увеличились⁵⁵⁵.

После X партийной конференции в 1927 году было решено вести работу по внедрению марийского языка более активно. Была создана комиссия для разработки единого литературного марийского языка. Сторонники создания одного марийского языка считали необходимым, чтобы он отвечал двум требованиям: он не должен был резко отличаться от разговорного языка и в его основе должны были лежать элементы как горного, так и лугового марийского языка. Был разработан план перспективного развития

1925. - № 9; Пүнчерский. Писачынла уке гын, литератур йылым иктыш ушен она керт / Пүнчерский // Йошкар кече. - 1928. - 5 мая; Пүнчерский. Марий йылме / Пүнчерский // Йошкар кече. - 1925. - 6 февраля; Пүнчерский. Марий литератур йылме нерген / Пүнчерский // Йошкар кече. - 1928. - 31 августа.

⁵⁵⁴ Чытамсыр. Йылме нерген / Чытамсыр // У илыш. - 1925. - № 1; Кармазин Г.Г. Марий йылме / Г.Г. Кармазин // У илыш. - 1924. - № 11; Туныктышо погынымаш мом каласыш // У илыш. - 1924. - № 1; Пүнчерский. Литератур йылме / Пүнчерский // У илыш. - 1925. - № 1; Апшат Макси. Адак литератур йылме нерген / Апшат Макси // У илыш. - 1925. - № 1.

⁵⁵⁵ Васильев В.М. К вопросу об объединении наречий и говоров марийского языка / В.М. Васильев // Марийское хозяйство. - 1926. - № 5 - 6. - С. 120 - 127.

языка на несколько лет вперед. Предусматривалось издание словарей, учебников, правил правописания, грамматик. В 1928 году прошло расширенное заседание языковой комиссии, где принимали участие и немарийские ученые. На заседании присутствовали Н. Ашмарин и Н. Никольский. Основным вопросом, обсуждаемым в ходе комиссии, было создание единого литературного марийского языка. В ходе обсуждения сложились три основных точки зрения. Первая была высказана немарийскими участниками комиссии. Ашмарин и Никольский предложили положить в основу марийского литературного языка какой-нибудь один из диалектов, дополнив его элементами из других диалектов. Такой опыт уже имелся при создании единых литературных языков для других народов России. В качестве такой возможной основы единого марийского языка они предполагали луговое наречие. Однако такой подход не встретил поддержки со стороны марийских участников комиссии, которые считали, что создание единого марийского литературного языка должно протекать иначе. Марийские интеллигенты склонялись к тому, что литературный марийский язык должен стать синтезом всех его диалектов при разработке единых норм грамматики и правописания. Сторонники третьей точки зрения считали необходимым просто создать литературный марийский язык⁵⁵⁶.

В межвоенный период в развитии национальных идентичностей финно-угорских народов стала очевидна и новая тенденция. Ни мордовский, ни марийский, ни коми языки не были едины. В каждом из них еще в более ранний период сложились отдельные языки - мокша и эрзя в мордовском, горный и луговой в марийском, пермяцкий и собственно коми в коми. Таким образом, все попытки местных интеллигентов сконструировать единые языки по принцип «одна нация - один язык», рано или поздно должны были потерпеть крах. К концу 1920-х годов так оно и произошло. Особенно остро данная проблема заявила о себе в Марий Эл.

Несмотря на желание многих марийских интеллигентов создать единый литературный марийский язык, данная деятельность к концу 1920-х годов уже не имела перспектив. Этому способствовало то, что отличия между горным и луговым диалектами были значительны. С другой стороны, к этому времени в марийском национальном движении с достижением результатов (создание автономии, создание условия для свободного и широкого использования языка) наметился раскол. Представители горномарийской интеллигенции, почувствовав себя обделенными (большинство постов получили луговые марийцы, значительная часть литературы выходила на луговом наречии), подняли так называемый горномарийский вопрос. Горномарийские интеллигенты (Шатров, Цветков, Пекунькин, Аникин, Васанов) выступили против создания единого марийского литературного языка. Почувствовав, что создание единого языка означает «лугиза-

---

⁵⁵⁶ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 67-68.

цию», горномарийские авторы стали выступать за культивирование их местного языка. Осознав, что со временем эти интеллектуальные настроения могли перерасти в политическую оппозицию, советские власти в Марий Эл в 1929 году отходят от своей политики создания единого литературного марийского языка и начинают культивировать две формы марийского языка. Те марийские авторы, которые выступали за создание единого языка, начали писать о необходимости развития двух его форм как двух самостоятельных литературных языков⁵⁵⁷.

Этому расколу марийского национального движения в значительной мере способствовало появление статей В. Васильева, где он рассматривал проблемы объединения наречий марийского языка и создания единого литературного марийского языка. Васильев, первый употребивший и сам термин «объединение наречий», считая, что между двумя диалектами больше сходств, чем различий, выступал за создание единого языка. Тем самым он форсировал процесс создания единого марийского языка, игнорируя интересы горных марийцев. Его поддержали и другие авторы⁵⁵⁸.

Сторонники создания единого марийского языка указывали на значительное сходство между горным и луговым марийским языками в лексике. Они отмечали, что из 1817 сравнимых ими слов 19 % были сходными, 36 % близко сходными, 15.4 % - отдаленно сходными, и лишь 22.2 % - совершенно несходными. Но в 1926 году на III съезде работников просвещения мари в Москве его участники пришли к выводу о невозможности создания единого языка. Это решение оказалось важным стимулом для развития горномарийского диалекта и его превращения в отдельный литературный язык. Тем не менее, еще значительная часть марийских интеллектуалов в конце 1920-х годов выступала за создание единого языка на базе лугового диалекта⁵⁵⁹.

Тем не менее, марийское национальное движение раскололось не только на горное и луговое - в его рамках возникли две группы, имеющие разные взгляды на создание единого марийского литературного языка, которые условно можно назвать «московской» и «йошкар-олинской». Первая считала необходимым опираться на восточное наречие. Сторонники данной точки зрения считали, что именно восточные марийцы сохранили наиболее чистый и неиспорченный марийский язык. Восточные марийцы рассматривались ими как прямые потомки древних марийцев. Таким образом, возникла теория континуитета, как языкового, так и этнического. Сторон-

---

⁵⁵⁷ Ик литератур йылме нерген июнь тылзын 27 - 30 кечылаштыже. Йошкар-Олаш лийше йылме комиссийлан ончаш пуымо пунчалмут // Марий ял. - 1928. - 30 сентября.

⁵⁵⁸ Аги. Кырык мари дон алык мары / Аги // Кырылшы. - 1926. - 17 марта; Йылме нерген Марий туныктышын II погынымашыже мом каласен // У илыш. - 1925. - № 9; Васильев В.М. Айста ушнена / В.М. Васильев // Йошкар кече. - 1926. - 16 марта.

⁵⁵⁹ Данилов И.Д. Литератур йылмына икте гына лийже / И.Д. Данилов // Йошкар кече. - 1928. - 5 мая.

ники данного подхода группировались вокруг газеты «Марий ял», пытаясь привнести в ее язык больше восточных элементов. Их противники группировались вокруг газеты «Йошкар кече», выступая против засилья восточного говора, выдвигая при этом тезис о необходимости «лугизации» марийского языка. Согласно их концепции привнесение луговых элементов в единый язык должно сделать его более звучным и гибким⁵⁶⁰.

Если в 1920-е годы власти оставались в стороне от споров местных интеллектуалов на языковые темы, то в 1930-е годы ситуация изменилась. Увидев этих преимущественно научных споров тенденцию перерасти в политические, советские власти решают пресечь их. Власти к 1931 году осознали то, что опасность раскола среди марийской интеллигенции может привести к росту оппозиционности. Поэтому, они решили, что конфликт может быть разрешен путем чисто административных мер. Обе газеты «Марий ял» и «Йошкар кече» были закрыты, а их редакции объединены в рамках одной новой газеты «Марий коммунист», которая начала выходить непосредственно в Марий Эл - в Йошкар-Оле. Однако, язык газеты сохранял значительные элементы восточного наречия, что имело и негативные последствия, выразившиеся в сокращении тиража⁵⁶¹.

Таким же образом, еще раньше, была пресечена активности коми интеллигенции, Поддерживая национальное коми движение в его умеренных проявлениях, советские власти не были заинтересованы в его дальнейшем развитии и усилении коми языка. Они воспротивились предложению коми деятеля Д.А. Батиева о созыве коми съезда, который бы призвал к объединению всех коми в рамках одной территориально-административной территории с закреплением статуса коми языка. Наряду с этим советская власть перестала поддерживать марийскую и коми интеллигенцию в попытках создания единых литературных языков, так как решили, что их формирование в перспективе может привести к усилению марийцев и коми, быстрому развитию Марий Эл и Коми и, возможно, к тому, что возникнет оппозиционное национальное движение. Поэтому, было начато культивирование двух марийских языков. Советские власти получили поддержку части марийских интеллектуалов, недовольных тем, что те интеллектуалы, которые получили власть, насаждали луговой диалект. Некоторые марийские интеллектуалы требовали приравнять горный диалект к самостоятельному языку⁵⁶².

---

⁵⁶⁰ Пүнчерский. Марий литератур йылме герген / Пүнчерский // Йошкар кече. - 1928. - 31 августа; Юсупов Н. Марий литератур йылме нерген / Н. Юсупов // Марий коммунист. - 1936. - 1 - 2 апреля.

⁵⁶¹ Андреев И.Ф. Марий литератур йылме нерген / И.Ф. Андреев // Марий коммунист. - 1935. - 11 августа.

⁵⁶² Пекунькин М.И. Наречий-влакым ушымо ден литератур йылым ыштыме паша нерген / М.И. Пекунькин // Марий Ял. - 1928. - 30 сентября.

Не смотря на такой раскол, национальные интеллигенции в отдельных финно-угорских регионах смогли достичь определенных результатов. Добившись свобод для своих национальных языков, они превратили их в языки книгоиздания. Внедрение марийского языка не было возможно путем только издания распоряжений. Усиление языка было результатом деятельности местных марийских интеллектуалов, которые, веря в возможность и будущее языка, много писали на нем, активно издавая свои работы при помощи властей. С 1921 года в Марий Эл стала выходить газета «Йошкар кече». В 1922 году вопрос об изданиях на марийском языке обсуждался марийскими членами партии. К 1930 году было издано 265 названий книг на марийском языке. С 1930 по 1932 год вышло уже 817 названий книг. Тиражи газет на марийском языке увеличились с 3500 экземпляров в 1923 году до 35 тысяч в 1931 году. К тому времени существовало уже 30 издательств, где выпуск литературы велся на марийских языках, хотя в марийском обществе велась дискуссия о создании одного издательского центра. В 1933 году было открыто партийное издательство. Развитию языка способствовало и активное издание периодической литературы. При этом многие мари относились к этому скептически, не видя смысла в активной издательской деятельности на марийском языке. Национально настроенные авторы вели с ними острую полемику, отмечая, что «безразличное отношение активиста мари к созданию книги на родном языке равноценно дезертирству с боевого участка, недооценке линии партии в создании национальной прессы»⁵⁶³.

Усилению национальных языков финно-угорских народов вело то, что на них стали выходить периодические издания и разнообразная литература от художественной до научной и политической. Примечательно, что этот процесс имел общий характер для всех финских регионов РСФСР. В период 1920 - 1930-х годов на марийском языке выходил целый ряд различных периодических изданий - газет и журналов. В 1922 году в Казани на марийском языке вышел первый номер журнала «У илыш» («Новая жизнь»). В 1926 году началось издание литературно-художественного журнала «У вий» («Новая сила»). В 1925 - 1927 годах в качестве приложения к газете «Йошкар кече» выходил журнал «Арлан ден Кестен» («Хомяк и кистень»). В 1920 - 1922 годах выходил журнал «Юк» («Голос») на горном диалекте марийского языка. С 1927 года вместо журнала «У илыш» начинает выходить газета «Марий ял». В 1931 году ее объединили с «Йошкар-кече», и она стала выходить под названием «Марий коммунист».

С 1926 года стала выходить горно-марийская газета «Кыралшы». В 1930 году она была переименована в «Ленин корны». С 1930 года стали издаваться газеты «Рвезе коммунар» и «Рвезе коммунист», с 1932 - «Ямде

---

⁵⁶³ Сави. Тўн верыш тольо / Сави // Йошкар кече. - 1921. - 27 ноября; Апшат М. Марий кнага первый вичияшыште / М. Апшат // Марий коммун. - 1934. - 23 февраля; Алексеев Н. Марий кнага паша / Н. Алексеев // У илыш. - 1927. - № 3.

Лий». В 1933 - 1934 и 1936 - 1938 выходила газета «Социализм корно». Выходили так же газета «Комсомол йук», журналы на горном наречии - «Тыныктымо паша», «Пролетар культур верч», «Марий ўдырамаш», «Пионер йўк», «У сэм». При этом каждый район издавал свою газету на марийском языке. К 1936 году на марийском языке выходило 18 периодических изданий. В межвоенный период мордовский язык начал широко использоваться в периодической печати. На мордовском языке в разное время и в разных местах выходило несколько крупных периодических изданий. Наиболее интересны в их ряду следующие: «Чинь стямо» (Ульяновск), «Якстер теште» (Москва), «Якстере сокиця» (Саратов), «Од эрямо» (Новосибирск), «Од веле» (Пенза). К концу 1930-х годов стали выходить общественно-политические журналы «Валдо ян» (Пенза) и «Сятко» (Куйбышев)⁵⁶⁴.

Другим направлением в поддержании национальной идентичности были дискуссии вокруг алфавитов финно-угорских народов. Проблема алфавита стала маркером отношения властей к национальным движениям и судьбе национальных идентичностей. Дав свободу интеллектуальному творчеству местной национальной интеллигенции, большевики имели все шансы потерять контроль над ними. По данной причине, позволяя в 1920-е и в первой половине 1930-х годов проводить дискуссии, то во второй половине 1930-х годов власти пресекли дискуссии, навяз местным языкам через давление на национальных интеллектуалов использование алфавитов, созданным под сильнейшим русским влиянием. В межвоенный период важной была проблема алфавита в Марий Эл. В 1924 году, были предприняты шаги к созданию нового для языка мари алфавита. Было решено не включать в него русские буквы *ф*, *х*, *ц* и *ш*. Позднее имела место дискуссия по поводу развития марийского алфавита.

Многочисленные марийские деятели культуры (М. Шкетан, Н. Юсупов, И. Андреев, А. Эрыкан, Х. Смирнов, М. Иванов и другие) были противниками привнесения русских элементов в алфавит. Выступая против внесения русских букв, они отмечали, что алфавит, в конечном счете, явление условное. Они считали, что он, в первую очередь, должен отражать специфику языка. Они придерживались мнения, что появление русских букв не будет способствовать развитию языка. Более того, они отмечали, что не следует ориентироваться во всем на русскую графику, так как та во многом не является идеальной. Их противники (Г.Кармазин, В. Пумар, В. Васильев, О. Искандаров, Г. Яковлев, К. Валиптаев, М. Чхаидзе) считали, что в марийский язык не надо вводить русские буквы, но можно изобрести несколько новых - *с'*, *т'*, *д'*. Существовала и третья, самая малочисленная группа, представители которой (Н. Иванов, Н. Орлов) выступали за ско-

---

⁵⁶⁴ Эрыкан А. Печать пашан кушмыжо / А. Эрыкан // Социализм корно. - 1936. - 30 июня.

рейшее сближение марийского языка с русским, то есть стояли на антимарийских позициях⁵⁶⁵.

Важным этапом в межвоенный период в культивировании марийской национальной идентичности было движение за латинизацию алфавита марийского языка, что рассматривалось как возможность резкого ускорения модернизации и приближения к Европе. Советская историография не придавала данным событиям серьезного значения, рассматривая их как проявление крайностей и один из частных эпизодов в развитии культуры. Идеи перехода на латинский алфавит свидетельствовали о значительном усилении марийской национальной идентичности и усилении марийского самосознания. Первые идеи подобного плана в Марий Эл возникли в 1930 году. Идея перевода на латиницу принадлежала Г. Кармазину. Свою точку зрения он высказал в статье, опубликованной в феврале 1930 года в газете «Йошкар кече».

Статья вызвала интерес, и вскоре на нее появился ряд откликов таких марийских исследователей языка как Д. Микушев, А. Пашаева, К. Колесников, П. Ланов. Понимая интерес к данной теме, Кармазин пишет еще одну статью, посвященную латинизации. Возможность латинизации была рассмотрена на съезде писателей в 1931 году и на первой научной сессии Марийского НИИ. Проблема латинизации была признана актуальной, и вскоре был подготовлен проект перехода на латинскую основу, автором которого был Кармазин. Он считал, что в алфавите марийского языка на латинской основе каждому звуку будет соответствовать одна буква, сходным звукам будут соответствовать сходные по графическим начертаниям буквы. Такой алфавит должен был состоять из 35 букв⁵⁶⁶.

Несколько позднее идея перевода на латинскую графику нашла новых сторонников. Они, признавая необходимость перевода марийского языка на латинский алфавит, предлагали лишь некоторые улучшения. Например, предлагалось вместо букв «ä» и «ï» использовать буквы «э» и «у». Однако вскоре дискуссии о латинизации алфавита стали затухать. Тем не менее, было решено продолжить изучение данной проблемы и издать несколько книг на марийском языке на латинской основе в качестве эксперимента. Марийские авторы пришли к выводу, что «переход на латинизированный

---

⁵⁶⁵ Шкетан М. Чылдыри шомак / М. Шкетан // Марий коммун. - 1936. - 28 декабря; Юсупов Н.Н. У принцип дене ыштыме Марий алфавит нерген / Н.Н. Юсупов // Марий коммуна. - 1936. - 16 марта; Андреев И.Ф. Адак марий алфавит нерген / И.Ф. Андреев // Марий коммун. - 1936. - 15 марта; Эрыкан А.Н. Марий литератур йылме нерген / А.Н. Эрыкан // Марий коммун. - 1937. - 4 января.

⁵⁶⁶ Кармазин Г. Марий алфавитым вашталтыме нерген / Г. Кармазин // Йошкар кече. - 1930. - 4 февраля; Микишев Д. Latin alfavit vegс / Д. Микишев // Марий ял. - 1930. - 13 февраля; Пашаев А. Уэмдаш гын, тўн гычак уэмдаш / А. Пашаев // Марий ял. - 1931. - 2 апреля; Колесников К. Ончык тошкалыш манын, шенгек тошкалыш ынже лий / К. Колесников // Марий ял. - 1931. - 2 апреля; Ланов П. Молан ме латин алфавитыш савырнена / П. Ланов // Марий коммунист. - 1931. - 25 марта.

алфавит на современном этапе социально-культурного развития не представляет практической необходимости и целесообразности». Более того, М. Колесников отмечал, что «русский алфавит, видоизмененный в соответствии с нормами марийского языка, не только не служит препятствием для социокультурного развития мари, но вполне обеспечивает их дальнейшее развитие»⁵⁶⁷.

Тем не менее, латинизация марийского алфавита и в 1930-е годы еще имела своих сторонников. Рассматривая перспективы перевода алфавита на латинскую основу, сторонники латинизации указывали на ряд достоинств латиницы перед русской графикой. Они считали, что латинский алфавит более удобен для написания интернациональных слов, облегчает процесс изучения иностранных языков. Они считали, что русский алфавит менее соответствует нормам марийского языка и не отвечает его фонемной системе. Сторонники латинизации считали, что латинские буквы более просты для чтения и понимания. Несмотря на возможные позитивные последствия для развития языка, латинизация марийского алфавита все же не имела места. Более поздние мероприятия властей в области языка были, скорее всего, направлены не на его развитие, а на ослабление, сокращение неповторимости и национальной специфики. В 1938 году марийским интеллектуалам, ослабленным репрессиям, был навязан новый, русский в своей основе, алфавит⁵⁶⁸.

В послевоенный период ситуация с угро-финскими языками в автономиях в значительной степени изменилась не в пользу местных национальных языков. На развитие этих автономий влияло то, что они граничили, как правило, с русскими областями. Такое соседство вело к притоку немордовского, немарийского, неудмуртского, как правило, русского населения, что создавало угрозу местным национальным идентичностям. Это создавало условия для русификации, но, несмотря на общесоюзные тенденции к русификации, местные гуманитарные интеллектуалы сделали много для сохранения и развития своих национальных идентичностей, в первую очередь языков. При увеличении исследований⁵⁶⁹ по данным языкам и публикаций словарей (хотя, первые подобные издания вышли еще в межвоенный период) реальная их роль резко сократилась.

---

⁵⁶⁷ Акрейн Ал. Марий алфавитым латинлыман // Марий ял. - 1931. - 2 апреля.

⁵⁶⁸ Проект алфавитов и орфографий марийских языков. - Йошкар-Ола, 1938; Кармазин Г. Марий алфавитым вашталтыме нерген / Г. Кармазин // Йошкар кече. - 1930. - 4 февраля; Ланов П. Молан ме латин алфавитыш савырнена / П. Ланов // Марий коммунист. - 1931. - 25 марта.

⁵⁶⁹ Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки / ред. Н.А. Баскаков. М., 1969.

Модернизация, интеграция и лояльность (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.)

Важнейшей сферой поддержания национальных идентичностей в советский период было изучение местных языков. Как мы уже констатировали выше, языковое воображение было важным каналом политической и культурной модернизации. Подобная активность местных нерусских интеллектуалов в данной сфере всегда несла на себе отпечаток времени. Особенно интересны попытки построения и поддержки языковой идентичности, имевшие место в период правления Сталина. Развитие данных процессов было сходно во всех финно-угорских регионах РСФСР. В большинстве исследований о финно-угорских языках написанных между 1945 и 1953 годом очевиден синтез национальной идеи с лояльностью властям⁵⁷⁰. Местные культурные элиты сочетали возможность изучения своих культур и языков с обязательным прославлением политики Сталина.

В первом томе возобновленного периодического издания Марийского НИИ, имевшем название на марийском («Йылме ден письменность сектор. Ученый записка-шамыч») и русском языках, местные интеллектуалы писали, что именно деятельность Сталина стала стимулом в развитии марийского языка. Марийский автор К.Ф. Смирнов в связи с этим писал, что марийский народ «получил возможность читать на родном языке труды Ленина и Сталина». Воспевание Сталина органически сочеталось с критикой марийского буржуазного национализма, который пытался «оторвать развитие культуры марийского народа от культуры великого русского народа». Марийские интеллектуалы в духе послевоенного правления Сталина писали о «троцкистско-бухаринских бандитах», которые «немало навредили в создании и развитии марийских литературных языков». В результате К.Ф. Смирнов утверждал, что «трудящиеся Марийской республики под руководством партии Ленина - Сталина разгромили врагов народа, отбросили их реакционные, враждебные советскому интернационализму идеи и еще больше укрепили исторически сложившиеся связи с русской культурой, расчистили путь для успешного строительства национальной социалистической культуры»⁵⁷¹.

Мордовские интеллектуалы утверждали, что публикации Сталина по проблемам языкознания стали проявлением «отеческой заботы о науке, о расцвете национальных языков, как выразителей социалистического со-

---

⁵⁷⁰ Васильев В.М. Семантические и логические связи речи в интонационном ее преломлении в марийском языке / В.М. Васильев // Марийский НИИ языка, литературы и истории. Ученые записки сектора языка и письменности. - Йошкар-Ола, 1948. – Вып. 1. - С. 17 - 34.

⁵⁷¹ Смирнов К.Ф. Некоторые итоги и задачи марийского языкознания / К.Ф. Смирнов // Марийский НИИ языка, литературы и истории. Ученые записки сектора языка и письменности. Йошкар-Ола, 1948. – Вып. 1. – С. 3 - 16.

держания национальных культур». Стремясь показать свою лояльность и сочетая ее с национальными идеями, мордовские интеллектуалы использовали идеи Сталина как стимул для изучения языков, для привлечения интереса к мордовским языкам. Ссылаясь на Сталина, мордовские исследователи стремились доказать, что изучение «этногенезиса мордвы, изучение родства мордовских языков и их исторических отношений с другими финно-угорскими языками» не только совершенно естественно, но и политически необходимо.

Со смертью Сталина ситуация изменилась во всех угро-финских регионах. В Марий Эл начались дискуссии о создании единого марийского литературного языка. Еще в начале 1952 году научная сессия Марийского НИИ обсуждала данную проблему. Было решено подготовить новый проект орфографии и создать единые литературные нормы. Внимание было уделено выяснению общих и различных черт между марийскими языками. Специально для этого был подготовлен сравнительный словарь различающихся слов лугового и горного марийского языков. С другой стороны, марийские интеллектуалы получили несколько больше возможностей для изучения родного языка и его диалектов. Было признано, что перед марийскими учеными стоят большие задачи изучения и развития марийских языков⁵⁷².

В декабре 1953 года в Йошкар-Оле прошла научная сессия по проблемам развития марийского языка, организованная Марийским НИИ. В ходе работы сессии приняли участие носители всех говоров марийского языка, а так же писатели, ученые, учителя школ, преподаватели марийского языка. В своем докладе марийский ученый А. Асылбаев говорил о необходимости научного обоснования возможности создания единого марийского литературного языка. В ходе работы сессии выяснилось, что марийская интеллигенция не едина и не имеет единого и четкого мнения относительно языка. Ученые Марийского НИИ считали необходимым положить в основу единого языка лугово-восточную форму. Их противники считали, что этого не следует делать. Свое мнение они мотивировали тем, что в предыдущий период в Марий Эл фактически сложились два языка, которые были уже достаточно развитыми, имели литературу и письменные нормы. Поэтому, они считали, что основная задача состоит не в создании единого марийского языка, а в развитии двух его форм. Однако, сторонники создания единого языка были сильны настолько, что еще до проведения научной сессии смогли заявить о себе в марийской печати⁵⁷³.

---

⁵⁷² Проект частично измененной орфографии марийского литературного языка. - Йошкар-Ола, 1953; Курык марий ден олык Марий мут-влакым тангастарыме словарь. - Йошкар-Ола, 1953.

⁵⁷³ Ильяков Н.Ф. О путях сближения диалектов марийского языка / Н.Ф. Ильяков // Марийская правда. 1952. 14 ноября.

В итоге сессия приняла несколько решений. Было решено составить сравнительный словарь для изучения различий между наречиями для их дальнейшего устранения. При этом опытный вариант такого словаря был уже подготовлен к сессии. Было принято и важное решение о преподавании с пятого по десятый класс в горно-марийских школах на луговой форме языка. Отмечалась и необходимость подготовки новых учебников. Вместе с тем было и принято и решение, ставшее результатом компромисса: было решено популяризировать и распространять среди горных марийцев литературу на луговом наречии, а среди луговых - на горном. Результаты не заставили себя долго ждать. С одной стороны, появился ряд новых учебных изданий о марийском языке. С другой, был пересмотрен алфавит и грамматика⁵⁷⁴.

Послевоенный период отмечен сокращением роли всех финно-угорских языков, в том числе и мордовского. Это означало перенос акцентов в модернизационной стратегии с собственно модернизации на интеграцию. Вытеснение языка из общественной жизни, замена его русским были особыми формами ослабления и разрушения мордовской национальной идентичности. Все это имело место на фоне пропаганды об успешном развитии мордовских языков. Такая политика может быть определена как скрытая русификация. К 1970-м годам в сельской местности более 40 % мордовского населения было вынуждено говорить на русском языке. Мордва горожане (52 %) и дома были вынуждены говорить по-русски. На работе горожане мордовской национальности говорили, как правило, по-русски. Они составляли более 70 %⁵⁷⁵.

Отличительная черта послевоенного периода в истории Удмуртии так же состояла в постепенном сокращении роли удмуртского языка, что негативно оценивалось удмуртскими авторами. До 1958 года до седьмого класса преподавание всех предметов в удмуртских школах велось на удмуртском языке. С 1962 года обучение стало вестись на русском языке с пятого класса. При этом преподавание удмуртского языка в средних школах сохранилось. К концу 1960-х годов на территории Удмуртской АССР существовало 1200 школ. Из них 369 были удмуртскими, 97 - смешенными. В 1970-е годы преподавание велось уже на русском языке. На удмуртском языке обучение имело место лишь в начальных классах. Параллельно сокращение преподавания удмуртского языка компенсировалось улучшением качества его изучения, так как были введены единые программы и учебники. При этом если до 1978 года удмуртский язык изучались до восьмого класса, то с 1979 года эти предметы стали преподаваться и в двух последних классах. Ряд удмуртских авторов 1970-е годы был вынужден

---

⁵⁷⁴ Курык марий ден олык Марий мут-влакым тангастарыме словарь. - Йошкар-Ола, 1953; Пенгитов Н.Т. Марий йылме учебник / Н.Т. Пенгитов. - Йошкар-Ола, 1958.

⁵⁷⁵ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы / Н.Ф. Мокшин. - Саранск, 1977. - С. 220 - 230.

писать о том, что в УАССР идея процесс «удмуртско-русского сближения».

Аналогичные процессы имели место и в Марийской АССР. При этом марийские интеллектуалы при описании данной ситуации были более последовательны в отстаивании своих национальных интересов, скрыто заявляя о русификации. Марийские авторы негативно оценивали вытеснение марийского языка из ряда сфер деятельности, в первую очередь из производства и государственного управления. Они считали негативным и опасным процесс перехода технической интеллигенции на русский язык. Они видели опасность в исчезновении из марийского литературного языка канцелярско-делового и научно-технического стилей. Вместе с тем, они верили в будущее марийского языка, отмечая, что он будет развиваться и в дальнейшем. Марийская интеллигенция посчитала ошибочным перевод марийских школ на русский язык обучения с исключением марийской литературы как предмета. Возвращение же к частичному преподаванию на марийском языке им оценивалось положительно⁵⁷⁶.

Несмотря на такие искусственно направляемые этноязыковые процессы, именно языки оставались важнейшими средствами в сохранении национальных идентичностей. Например, удмуртский язык был одним из важнейших каналов развития и культивирования удмуртской национальной идентичности. В Удмуртской АССР имели место значительные исследования удмуртского языка. Кроме этого на удмуртском языке выходила значительная литература, художественная, общественно-политическая и научно-популярная. Издавались газеты и журналы, выходившие значительными тиражами. Важнейшими удмуртскими газетами были «Сюрло» («Серп»), «Дась лу!» («Будь готов!»), «Егит большевик» («Молодой большевик»), «Ужась» («Рабочий»), журналами - «Удмурт калыклы кулэ кенешъс» («Полезные советы удмуртскому народу»), «Муш» («Пчела»), «Кенеш» («Совет»), «Кизили» («Звезда»). Издание такого количества газет и журналов на удмуртском языке преподносилось как «расцвет удмуртской печати и литературы»⁵⁷⁷.

В Удмуртской АССР местные интеллектуалы много сделали для сохранения языка и его изучения⁵⁷⁸, что было особенно актуально, так как удмуртское население уменьшалось, а русское росло. В результате удмуртский язык оказался языком меньшинства - удмуртов, титульной нации Удмуртской АССР. В Марийской АССР каналом поддержки идентичности был именно марийский язык, изучению, поддержанию и развитию которо-

---

⁵⁷⁶ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 240, 247.

⁵⁷⁷ 400 лет вместе с русским народом. - Ижевск, 1958. - С. 96.

⁵⁷⁸ Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / Д.В. Бубрих. - Ижевск, 1948; Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложноподчиненного предложения. Ижевск, 1974; Поздеева А.А. Грамматика удмуртского языка / А.А. Поздеева. - Ижевск, 1951.

го местные интеллектуалы уделяли особое внимание. Хотя первые исследования по языку и истории марийского языка возникли в межвоенный период⁵⁷⁹, его активное и всесторонне изучение началось только после 1945 года. Центром такой деятельности стал Марийский НИИ языка, литературы и истории⁵⁸⁰. Что касается Мордовии, то центром мордовских национально мыслящих интеллектуалов был Научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. НИИ издавал периодические издания, которые часто меняли свое название, но значительная часть материалов которых была посвящена проблемам истории, культуры, языка и литературы мордовского народа. Большинство статей выходило на русском языке.

Очень много в рамках этого издания было сделано для культивирования именно языковой идентичности. Выходили исследования по истории и грамматике, по диалектологии и лексикологии⁵⁸¹. Среди мордовской интеллигенции эрзя интеллектуалы были более национально настроены. По данной причине, по проблемам эрзя-мордовского языка было издано несколько больше работ, чем по мокша-мордовскому языку. Мордовским языкам уделялось особое внимание, так как осознавалось, что потеря языка означает ассимиляцию в форме русификации, в чем мордовская интеллигенция вовсе не была заинтересована, несмотря на все чисто политические и стратегические уверения о пользе и необходимости сближения и сотрудничества с братским и великим русским народом.

В 1961 году, подводя некоторые итоги работы Мордовского НИИ, его директор кандидат философских наук А.Л. Киселев отмечал, что НИИ за свое тридцатилетнее существование проделал огромную работу в изучении мордовской истории, языка и литературы. В заслугу НИИ ставилась подготовка и публикация первых фундаментальных исследований по истории и археологии мордвы, проблемам мордовского языка, по истории и теории мордовской литературы. Отмечалось, что НИИ ведет активную работу в области организации и проведения экспедиций - археологических, этнографических, диалектологических, фольклорных. Особо подчеркивались контакты НИИ с другими научными и исследовательскими организациями. Особый акцент делался на связях с аналогичными структурами и учреждениями в этнически близких ССР (Эстонской) и АССР (Карельской, Марий-

---

⁵⁷⁹ Эман С. Дореволюционные письменные памятники на марийском языке / С. Эман // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Марийской АССР. - 1939. - Вып. 1.

⁵⁸⁰ Григорьев Я.Г. Марийский язык / Я.Г. Григорьев. - Йошкар-Ола, 1953; Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми / М.Р. Федотов. - Чебоксары, 1965.

⁵⁸¹ Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / М.Н. Коляденков. - Саранск, 1955; Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. - Саранск, 1955. - Вып. 1 - 2.

ской, Удмуртской, Коми). А.Л. Киселев говорил и об установлении отношений с Академией Наук ВНР. В качестве примера такого сотрудничества им назывался обмен печатными изданиями между Мордовской АССР и ВНР⁵⁸².

Особый интерес у местных интеллектуалов вызывали истории языков, так как это были именно те сферы, где максимально можно было проявить свои национальные отличия и особенности⁵⁸³, способствуя формированию современной (модерной) политической идентичности. История языков была в меньшей степени подвержена русификации, чем другие направления гуманитарных исследований. Марийский филолог И.Г. Иванов считал, что история литературного марийского языка является сложной проблемой. Он критиковал теории немарийских авторов, которые считали, что марийский литературный язык возник только после установления советской власти и активного языкового строительства. Такие подходы к проблемам истории марийского языка И.Г. Иванов оценивал как «необоснованные толкования относительно времени зарождения марийского литературного языка». Рассматривая марийский язык, немалое внимание его исследователями уделялось истории, так как она была крайне важна для местных интеллектуалов, поскольку давала им подтверждения того, что марийский язык не уступает другим языкам. На основе исторических исследований марийские исследователи пришли к выводу, что марийский язык не только может, но и должен использоваться в общественной жизни Марийской АССР. Именно поэтому марийские авторы отмечали, что литературный язык должен использоваться широко - в публицистике, науке, государственном управлении, устных выступлениях⁵⁸⁴.

Марийские интеллектуалы считали, что в отношении марийского языка нельзя использовать термин «литературный язык», который использовался при изучении других языков народов Советского Союза. Марийский исследователь И.Г. Иванов отмечал, что к марийскому языку неприменимо определение литературного языка как «обработанной нормы общенародного языка, обладающего в той или иной степени письменно закрепленными нормами». Марийские историки считали, что такой подход не характеризовал всей сложности марийского литературного языка. Рассматривая историю марийского литературного языка, местные исследователи нередко повторяли теории западных исследователей национализма, хотя ссылки на труды западных авторов отсутствовали. Тем не менее, их влияние совер-

---

⁵⁸² Киселев А.Л. Программа работы на семилетие / А.Л. Киселев // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР. Труды. Серия историческая. - Саранск, 1961. - Вып. 21. - С. 3 - 7, 11.

⁵⁸³ Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика / Л.П. Грузов. - Йошкар-Ола, 1969.

⁵⁸⁴ Иванов И.Г. История марийского литературного языка / И.Г. Иванов. - Йошкар-Ола, 1975. - С. 3 - 6.

шенно очевидно. Марийский литературный язык рассматривался как «в какой-то мере искусственное образование». Подобно западным исследователям литературный язык понимался как «тот же народный язык, но поднятый на более высокий уровень в силу своей обработанности и присутствия в нем известных элементов искусственности»⁵⁸⁵.

Признавая роль национальной политики 1920-х годов, направленной на всесторонне развитие и укрепление национальных языков, марийские советские интеллектуалы все же не были склонны абсолютизировать ее положительное значение. Вместе с тем теории, которые преувеличивали роль языкового строительства и, тем самым, преуменьшали внутренние возможности марийского языка, признавались неправильными. Вместо этого марийские авторы считали, что марийский язык возник в более ранний период. Марийские историки считали, что марийский литературный язык возник уже в XIX веке. По данной причине, И. Иванов в своей работе по истории марийского литературного языка приводит Приложение, которое представляет собой список из 255 названий книг изданных на марийском языке с 1769 по 1917 год⁵⁸⁶.

Утверждая это, марийские интеллектуалы стремились несколько удревить историю марийского языка. Особо важны при создании истории марийского языка были важны ранние письменные памятники, написанные на нем и относившиеся к XVIII веку. Примечательно то, что, рассматривая марийский язык на столь раннем этапе его развития, марийские историки обращались к Европе, указывая на то, что первыми исследователями были не русские, а именно европейские ученые. Европейцы Н. Витзен и Д.Г. Мессершмидт в марийской национальной историографии превратились в первых исследователей марийского языка, о которых было можно писать не только по-русски, но и по-марийски. Исследования о марийском языке, словари и первые тексты Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, А. Альбинского в целом получили довольно позитивное прочтение, став объектами для исследований в марийской историографии.

Рассматривая проблемы истории марийского литературного языка, марийские историки вступали в полемику с русскими авторами, которые нередко были склонны понимать под литературным языком - язык художественной литературы. Марийские исследователи считали такой подход неверным. В сферу использования литературного языка они включали и большую литературу религиозного содержания, которая вышла на марийском языке до 1917 года. Марийские историки, в отличие от официальной русской советской историографии с ее крайне негативным отношением к Церкви и всему с ней связанному, считали, что религиозные тексты, написанные на марийском языке, «можно уверенно относить к литературе»⁵⁸⁷.

---

⁵⁸⁵ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 3 - 4.

⁵⁸⁶ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 4, 248 - 254.

⁵⁸⁷ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 5 - 6.

Изучая историю марийского литературного языка, марийские историки разработали его периодизацию, согласно которой в истории литературной нормы марийского языка следует выделять несколько этапов. Первый этап марийские историки условно называли долитературным, датируя его со второй половины XVIII по 60-е годы XIX столетия. Марийские историки считали, что на данном этапе отдельные слова, отрывочные тексты, словари и небольшие стихотворения были основными памятниками марийского языка. Марийская национальная историография рассматривала первый период как время появления книг на «исковерканном марийском языке». В данном случае марийские интеллектуалы своеобразно обращались к опыту европейских, главным образом родственных, народов. Они отмечали, что такой этап пережил в своем развитии и эстонский язык. Более того, марийские интеллектуалы нередко непосредственно ссылались на работы своих эстонских коллег⁵⁸⁸.

Второй этап в истории марийского языка датировался периодом между 1870-ми и 1920 годом. Он рассматривался как время возникновения непосредственно марийского литературного языка, а его наиболее важными письменными памятниками признавались издания «Братства святого Гуррия» и «Марла календарь». Марийский исследователь И. Иванов отмечал, что во второй половине XIX века на марийском языке вышло около шестидесяти книг. Марийские интеллектуалы придавали большое значение изданиям данного времени, как важному этапу в истории марийского языка. Они считали, что эти публикации вели к росту национального самосознания мари, способствовали размыванию диалектных особенностей, то есть «создавали фундамент, на котором формировался марийский литературный язык». Несмотря на то, что подавляющее большинство изданий было религиозного содержания, само их появление признавалось как шаг вперед в развитии марийского языка⁵⁸⁹.

Рассматривая историю марийского языка в XIX веке, марийские авторы как бы заявляли о своем несогласии с тезисом о формировании марийского языка исключительно в советский период. Обращение к истории языка было важно, так как оно обеспечивало преемственность в развитии языка и культуры, не разрывало связь между различными пластами национального самосознания. Особо важно в данном случае было обращение к «Марла календарь» - календарям, выходившим на марийском языке с 1907 по 1913 год. «Марла календарь», который издавался представителями марийской национальной интеллигенции, оценивался как «неоценимый вклад в развитие марийского литературного языка». Марийские интеллектуалы к числу заслуг издателей календаря относили их интерес к марийскому язы-

---

⁵⁸⁸ Kask A. Eesti kirjakeele ajaloost / A. Kask. - Tartu, 1970.

⁵⁸⁹ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 7-9, 32-33.

ку, к фольклору, к стремлению создать язык свободный от излишних заимствований⁵⁹⁰.

Советские марийские интеллектуалы при изучении «Марла календаря» могли проявить свою идентичность, заявив о себе как о марийцах. Само появление подобного издания в начале XX века рассматривалось ими как результат «пробуждения национального самосознания марийского народа». Марийский исследователь И.Иванов считал, что появление этого издания говорит о сложении марийского литературного языка и о значительном росте национального самосознания марийского населения уже готового к тому, чтобы консолидироваться в нацию. Выдвинув именно такую оценку в изучении «Марла календаря» И. Иванов вступил в полемику с другими марийскими авторами, которые были настроены менее национально. И.Иванов считал неверным утверждения С. Эмана о реакционности и национализме издателей календаря. Оценка Эмана названа им необъективной. Опора на фольклор, которая критиковалась Эманом, оценивалась как стремление «создать чистый, литературный язык». Наряду с Эманом, И.Иванов подверг критике другого исследователя А. Асылбаева, считавшего, что «вместо того, чтобы выбрать для основы литературного языка наиболее древний и богатый диалект, они идеализировали древний язык, считая его корневым, освобождаясь от интернациональных слов, они хотели возродить старые марийские слова». Такой подход был признан И. Ивановым как неправильный, так как он считал неуместным опору на один диалект из-за того, что все марийские диалекты были «по своему сильны и богаты»⁵⁹¹.

Если другие марийские авторы видели в опоре на народные традиции и фольклор проявления национализма, то И. Иванов, наоборот, считал их этот фактор одним из благотворнейших в развитии марийского литературного языка. Показывая развитие фольклорных исследований, он вновь отмечал, что в них приняли участие представители родственных европейских народов, финны и венгры. Особо положительно им оценивалась роль эстонского исследователя М. Веске. Мысля национально, И. Иванов писал, что фольклор, устное народное творчество вдохновляли первых марийских писателей, служили для них стилевой и языковой школой. Поэтому, ряд марийских авторов считал совершенно естественным то, что многие памятники марийской поэзии имели народные истоки, так как были написаны в «духе сюжетных народных песен». Более того, И.Иванов считал, что между марийским фольклором и литературой существовал прямой континуитет. Литература рассматривалась им как «продолжение песенного

---

⁵⁹⁰ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 36 - 37.

⁵⁹¹ Асылбаев А.А. Марла календарьлан - 50 ий / А. Асылбаев // Марий литература нерген статья-влак. - Йошкар-Ола, 1957.

творчества народа», в пользу чего говорило влияние народного творчества на стилевые особенности первых памятников марийской поэзии⁵⁹².

Развитие марийского языка в советский период признавалось как третий этап в истории марийского литературного языка, как элемент модернизационного проекта формирования современной нации. Что касается советского периода, то он подразделялся на три этапа, связанных с особенностями его развития. Советская эпоха позиционировалась положительно. Советские марийские интеллектуалы, считали, что именно в СССР были созданы условия для полного и свободного развития марийского литературного языка во всех его формах и проявлениях. Вместе с тем, признавая современные успехи в развитии марийского языка, марийские авторы признавали и то, что расцвет периодической печати на нем имел место в межвоенный период⁵⁹³, а в 1970-е годы развитие периодики отставало от межвоенных темпов, уступая ей по качеству и степени проявления национальных отношений.

В целом, изучение истории марийского языка в советский период было одной из самых сложных проблем для марийских интеллектуалов. С одной стороны, они понимали, что именно в советское время для развития их языка были созданы максимальные условия. С другой, представители послевоенной марийской интеллектуальной элиты помнили, что стало с их ранними и более национально мыслящими предшественниками. По данной причине, они были вынуждены лавировать между национальными чувствами и властями. И советский режим и местные интеллектуалы в принципе были солидарны в необходимости проведения модернизации в национальных регионах. Проблема состоит в том, что в то время, когда местные интеллектуальные сообщества настаивали на гармоничной и взвешенной модернизации при учете национальных предпочтений, политическое руководство, наоборот, сосредоточило основные усилия на экономической стороне модернизационного процесса.

Интеллектуальное сообщество в контексте модернизационных и интеграционных процессов

История, наравне с языками, была важной сферой поддержания и развития национальных идентичностей в финно-угорских районах. История, как и языковое воображение, была важной сферой реализации модернизационного проекта. Местные интеллектуалы сделали много для формирования особого типа национальной идентичности, опираясь именно на проведение исторических исследований. В ходе поддержания и культивирова-

---

⁵⁹² Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 49 - 54.

⁵⁹³ Иванов И.Г. История марийского литературного языка. - С. 8, 54, 77.

ния советского типа идентичности история использовалась максимально широко. Советские интеллектуалы использовали историю для поиска обоснований тех или иных моментов своей национальной идентичности.

Особое внимание уделялось ранней, этнической истории финно-угров. Практически все финно-угорские историографии в РСФСР отметились изданиями, посвященными проблемам этногенеза угро-финских народов. Наиболее четко данная тенденция была представлена в Марийской и Мордовской АССР. Мордовский НИИ и мордовские интеллектуалы смогли с 8 по 10 декабря 1964 года организовать «научную сессию по этногенезу мордовского народа». В ходе сессии проблемы происхождения мордвы получили изучение в самых различных ракурсах, рассматриваясь с перспективы древней истории, археологии, антропологии, этнографии. Вместе с тем, при изучении данной проблемы мордовские авторы следовали за общесоюзной тенденцией, рассматривая формирования мордвы через призму этапо-общностей, начиная племенем, продолжая народностью и завершая нацией⁵⁹⁴.

Правда, в ряде случаев местные интеллектуалы были вынуждены акцентировать внимание на русском влиянии, а не на местной финно-угорской специфике. Такая ситуация в наибольшей степени была характерна для пермских народов - коми и удмуртов. Рассматривая данную проблему, удмуртские советские интеллектуалы, избегали указаний на финно-угорское происхождение удмуртов, считали, что для развития удмуртов были характерны такие же этапы, что и для других народов - племя, народность, нация. Считалось, что «с постепенным разрушением патриархальной замкнутости наметились тенденции к объединению, слиянию племенных групп удмуртов в единую удмуртскую народность»⁵⁹⁵.

Изучая этнические аспекты проблемы, местные интеллектуалы особое внимание уделяли истории единой финно-угорской общности. Рассматривая данную тему, марийские, мордовские и другие финно-угорские исследователи стремились доказать, что в прошлом разные финские народы, проживавшие на территории России, были более едины, чем сейчас, а их языки имели много общего, например - в области грамматики. Данной проблеме была посвящена целая серия коллективных историко-типологических исследований. В ряде случаев эта общность рассматривалась в более узком смысле - вместо финской общности изучалась финно-волжская языковая общность⁵⁹⁶.

---

⁵⁹⁴ Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8 - 10 декабря 1964 года) / ред. Б.А. Рыбаков, Б.А. Серебренников, А.П. Смирнов. - Саранск, 1965.

⁵⁹⁵ 400 лет вместе с русским народом. - Ижевск, 1958. С. 7.

⁵⁹⁶ Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / ред. Б.А. Серебренников. - М., 1978; Финно-волжская языковая общность / ред. Б.А. Серебренников. - М., 1989.

В марийской историографии теорию финского единства развивал Д.Е. Казанцев. Он считал, что между всеми финно-угорскими языками существует как типологическое, так и материальное сходство. Под первым им понималось структурное сходство, наблюдаемое в языках. Под вторым он понимал сходство звукового материала. Согласно теории Казанцева между различными финно-угорскими языками можно найти общие генетически тождественные единицы в области лексики, фонетики и морфологии. Он отмечал, что от общем происхождении свидетельствуют, например, такие семантические группы как название явлений природы, названия элементарных действий, названия родства и родственных отношений, частей тела и внутренних органов, растений и животных⁵⁹⁷.

Культивирование марийской идентичности в Марийской АССР было невозможно без изучения проблем составляющих основу национальной истории, как и без постоянного обращения к общей истории. Важнейшей в их ряду была проблема происхождения марийского народа. В изучении именно этнической истории марийские авторы наиболее открыто могли акцентировать внимание на марийской уникальности и специфики марийской нации. В наиболее законченном виде схема марийского этногенеза была представлена в первом томе двухтомных «Очерков истории Марийской АССР». В данном издании основные проблемы этнической истории мари сведены к следующему. Основа марийской нации была заложена в I тысячелетии н.э. Марийские историки подчеркивали, что в древности марийцы как особая общность формировались на гораздо более обширных территориях, чем занимала Марийская АССР. Ареалом формирования марийцев признавались территории от Оки до Вятки. Рассматривая процесс этногенеза мари, советские марийские историки не отрицали влияние не-финского, главным образом, тюркского населения, но оно не признавалось определяющим. Поэтому основой формирования мари были объявлены «древнемарийские племена», а сама «древнемарийская народность» преподносилась как результат «развития местных племен». Марийские историки считали, что древнемарийские племена в отличие от современных марийцев говорили на одном едином языке, который занимал особое промежуточное положение между мордовскими языками, с одной стороны, и удмуртским и коми, с другой. Окончательное разделение марийцев на горных и луговых советская историография относил к XV -XVI векам⁵⁹⁸.

К 1980-м годам марийские историки считали, что важным этапом в формировании марийцев как этноса было Раннее Средневековье. При этом они считали необходимым более активное использование археологических источников в изучении ранней истории мари. Однако такой, более науч-

---

⁵⁹⁷ Казанцев Д.Е. Истоки финно-угорского родства. - С. 3, 8 - 11.

⁵⁹⁸ Очерки истории Марийской АССР. - Йошкар-Ола, 1965. - Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / ред. А.В. Хлебников. - С. 38 - 40.

ный, подход не делал историю мари более национальной. Он, наоборот, вел к дальнейшей ее денационализации. Данные археологии использовались почти исключительно для доказательства влияния русских на мари, чем принижались собственно восточно-финские аспекты национальной истории марийского народа. Марийские авторы стремились доказать, что важнейшим моментом в ранней истории марийцев было их сближение со «славяно-русскими племенами»⁵⁹⁹.

Этнически ориентированной в наибольшей степени оказалась мордва. Это нашло отражение в развитии исторических исследований в Мордовской АССР, где национальная проблематика была представлена довольно широко. Отдавая дань утверждениям об особой роли русского народа в истории Мордовии, мордовские интеллектуалы не забывали о собственной истории, особенно тех темах, которые были тесно связаны с этнической спецификой мордовского народа. Основной такой темой были проблемы связанные с этнической историей мордвы. На фоне значительного внимания к истории русско-мордовских связей и истории революционного движения на территории Мордовии эта проблема была одной из самых неизученных. Этот факт, в частности, признавался в 1977 году одним из крупнейших мордовских национально мыслящих интеллектуалов Н.Ф. Мокшиным⁶⁰⁰.

Рассматривая эту проблему, Н.Ф. Мокшин отмечал, что перед историками в Мордовии стоит задача изучения истории становления и развития мордовской народности и мордовской социалистической нации. Под такими внешне соответствующими нормам советской историографии и официальной этнографии формулировками скрывалось желание мордовских интеллектуалов уделить больше внимания собственно истории Мордовии, мордовской истории и мордовской национальной идентичности. Мокшин считал, что проблема становления мордовского этноса тесно связана с проблемой этногенеза всех финно-угорских народов региона. По данной причине Мокшин считал, что в этногенезе мордвы следует выделять несколько истоков. Важнейшими в их ряду он полагал собственно древние мордовские истоки, связанные с племенами региона, на основе которых и сформировалась особая мордовская общность. Мокшин рассматривал древнемордовские племена как особую развитую сложившуюся общность. Согласно его концепции генезиса мордвы, «культура древнемордовских племен была в основном идентичной». Он считал, что эта единая культура была отлична только местными локальными деталями. Несмотря на это, Мокшин позиционировал эти древние мордовские племена как «этнолингвистическую общность»⁶⁰¹.

---

⁵⁹⁹ Данная тенденция представлена, например, в исследованиях Г.А. Архипова. См.: Архипов Г.А. Марийцы XII - XIII веков / Г.А. Архипова. - Йошкар-Ола, 1986.

⁶⁰⁰ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. - С. 3.

⁶⁰¹ Там же. - С. 4, 38 - 39, 42.

Что касается появления двух мордовских языков, то Мокшин связывал процесс распада единого древнемордовского языка с обширностью той этнической территории, которую занимали предки мордвы. Вместе с тем, им указывалось и то, что контакты между различными группами предков мордовского населения по данной причине были в значительной степени затруднены. Внешние влияния так же были признаны им как фактор, ведущий к появлению мокши и эрзи. Этнические передвижения так же были рассмотрены как стимул формирования двух мордовских наций. Такие процессы обозначались им как «дуализация древней мордвы»⁶⁰².

Процесс формирования мордвы рассматривался Мокшиным как крайне сложный процесс. Мокшин исходил из того, что в ходе своего формирования мордовский народ имел многочисленные контакты с соседними этносами. В ходе этих контактов мордва, мордовская культура и мордовский язык аккумулировали самые разные элементы смежных, дальних и близких, культур. Мокшин писал, что «разнообразие межэтнических отношений и взаимовлияний запечатлелась в языке мордвы». Особое внимание, в связи с этим, мордовские историки уделяли советскому периоду. Констатируя сближение мордвы с русскими и принятие частью мордовского населения русского языка, мордовские исследователи во многом оценивали этот процесс позитивно, что подтверждает наше предположение о том, что в Советском Союзе имела место политика разрушения национальных идентичностей нерусских наций. Такой процесс официальная мордовская историография демагогически оценивала как формирование новой общности, советского народа⁶⁰³.

Ряд мордовских интеллектуалов был склонен подчеркивать этническую и языковую специфику мордвы - «своеобразие мордовского народного быта, богатство форм народной культуры, особенности его психического склада, отражающие многовековую самобытную культуру мордовского народа». Рассматривая комплекс проблем, связанных с этнической спецификой мордвы, подчеркивая ее уникальность, советские историки неизбежно приходили к выводу, что основная особенность, которая характерна для мордвы состоит в том, что она превратилась в социалистическую нацию. В изучении данной проблемы в среде мордовских интеллектуалов сложилось два мнения: первые считали, что мордовская социалистическая нация возникла на базе мордовской народности, вторые, наоборот, считали, что мордовской социалистической нации предшествовала не мордовская народность, а мордовская буржуазная нация⁶⁰⁴.

---

⁶⁰² Там же. - С. 43.

⁶⁰³ Там же. - С. 48, 249 - 250.

⁶⁰⁴ Котков К.А. XXII съезд КПСС и задачи изучения истории Мордовской АССР / К.А. Котков // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР. Труды. Вып. XXIV. Серия историческая. – Саранск, 1963. - С. 10.

В свою очередь, при поддержании национальной идентичности удмуртские интеллектуалы особое внимание уделяли истории Удмуртии и удмуртского народа. Историческая тема была особенно актуальна при изучении границ расселения удмуртского народа в прошлом. Рассматривая эту проблему, удмуртские историки отмечали, что в настоящее время удмурты жили на территориях в междуречье Камы и Вятки, в лесной полосе Западного Приуралья. При этом отмечалось, что в древности удмурты населяли большие территории - бывшие Орловские и Вятские уезды, район города Арска, расположенного на берегу реки Казанки. Изменения границ и сокращение собственно удмуртского населения на удмуртских территориях связывалось с притоком туда неудмуртского, в первую очередь - русского, населения⁶⁰⁵.

Рассматривая историю удмуртов, удмуртские авторы нередко противопоставляли их соседним народам, которые преподносились как завоеватели, которые негативно влияли на развитие удмуртского народа. Описывая тюрок, удмуртские авторы отмечали, что те несли другим народом исключительно рабство, социальное и национальное угнетение. Удмуртские историки считали, что татары установили на удмуртских землях «экономический и моральный гнет». Удмуртские историки доказывали, что в период татарского господства «удмурты были совершенно бесправны».⁶⁰⁶

Что касается славян (в особенности - русских), то их влияние оценивалось иначе. Удмуртские авторы пытались доказать, что русское проникновение на удмуртские территории имело мирный характер. Удмуртские историки считали, что «с самого начала между удмуртами и русскими установились мирные, добрососедские отношения». Более того, русские преподносились как освободители удмуртов от монголо-татарского ига: «в упорной многолетней борьбе Русского государства против Казанского ханства удмурты не раз выступали на стороне России». Этой, вооруженной, борьбе удмуртские историки уделяли особое внимание: «удмурты давали не только клятвы верности, не только изъявляли желание добровольно присоединиться к России, они принимали активное участие в борьбе против врагов Русского государства». Удмуртские интеллектуалы считали, что длительные отношения между русскими и удмуртами наложили заметный отпечаток на «все компоненты удмуртского этноса»⁶⁰⁷.

Изучая историю Марий Эл, марийские авторы, подобно удмуртским коллегам, развивали в своих трудах особую дихотомию: с одной стороны, марийцы преподносились как древняя самостоятельная нация со своей собственной историей, с другой, особое внимание уделялось сложной исторической судьбе марийцев, которые лишались независимости агрессив-

---

⁶⁰⁵ 400 лет вместе с русским народом. - С. 5, 29.

⁶⁰⁶ 400 лет вместе с русским народом. - С.10.

⁶⁰⁷ Пименов В.В., Христолюбова Л.С. Удмурты. Этносоциологические очерки / В.В. Пименов. - Ижевск, 1976. - С. 9.

ными соседями. Поэтому, марийские историки сводили эту сложную особенность истории Марий Эл к тому, что «народ мари не был самостоятельным, а находился под игом разных завоевателей». Первыми покорителями марийцев марийская советская историография объявила хазар. Наряду с народами-завоевателями, русские были объявлены союзниками и освободителями марийцев: «в 965 году киевский князь Святослав разбил хазар и освободил народы Поволжья от их гнета». Однако, согласно марийской советской историографической традиции, позднее марийцы были покорены булгарами, а затем и татарами⁶⁰⁸.

В культивировании удмуртской идентичности удмуртские интеллектуалы особое внимание уделяли проблеме вхождения Удмуртии в состав Российского государства. В связи с этим показателен сборник «400 лет вместе с русским народом», вышедший в 1958 году. Вхождение Удмуртии в Россию местные авторы стремились показать как добровольное вхождение, а не как завоевание. Авторы сборника писали, что «400 лет назад завершилось добровольное присоединение Удмуртии к Русскому государству». Они считали, что «эта знаменательная дата является большим праздником трудящихся Удмуртии, праздником братской дружбы удмуртского и русского народов»⁶⁰⁹.

Присоединение к России в марийской историографии оценивалось крайне позитивно. Советские марийские историки считали его началом нового этапа в истории марийского народа: «это событие было переломным моментом в истории марийского народа величайшей важности». Вхождению в состав России придавался прогрессивный характер. Советские историки считали, что вся ранняя история Марий Эл была лишь подготовкой ко вхождению в состав России: «после присоединения Марийский край стал неотъемлемой частью России, а марийский народ - составной частью населения Российского многонационального централизованного государства». Поэтому, в изучении «многовековых марийско-русских этнокультурных взаимоотношений» отметилось большинство марийских интеллектуалов⁶¹⁰.

В среде мордовских интеллектуалов так же получил свое развитие и метонarrатив об особой роли в истории мордвы русского народа. В 1963 году К.А.Котков писал, что «важной проблемой являются многовековые социально-экономические и культурные связи мордовского народа с великим русским народом». Рассматривая русскую тему, мордовские интеллектуалы писали о проблеме и роли русского языка. Русский язык рассматривался как основное средство общения между мокшанами и эрзянами. Рус-

---

⁶⁰⁸ Коробов С.А. Прошлое марийского народа. - С. 3.

⁶⁰⁹ 400 лет вместе с русским народом. - С. 3.

⁶¹⁰ Айплатов Г.К. Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству / Г.К. Айплатов. – Йошкар-Ола, 1967. - С.8 - 9.

ский язык преподносился как способ приобщения к «богатеишей русской культуре и мировым достижениям всего человечества»⁶¹¹.

Рассматривая проблемы национальной идентичности марийцев, марийские советские интеллектуалы развивали особый метонарратив о руководящей роли в истории Марий Эл русского народа и Русского государства. Марийские историки считали, что марийцы, как и все народы региона, имели давние и развитые связи с русским народом. Марийские авторы считали, что эти связи были настолько устойчивы, что не прекращались и в то время, когда марийцы были лишены политической независимости и отдалены от Руси⁶¹².

С особой силой эта русская тема была представлена в исследованиях мордовского автора И.А. Васькина. Он считал, что вся история мордовского народа «неразрывно связана с историей великого русского народа». Стремясь показать себя как можно более лояльными мордовские интеллектуалы отрицали успехи мордовского народа в прошлом, приписывая все достижения исключительно русскому влиянию: «вся история мордовского народа неразрывно связана с историей русского народа. Мордва училась у русских земледелию, скотоводству, ремеслу и борьбе против внутренних и внешних врагов России»⁶¹³.

Официальная марийская историография придерживалась мнения, что «в жизни каждого народа есть исторические события, определяющие его дальнейшее развитие. Таким важным и переломным событием во всей дооктябрьской истории марийского народа является присоединение Марийского края к Русскому государству»⁶¹⁴. Это событие, несмотря на неравноправное положение марийцев и их угнетение в России, рассматривалось как прогрессивное явление. Если вхождение в состав России рассматривалось как прогрессивное явление, то было совершенно естественным то, что тема «исторического значения добровольного присоединения Удмуртии к Русскому государству» была одной из важнейших при поддержании удмуртской национальной идентичности в Удмуртской АССР. Несмотря на то, что в России удмурты были бесправны, удмуртские советские историки доказывали, что присоединение к Удмуртии привело к облегчению положения удмуртского народа. Считалось, что «добровольное присоединение привело к укреплению дружбы русского и удмуртского народов», активизации их совместной борьбы против внешних и внутренних врагов⁶¹⁵.

---

⁶¹¹ Котков К.А. XXII съезд КПСС и задачи изучения истории Мордовской АССР. - С. 5; Филатов Л.Г. К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации. - С. 34.

⁶¹² Коробов С.А. Прошлое марийского народа. - С. 5.

⁶¹³ Васькин И.А. Национальное возрождение мордовского народа / И.А. Васькин. - Саранск, 1956. - С. 6.

⁶¹⁴ Айплатов Г.К. Навеки с тобой, Россия. - С. 3.

⁶¹⁵ 400 лет вместе с русским народом. - С. 22 - 23, 38.

Вместе с тем, рассматривая проблему вхождения мари в Русское государство, мари́йские историки акцентировали внимание на национальных аспектах данной проблемы. В исследованиях мари́йских историков неоднократно подчеркивалось, что мари́йцы были одним из «древнейших народов нашей страны». Мари́йцы преподносились как жертва татарской агрессии, которые подвергались эксплуатации со стороны Казанского ханства. Советская историография утверждала, что вхождение мари в состав Русского государства спасло их от ... порабощения со стороны «султанской Турции». По данной причине, вхождение в состав России позиционировалось как благо. Советские историки считали, что вхождение в Россию заложило «прочные основы дружеских отношений мари́йцев с русскими»⁶¹⁶.

Мари́йская советская историография особое внимание акцентировала на русско-мари́йских отношениях, влияние которых в ряде случаев по причинам идеологического характера явно преувеличивалось. Мари́йские историки считали, что связи с древнерусским населением сыграли важную положительную роль в истории мари. Возможность независимого развития мари в ряде случаев отрицалась: «древнемари́йское население постепенно втягивалось в сферу влияния Северо-Восточной Руси». Русским кроме этого приписывалось прогрессивное влияние в области культуры и производства⁶¹⁷.

Более того, игнорируя случаи вооруженного сопротивления мари́йского населения русскому проникновению, советская мари́йская наука описывала «связи мари́йцев с населением русских княжеств» и утверждала, что мари добровольно стали военными и политическими союзниками Русского государства. Ряд мари́йских историков, развивая и разрабатывая в своих исследованиях особый метонарратив о руководящей роли в истории Мари́й Эл со стороны русского народа утверждал, что, борясь с Казанью, русские стремились не захватить новые территории, а освободить народы, которые находились под властью татар. Мари́йские историки считали, что тяготение их народа к России было естественным явлением⁶¹⁸.

Присоединение Мари́й Эл и других финно-угорских территорий к Русскому государству преподносилось как благо. При этом основное внимание акцентировалось на России, а местной, например, мари́йской проблематике уделялось куда меньше внимания. В официальной двухтомной истории Мари́йской АССР представлено мнение, согласно которому «большое значение в истории мари́йского народа имела героическая борьба русского народа против татаро-монгольских захватчиков». В качестве

---

⁶¹⁶ Очерки истории Мари́йской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола, 1965. - С. С.93, 109.

⁶¹⁷ Очерки истории Мари́йской АССР. Т. 1. - С. 52 - 53.

⁶¹⁸ Коробов С.А. Прошлое мари́йского народа. - С. 6.

прогрессивного русского влияния в марийской советской науке преподносилась и совместная классовая борьба марийского и русского населения. Официальная концепция сводилась к следующему: «трудящиеся марийцы плечом к плечу с русским народом боролись с ненавистным царским режимом». Советские историки писали о «приобщении марийских трудящихся к классовой борьбе». Более того, утверждалось, что именно в «классовых битвах зародилась и окрепла основа братской дружбы марийцев с русским народом»⁶¹⁹.

Советский же период в истории финно-угорских народов местные интеллектуалы были склонны рассматривать как время роста, развития и национальных возрождений. Советские историки подчеркивали, что именно советская власть принесла мордве освобождение от царского режима и освободила народ от угрозы вырождения и русификации. По данной причине, история советского периода преподносилась как «выдающиеся успехи в экономической и духовной жизни». Именно этими успехами мордовские историки объясняли эволюцию мордовской народности, ее преобразование в «мордовскую социалистическую нацию». Мордовская АССР, в свою очередь, преподносилась как «государственность мордовской нации»⁶²⁰.

Особое внимание удмуртские, как и мордовские и марийские, советские интеллектуалы уделяли проблеме появления удмуртской государственности. Советские авторы стремились доказать, что появление удмуртского государства - результат исключительно октябрьской революции. Большевики изображались как освободители удмуртского народа от «колонизаторской политики царизма». Создание удмуртской автономии рассматривалось как попытка воссоздания единства Российского государства, но на принципиально новых основах - на основе равноправия и самоопределения наций. Примечательно, что при рассмотрении данной проблемы, советские историки особое внимание уделяли критике своих идейных противников - «удмуртских буржуазных националистов». Газеты «Виль синь» и «Кам тулкым» рассматривались как реакционные и антисоветские⁶²¹.

При культивировании мордовской национальной идентичности местные интеллектуалы особое внимание уделяли проблемам истории мордовского народа. Стремясь подчеркнуть специфику мордвы, они акцентировали внимание на государственной стороне ее истории. Создание мордовской советской автономии рассматривалось ими не просто как часть внутренней национальной политики советского правительства, а как закономерный этап в политическом развитии мордовского народа. Мордовская АССР рассматривалась не просто как автономия, а как «национальная го-

---

⁶¹⁹ Очерки истории Марийской АССР. - Т. 1. - С. 94, 64 - 65.

⁶²⁰ Васькин И.А. Национальное возрождение мордовского народа. - С. 5, Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. - С. 173.

⁶²¹ 400 лет вместе с русским народом. - С. 57 - 65.

сударственность мордовского народа». Такие же определения были распространены и в отношении истории Марийской АССР⁶²².

Особое внимание марийская советская интеллектуальная традиция уделяла проблемам возникновения марийской советской автономии. Эта проблема рассматривалась в связи с «многовековой борьбой марийского народа за свою свободу и независимость». Создание автономии было признано победой марийцев, которая стала возможна, «благодаря победе Великой Октябрьской Социалистической революции, проведенной рабочими и крестьянами России под руководством коммунистической партии и ее вождя В.И. Ленина». Марийские историки считали, что создание автономии привело к тому, что перед марийским народом «открылись светлые перспективы», так как он получил возможность свободного развития, в том числе и своей культуры - «национальной по форме и социалистической по содержанию»⁶²³.

В противовес «удмуртскому буржуазному национализму» Удмуртская АССР рассматривалась как подлинная государственность удмуртского народа. Советские удмуртские интеллектуалы считали, что «получив свою государственность в форме советской автономии» удмурты направили все силы на строительства социализма. Рассматривая историю Удмуртской АССР, удмуртские историки пытались доказать, что она переживает расцвет: «как и вся наша могучая социалистическая родина, Удмуртия находится в расцвете творческих сил». Удмуртские советские интеллектуалы доказывали, что Советская Удмуртия «уверенно строит светлое будущее», а сам удмуртский народ «идет вперед, к победе коммунизма»⁶²⁴. Мордовские историки, как и их удмуртские коллеги, считали, что возникновение мордовской социалистической нации и национальное возрождение мордовского народа оказались возможны благодаря исключительно национальной политики советской власти, направленной на ликвидацию политической, экономической и культурной отсталости Мордовии. Подобная политика оценивалась положительно, преподносась как «советское строительство»⁶²⁵.

Что касается изучения истории культур, то это было одной из сфер, где местные, например, марийские авторы могли мыслить национально, несмотря на необходимость постоянно уделять внимание прогрессивной роли русского народа в истории марийской культуры. Марийские историки подчеркивали древность марийской культуры, считая, что ее возникновение «относится к далекому времени». При изучении древней марийской

---

⁶²² Букин М.С. Образование Мордовской Автономной Области и ее развитие (1930 - 1934) / М.С. Букин // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР. Труды. Вып. 21. Серия историческая. – Саранск, 1961.- С. 12 - 36;.

⁶²³ Коробов С.А. Прошлое марийского народа. - С. 156 - 157.

⁶²⁴ 400 лет вместе с русским народом. - С. 76 - 77, 102 - 103.

⁶²⁵ Васькин И.А. Национальное возрождение мордовского народа. - С. 64 - 70.

культуры особое внимание уделялось языческой религии мари, присущим ей особенностям. Вместе с тем, подчеркивался насильственный характер христианизации мари, чем марийские авторы стремились доказать чуждость христианской культуры марийскому народу. Мордовские интеллектуалы, подобно марийским, так же изучали языческое прошлое, в некоторой степени идеализируя его. Рассматривая народное творчество марийцев, советские историки подчеркивали его древность. Правда, советская историография стремилась занизить все национальное содержание марийской культуры, признавая в качестве ее основного достоинства лишь то, что многие памятники народного творчества «культивировали дружественные отношения между народами» и содержали мысль «о прогрессивной роли великого русского народа».

Во второй половине 1980-х годов отношение мордовских историков к изучению истории и культуры мордвы изменилось, став более национально окрашенным. Если ранее в исследованиях не чувствовалось особого уважения к национальной культуре, но присутствовала лишь риторика, то со второй половины 1980-х годов все национальные культуры нерусских народов в РСФСР стали рассматриваться как «драгоценность, которую невозможно потерять»⁶²⁶. Замечание советского лидера было воспринято местными нерусскими интеллектуалами как руководство в действии в построении новых исследований.

Такое отношение проявилось уже в 1988 году в сборнике статей посвященном проблеме этнокультурных связей мордвы⁶²⁷. Сам сборник по составу авторов стал более мордовским: из десяти - шесть представляли научные учреждения Мордовской АССР. Тон авторов так же стал более национально ориентированным. Если раньше, рассматривая раннюю историю мордвы, писали о мордовских племенах, отказывая им в других более высоких формах организации, то в 1988 году стали писать о «древнем мордовском этносе». Примечательно и то, что если в ранней историографии при анализе отношений мордвы с соседями особое внимание акцентировали на отношениях со славянами, то во второй половине 1980-х годов историки в Мордовии стали писать об отношениях и иранскими и другими этническими общностями. Среди других общностей, которые оказали влияние на мордву, стали рассматриваться тюрки, например, татары. Вместе с тем, мордовские интеллектуалы по-прежнему были вынуждены писать о прогрессивной роли русской интеллигенции в развитии мордовского народа, русско-мордовских отношениях, определяя их как «межэтнические связи».

---

⁶²⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. - М., 1988. - С. 120.

⁶²⁷ Этнокультурные связи мордвы. Дооктябрьский период. Межвузовский сборник научных трудов. – Саранск, 1988.

Таким образом, модернизация, проводимая местными интеллектуалами, дала свои результаты и мордва стала позиционироваться как современная нация, обладающая всеми атрибутами современного сообщества, в том числе – и национальной историей. С другой стороны, были заметны и результаты последовательной интеграции в официальный политический дискурс, советский интеллектуальный контекст. Во внутренних перифериях процессы модернизации и интеграции развивались как два тесно связанных процесса. В их результате в национальных автономиях возникли современные сообщества, которые характеризуются на современном этапе значительной степенью интегрированности в общероссийский политический контекст.

Заключение

Модернизация – сложный, комплексный процесс, который имеет различные измерения, протекая на разных уровнях – от социальных отношений до формирования новых идентичностей и трансформации существующих. Подводя итоги предыдущих лекций, акцентируем внимание на нескольких аспектах:

Модернизация и традиционное общество. Модернизация приходит на смену традиционным нормам, обычаям и тем институтам, которые формируют традиционное общество, гарантируя и обеспечивая его существование, функционирование и воспроизводство. Традиционное общество нередко отличается и характеризуется немалым потенциалом, но и значительной статичностью, крайне слабой восприимчивостью к новациям и изменениям, тем более – переменам, которые навязываются извне. Модернизация и традиция – исторические конкуренты.

Модернизация и прогресс. Нередко можно слышать, что отмирание традиционности, исчезновение традиционных институтов и отношений имеет исключительно позитивный характер. По чисто внешним показателям вытеснение ремесленной мастерской мануфактурой, а мануфактуры – фабрикой – явление сугубо прогрессивное. Отмирание одних форм и появление новых несет в себе и ряд негативных кризисных явлений, связанных с разрушением устойчивых идентичностей и формированием новых. С другой стороны, модернизация влечет и маргинализацию традиционного и всего, что связано с ним. Экономическая модернизация нередко порождает тысячи недовольных и не востребуемых маргиналов. Наверное, не следует преувеличивать прогрессивное значение модернизации.

Модернизация и пространство. Модернизация означает не только радикальную ломку социальных отношений в рамках того или иного общества. Модернизация не редко является интеллектуальным движением, а в качестве главных теоретиков и сторонников модернизации выступают интеллектуальные сообщества. Модернизация – мощнейший стимул в формировании новых воображаемых географий и ментального выстраивания пространства под нужды и цели того или иного сообщества.

Модернизация и периферия. Географическое воображение развивается как сознательное конструирование пространства, выделение в его рамках центра и / или центров, периферии и / или периферий. Периферии могут быть как внутренними, так и внешними. Столь мощные процессы как модернизация оказывают существенное влияние на эту пространственную иерархию, ведя к изменению статуса периферии и / или центра. В результате периферия может утратить свой статус. Местные архаичные институты и политические отношения могут быть разрушены, а сама периферия интегрируется в тот или иной государственно-политический кон-

текст. Вопрос о том, нужна ли модернизация традиционным обществам периферий, является скорее нравственным.

Модернизация и социальные перемены. Модернизация – двигатель и стимул социальных изменений, социальных перемен. Подобные процессы, протекающие в рамках модернизации, могут обретать крайне разнообразные формы. Модернизация – это и разрушающая сила, которая ведет к маргинализации и ломки социальных традиций тех сословий, которые в рамках традиционного общества выполняли свои функции. Модернизация имеет и другое измерение, выступая в качестве созидательного фактора, способствуя появлению новых социальных групп и даже классов. С другой стороны, созидательные функции модернизационных процессов почти всегда крайне относительны.

Модернизация и идентичность. Модернизация, ведя к разрушению традиционных отношений и представлений человека о себе, мире и своем месте с ним, нередко приводит к формированию новых идентичностей. Это вовсе не означает того, что люди, жившие в условиях доминирования традиционного общества, не имели идентичности. Их идентичность была традиционной, основанная на приверженности и преданности традиции. Модернизация порождает принципиально новые идентичностные типы.

Модернизация и нация. Идентичностные типы, связанные с модернизацией, это национальные идентичности. Нации – порождения века модернизации. Каждое национальное движение имеет в качестве одной из основных целей трансформацию традиционных крестьянских сообществ на новых началах – путем разрушения замкнутости, традиционных отношений, вытеснения архаичных норм создать новую современную нацию, поставив ее на один уровень с теми сообществами, которые в своем развитии уже прошли этот этап. Большинство современных наций – это продукты модернизации. Именно в результате модернизационных проектов возникли те идентичности, которые определяют современную политическую карту мира.

Модернизация: нравственные дискурсы и политические доминанты

Давайте в завершении этого лекционного курса немного отойдем от его преимущественно политологического контента. Думаю, что многие из Вас читали книги Аркадия и Бориса Стругацких, Эндрю Нортон, Кристофера Сташеффа, а некоторые дошли даже и до Ивана Ефремова. Может быть, от некоторых от вас не скрылось и то, что братья Стругацкие и Иван Ефремов ставили сложные нравственные вопросы, Э. Нортон и Кр. Сташефф несколько далеки от этого, хотя и затрагивали похожую проблематику. В отношении братьев Стругацких речь идет о т.н. «прогрессорском цикле» их произведений, куда входят «Трудно быть Богом»⁶²⁸, «Попытка к бегству»⁶²⁹, «Парень из преисподней»⁶³⁰, «Обитаемый остров»⁶³¹. Когда я говорю об Иване Ефреме, то в данном случае отсылаю вас к роману «Час Быка». Относительно Э. Нортон – не будем вдаваться в лишние детали, упомянув, например, ее повесть «Да здравствует Лорд Кор!»⁶³².

Перед героями этих произведений, которые являются людьми нашего будущего, далекого или близкого, стоит сложная нравственная дилемма, вмешиваться или не вмешиваться в дела инопланетных цивилизаций, тем самым, способствуя их развитию или, наоборот, не отказывать на них никакого влияния. Проблема кажется надуманной и фантастической только на первый взгляд. После второй мировой войны подобную политику относительно стран Азии, Африки и Латинской Америки проводили политические элиты, как Соединенных Штатов, так и Советского Союза. И американские, и советские политики не утруждали себя нравственными вопросами относительного того, насколько народам третьего мира, которые до этого жили фактически в условиях строгого и жесткого доминирования традиционного общества, необходимы ценности демократии и рынка или коммунистические идеалы.

Советские и американские политики не заметили, что в языках многих из народов, за которые развернулась политическая борьба и идеологиче-

---

⁶²⁸ Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству / А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 т. / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 2001. – Т. 3. – С. 5 – 118.

⁶²⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом / А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 т. / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 2001. – Т. 3. – С. 245 – 424.

⁶³⁰ См.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Парень из преисподней / А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 т. / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 2001. – Т. 6. – С. 505 – 606.

⁶³¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров // А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 т. / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 2001. – Т. 5. – С. 315 – 634.

⁶³² Нортон А. Да здравствует лорд Кор! / А. Нортон. – М., 1993.

ское противостояние, не было слов, обозначающих абстрактные понятия «свободы», «гражданского общества», «открытого рынка», не говоря уже о терминах подобных «коммунизму» и / или «капитализму». И американские, и советские политики, а вслед за ними и некоторые представители интеллектуальных сообществ буквально воспылали желанием «железной рукой» загнать в светлое коммунистическое или капиталистическое будущее некоторые народы Азии и Африки.

Результаты подобной политики хорошо известны. Вместо успешной интеграции двух вариантов европейской модели развития (советский коммунизм в значительной степени является порождением европейской культуры, правда весьма противоречивым) на африканскую и азиатскую почву и появления успешных африканских и азиатских демократий или устойчивых социалистических режимов, в настоящее время развитые государства вынуждены иметь дело со странами крайне далекими от политической, экономической и социальной стабильности.

Европейский выбор в пользу левой или демократической идеи был в этом регионе лишь временным: ни Африка, ни Азия оказались не готовы к реальному восприятию того политического продукта, который предлагался им в рамках двух различных проектов. Вместо того, чтобы пойти по прогрессивному и модернизационному пути, предложенными евроамериканскими государствами, значительное число стран Азии и Африки вернулись к доминированию в большей или меньшей степени традиционных отношений.

В противоборстве между современностью и архаикой в «третьем мире» вторая оказалась явно сильнее. То, что чаша весов в этом противостоянии склоняется в пользу Ориента и, что Окцидент будет вынужден ему уступить, стало очевидно в 1970-е годы. Реакцией на это стало появление в западной гуманистике нового мощного интеллектуального течения, сторонники которого попытались найти ответ на вопрос, почему, казалось бы, современные модерновые и прогрессивные политические институты, ценности и идеи, которые хорошо зарекомендовали себя в Европе и в Америке, оказываются бесполезными и неработоспособными в Азии и Африке. Речь идет о постколониальном анализе, начало которому было положено в 1978 году после появления книги Эдварда Саида «Ориентализм»⁶³³.

В результате современная Африка и частично Азия – регионы, где начавшаяся модернизация потерпела поражение. В странах Африки и Азии доминируют традиционные сообщества, несмотря на то, что политические элиты одели европейский костюм и говорят на европейских языках. Наличие у мужчин и подростков этнических групп в Африке АКМ не означает технического прогресса. Просто на смену традиционным видам оружия в обществе, которое так же осталось традиционным, пришли более совре-

---

⁶³³ Said E. Orientalism / E. Said. – L., 1978.

менные и совершенные методы убийства и ведения войны. Качество насилия перешло в количество, террор в Африке стал явлением, которое обладает категорией серийности. Модернизация в этом регионе имела внешний, поверхностный характер, почти не затронув системы традиционных отношений.

Давайте вернемся к тому, с чего мы начали – к вопросу об оправданности модернизационных интервенций. Политики вряд ли дадут на этот вопрос сколь бы то ни было объективный ответ. Писатели, как люди творческие и импульсивные, более категоричны. Выше мы с вами упоминали роман американской писательницы Эндрю Нортон «Да здравствует лорд Кор!». Действие этого небольшого произведения происходит примерно в 3500 году. В реальности мира, созданного воображением американской писательницы, в 3450 году люди получили возможность путешествия во времени, в том числе и не только в земной истории. В связи с этим «были приняты строгие меры, чтобы предотвратить беспорядочные исследования»⁶³⁴. Но постепенно люди поняли, что на «некоторых планетах, открытых в постоянно расширяющемся пространстве, история приняла мрачный оборот»⁶³⁵.

С подобным во второй половине XX века неоднократно сталкивались и американские, и советские политики. Правда, вместо планет они имели дело с отдельными странами. В мире Э. Нортон человечество решило вмешаться для чего и было организовано «Бюро изучения и воздействия во времени». И вот герои романа вынуждены вмешаться в ход истории инопланетного общества, которое, в глазах землян, «выглядело на уровне феодальной цивилизации»⁶³⁶. На деле все оказалось гораздо проще. Интерес землян лежал не в желании помочь людям из другого мира: их интересовала руда, обладавшая исключительными свойствами⁶³⁷. Любой прогресс в такой ситуации имеет свою цену и платит ее то сообщество, которое подвергается принудительной гуманитарной интервенции, в данном случае буквальной модернизации сверху.

Книги братьев Аркадия и Бориса Стругацких, в отличие от произведений Э. Нортон, отличаются большей глубиной и широтой задаваемых вопросов. Классическое произведение «прогрессорского» цикла – повесть «Трудно быть богом». Борис Стругацкий, комментируя подобные «прогрессорские» произведения, вспоминал, что тема сама проблема модернизации и исторического прогресса в значительной степени повлияла на их творчество. В своих воспоминаниях Б. Стругацкий пишет, что эта проблема возникла уже на уровне повести «Попытка к бегству», когда «...любой идеологически подкованный гражданин СССР уверен был, что вмешивать-

---

⁶³⁴ Нортон А. Да здравствует лорд Кор! / А. Нортон. – М., 1993. – С. 7.

⁶³⁵ Нортон А. Да здравствует лорд Кор! – С. 7.

⁶³⁶ Нортон А. Да здравствует лорд Кор! – С. 11.

⁶³⁷ Нортон А. Да здравствует лорд Кор! – С. 106.

ся надо и даже необходимо и всегда был готов привести пример Монголии, которая из феодализма перескочила прямо в социализм...»⁶³⁸.

Критика второй половины 1960-х годов отнеслась к произведению противоречиво. Одни полагали, что «полпреды коммунистической земли»⁶³⁹ имеют полное моральное право вмешиваться и повышать уровень политического, экономического и общественного развития внеземных миров, другие не были так однозначны. Оппоненты А. и Б. Стругацких полагали, что авторы не в праве сомневаться в положительной роли исторического прогресса. В частности, Ю. Фанцев настаивал, что «...повесть опровергает, а не подтверждает вмешательства в ход истории, ускорения исторического процесса и изменения его характера... целые народности перешли от родового строя... к социалистическим формам общежития...»⁶⁴⁰.

Классик советской фантастики Иван Ефремов, наоборот, занял иную позицию, уловив подтекст «Трудно быть богом», указав на моральный компонент выбора тех людей, которые в силах направить развитие того или иного общества по тому или другому пути. И. Ефремов писал: «...именно марксистско-ленинский взгляд на помощь странам, пусть даже с устаревшими и тираническими формами общественного устройства, заставил писателей так живо и сильно представить тяжкий моральный конфликт встречи и борьбы коммунистов с Земли с угнетателями некоей планеты...»⁶⁴¹.

Подобные проблемы вмешательства или невмешательства, модернизационного воздействия на другие миры А. и Б. Стругацкие поднимали и в других произведениях – «Парень из преисподней», «Обитаемый остров». Но и их выводы неутешительны: как бы не стремились люди из светлого будущего подкорректировать развитие других миров, какими благими целями и помыслами они не руководствовались – рано или поздно подобные попытки обречены на крах, неудачу, разочарование. В повести «Парень из преисподней» инопланетный герой возвращается на свою планету, осознавая, что будущее, прогресс зависит исключительно от ее жителей, а не от помощи пусть и более развитых инопланетян.

Изучая процессы модернизации, мы, как правило, помним о том, что это – прогресс, но, с другой стороны, мы нередко забываем и о том, что иногда модернизация направляется извне, навязывается, диктуется. В истории любого модернизационного проекта есть модернизаторы и модерни-

---

⁶³⁸ См.: Стругацкий Б. Комментарии к пройденному 1961 – 1963 гг. / Б. Стругацкий // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11 тт. / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М., 2001. – Т. 3. – С. 679.

⁶³⁹ Кологривов Р. Человек не хочет быть богом / Р. Кологривов // Знание – сила. – 1965. – № 1. – С. 96.

⁶⁴⁰ Фанцев Ю. Компас фантастики / Ю. Фанцев // Известия. – 1966. – 26 мая.

⁶⁴¹ Ефремов И. Миллиарды граней будущего / И. Ефремов // Комсомольская правда. – 1966. – 28 января.

зируемые, есть мейн-стрим и периферия, есть победители и обязательно аутсайдеры, маргиналы... Поэтому, не следует абсолютизировать модернизацию, приписывая ей роль универсального метода разрешения проблем и урегулирования политических конфликтов. Прогрессивное значение модернизации всегда относительно.

Рекомендованная литература

Основная литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – 286 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1990. – 351 с.
3. Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г. Богатырев. – М., 2006. – 278 с.
4. Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006. – 361 с.
5. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – 278 с.
6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М., 2000. – 371 с.
7. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы / К. Гинзбург. – М., 2004. – 461 с.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1972. – 356 с.
9. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1981. – 369 с.
10. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М., 1989. – 348 с.
11. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб., 2006. – 658 с.
12. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. – М., 1999. – 139 с.
13. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург, 2001. – 451 с.
14. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006. – 231 с.
15. Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1998. – 649 с.
16. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998. – 305 с.
17. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996. – 380 с.
18. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М., 2005. – 648 с.
19. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. – 362 с.

20. Bakhtine M. L'oeuvre de Francois Rabelais / M. Bakhtine. – Paris, 1970. – 370 p.
21. Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964. – 261 p.
22. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975. – 273 p.
23. Bolleme G. Litterature populaire et litterature de colportage au XVIII siecle // Livre et societe dans la France du XVIII siecle / G. Bolleme. – Paris, 1965. – Vol. I. – P. 61 – 92.
24. Bolleme G. Les Almanachs populaires aux XVII et XVIII siecle, essai d'histoire sociale / G. Bolleme. – Paris, 1969. – 361 p.
25. Bolleme G. La Bibliotheque Bleue: la litterature populaire en France du XVI au XIX siecle / G. Bolleme. – P., 1971. – 385 p.
26. Bolleme G. Representation religieuse et themes d'esperance dans la Bibliotheque Bleue. Litterature populaire en France du XVII au XIX siecle / G. Bolleme // La societa religiosa nell'eta moderaa. Atti del convegno di studi di storia sociale e religiosa. – Napoli, 1973. – P. 219 – 243.
27. Ginzburg C. I benandanti. Ricerche sulla stregoneria e sui culti agrari tra Cinquecento e Seicento / C. Ginzburg. – Torino, 1966. – 316 p.
28. Ginzburg C. Storia notturna. Una decifrazione del sabba / C. Ginzburg. – Torino, 1989. – 395 p.
29. Ginzburg C. Il nicodemismo. Simulazione e dissimulazione religiosa nell'Europa dell'500 / C. Ginzburg. – Torino, 1970. – 386 p.
30. Gonzales y Gonzales L. Pueblo en vilo: Microhistoria de San Jose de Gracia / L. Gonzales y Gonzales. – Mexico, 1968. – 276 p.
31. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966. – 375 p.
32. Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1966. – 437 p.
33. Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1973. – 481 p.
34. Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan de 1294 a 1324 / E. Le Roy Ladurie. – Paris, 1982. – 475 p.
35. Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Bibliotheque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964. – 318 p.
36. Markoff J. The Abolition of Feudalism: Peasants, Lords and Legislators in the French Revolution / J. Markoff. – University Park, 1996. – 361 p.
37. Smelser N.J., Parsons T. Economy and Society / N. Smelser, T. Parsons. – L., 1956. – 389 p.
38. Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Industry / N.J. Smelser. – L., 1959. – 395 p.

39. Smelser N.J. Sociological Theory: A Contemporary View / N.J. Smelser. – NY., 1971. – 426 p.
40. Sztompka P. The Sociology of Social Change / P. Sztompka. – NY., 1993. – 372 p.
41. Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa / P. Sztompka. – Krakow, 2002. – 659 p.
42. Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989. – 381 p.

Дополнительная литература

43. Балашов В.А. Культура и быт мордовского колхозного села / В.А. Балашов. – Саранск, 1975. – 274 с.
44. Бернштам Т.А. Христианские символы в формировании и жизнедеятельности локальных социумов / Т.А. Бернштам // Русский Север. К проблеме локальных групп / ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб., 1993. – С. 259 – 298.
45. Булатов В. Русский Север / В. Булатов. – Архангельск, 1997. – 467 с.
46. Васильев С.В., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала. Дискурсивность, самосознание и логика в истории удмуртов / С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов. – Ижевск, 1997. – 387 с.
47. Виноградов В.В. Почитаемые места в Северо-Западной России / В.В. Виноградов // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 196 – 214.
48. Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера / М.В. Витов. – М., 1964. – 285 с.
49. Витов М.В. Этнография Русского Севера / М.В. Витов. – М., 1997. – 375 с.
50. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. – Ижевск, 1994. – 274 с.
51. Волков Г.Н. Трудовые традиции чувашского народа / Г.Н. Волков. – Чебоксары, 1970. – 267 с.
52. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири / М.М. Громыко. – Новосибирск, 1975. – 372 с.
53. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш / П.В. Денисов. – Чебоксары, 1959. – 318 с.
54. Денисова Н.П. Общинные традиции в хозяйственно-бытовой жизни чувашского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) / Н.П. Денисова // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. – Чебоксары, 1985. – С. 3 – 38.
55. Домокош П. История удмуртской литературы / П. Домокош. – Ижевск, 1993. – 271 с.

- 56.Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. – Йошкар-Ола, 1993. – 263 с.
- 57.Ермаков В.Ф. Кузубай Герд, Жизнь и творчества / В.Ф. Ермаков. – Ижевск, 1996. – 317 с.
- 58.История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. – 386 с.
- 59.Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации / И.К. Калинин. – М., 2000. – 197 с.
- 60.Кирчанов М.В. Проблемы ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Новик. – Воронеж, 2004. – Вып. 9. – С. 127 – 134.
- 61.Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26 – 27 марта 2005 г.) – С. 153 – 167.
- 62.Кирчанов М.В. Латышское национальное движение и проблемы его институционализации в начале XX века / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. Трансформация социальных и политических институтов: Сборник научных трудов. – Калининград, 2005. – Вып. 3. – С. 14 – 43.
- 63.Кирчанов М.В. Создавая национальную историю чуваш: исторические нарративы и национальная идентичность в Советской Чувашии / М.В. Кирчанов // Современные подходы и трактовки важнейших проблем отечественной и всемирной истории: материалы Международных Бекмахановских чтений. Алматы, 25 – 26 мая 2006 г. – Алматы, 2006. – С. 352 – 357.
- 64.Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.
- 65.Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов / С. Лаллукка. – СПб., 1997. – 318 с.
- 66.Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х годов) / Г.А. Никитина. – Ижевск, 1998. – 263 с.
- 67.Пулькин М.В. Почитание мест самосожжений старообрядцев на Европейском Севере России / М.В. Пулькин // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. И.В. Власова. – М., 2006. – С. 215 – 223.
- 68.Салмин А.К. Макрообряды типа чюк / А.К. Салмин // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары, 1988. – С. 72 – 83.

69. Стати В. История Молдовы / В. Стати. - Кишинев, 2003. – 542 с.
70. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004. – 198 с.
71. Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа / Г.К. Шкляев. – Ижевск, 1998. – 235 с.
72. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Т.Б. Щепанская // Русский Север. К проблеме локальных групп / ред.-сост. Т.А. Бернштам. – СПб., 1993. – С. 110 – 176.
73. Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере / Т.Б. Щепанская // Русский Север. Ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. – СПб., 1992. – С. 102 – 126.
74. Перовић М. Милан Пироћанац – западњак у Србији 19 века / М. Перовић // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. – Београд, 2003. – Књ. 3. Улога елита. – С. 11 – 72.
75. Терзић С. Пројект «Аустро-Угорског Балкана» у Босни и Херцеговини / С. Терзић // Босна и Херцеговина. Од средњог века до новијег века. – Београд, 1995. – С. 407 – 423.
76. African Political Systems / eds. M. Fortes, E. Evans-Pritchard. – NY., 1940. – 361 p.
77. Comparative Political Systems: Studies in the Politics of the Pre-Industrial Societies / eds. R. Cohen, J. Middleton. – NY., 1957. – 472 p.
78. Gluckman M. The Kingdom of the Zulu in South Africa / M. Gluckman // African Political Systems / eds. M. Fortes, E. Evans-Pritchard. – NY., 1940. – P. 25 – 55.
79. Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa / M. Gluckman. – NY., 1963. – 332 p.
80. Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macro-Sociology / G. Lenski, J. Lenski. – NY., 1974. – 373 p.
81. Redfield R. Peasant Society and Culture / R. Redfield. – Chicago, 1956. – 264 p.
82. Redfield R., Singer M. The Cultural Role of Cities / R. Redfield, M. Singer // Human Nature and Study of Society / ed. R. Redfield. – Chicago, 1962. – Vol. 1. - P. 143 – 414.

*Учебное пособие
(курс лекций)*

Кирчанов Максим Валерьевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
Проблемы теории и опыт модернизации внутренней
российской периферии

Учебное пособие для вузов
(курс лекций)

Редактор И.Г. Валинкина

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10, Тел. 208-298, 598-026 (факс)

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3, Тел. 204-133